

ЭКОНОМИЧЕСКАЯ СОЦИОЛОГИЯ

JOURNAL OF ECONOMIC SOCIOLOGY = EKONOMICHESKAYA SOTSILOGIYA

Читайте в номере:

Пешкова В. М. Предпринимательская активность иностранных трудовых мигрантов в России. На примере киргизских мигрантов в Москве и Московской области

Гидденс Э., Саттон Ф. Основные понятия в социологии

Хавенсон Т. Е., Чиркина Т. А. Эффективно поддерживаемое неравенство. Выбор образовательной траектории после 11-го класса школы в России

Земнухова Л. В. Социальные исследования технологий: эволюция и взаимодействие подходов

Экономическая

социология

Т. 19. № 5.

Ноябрь 2018

Электронный журнал

www.ecsoc.msses.ru

www.ecsoc.hse.ru

ISSN 1726-3247

Адрес редакции

101000, Россия,

г. Москва,

ул. Мясницкая,

д. 20, комн. 406

тел.: +7 (495) 628-48-86

email: ecsoc@hse.ru

Электронный журнал «Экономическая социология» издаётся с 2000 г. Учредителями являются Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики» (с 2007 г.) и Вадим Валерьевич Радаев (главный редактор).

Цель журнала — утверждать международные стандарты экономико-социологических исследований в России, представлять современные работы российских и зарубежных авторов в области экономической социологии, информировать профессиональное сообщество о новых актуальных публикациях и исследовательских проектах, а также вовлекать в профессиональное сообщество молодых коллег.

Журнал представляет собой специализированное академическое издание. В нём публикуются материалы, отражающие современное состояние экономической социологии и способствующие развитию данной области в её современном понимании. В числе приоритетных тем: теоретические направления экономической социологии, социологические исследования рынков и организаций, социально-экономические стратегии индивидов и домашних хозяйств, неформальная экономика. Также публикуются тексты из смежных дисциплин — неинституциональной экономической теории, антропологии, экономической психологии и других областей, которые могут представлять интерес для экономсоциологов.

Журнал публикует пять номеров в год: в январе, марте, мае, сентябре и ноябре. Доступ ко всем номерам журнала постоянный, свободный и бесплатный по адресу: <http://www.ecsoc.hse.ru>. Каждый номер содержится в едином файле (10–12 п. л. в PDF).

Журнал входит в список ВАК России, индексируется в Российском индексе научного цитирования (РИНЦ), Emerging Sources Citation Index (ESCI) из Web of Science Core Collection и Scopus.

Требования к авторам изложены по адресу: http://ecsoc.hse.ru/author_requirements.html

В журнале применяется двойное анонимное рецензирование статей. Все материалы проходят через полный цикл редакторской обработки и корректуры.

Плата с авторов журнала не взимается. Ускоренные сроки публикации статей не предусмотрены.

Journal of Economic Sociology was established in 2000 as one of the first academic e-journals in Russia. It is funded by the National Research University Higher School of Economics (HSE).

Journal of Economic Sociology promotes international standards of research in economic sociology, presenting new research carried out by Russian and international scholars, introducing new books and research projects, and attracting young scholars into the field.

Journal of Economic Sociology is a specialized academic journal representing the mainstreams of thinking and research in international and Russian economic sociology. Journal of Economic Sociology provides a framework for discussion of the following key issues: major theoretical paradigms in economic sociology, sociology of markets and organizations, social and economic strategies of households, informal economy. Journal of Economic Sociology also welcomes research papers written within neighboring disciplines — new institutional economics, anthropology, economic psychology and related fields, which can be of interest for economic sociologists.

Journal of Economic Sociology has a wide Russian speaking audience, living both in Russia and abroad. Its main target group comprises research scholars, university professors, policy-makers, post-graduates, undergraduates and others who are interested in economic sociology.

Journal of Economic Sociology is indexed by Emerging Sources Citation Index (ESCI) from Web of Science™ Core Collection and Scopus.

Journal of Economic Sociology is a bimonthly journal released in five issues (January, March, May, September, and November). Journal of Economic Sociology provides permanent free access to all issues in PDF. Journal of Economic Sociology applies blind peer-review procedures (two referees for each research paper). All papers are subject to editing, proofreading, and professional design layout.

Guidelines for authors: http://ecsoc.hse.ru/author_requirements.html

Journal of Economic Sociology

Vol. 19. No 5.

November 2018

Electronic journal

www.ecsoc.msses.ru

www.ecsoc.hse.ru

ISSN 1726-3247

Contacts

20 Myasnitskaya street,
room 406

101000, Moscow,

Russian Federation

phone: +7 (495) 628-48-86

email: ecsoc@hse.ru

**Экономическая
социология**
Т. 19. № 5.
Ноябрь 2018

Электронный журнал
www.ecsoc.msses.ru
www.ecsoc.hse.ru

ISSN 1726-3247

Журнал выходит
пять раз в год

Учредители:

- Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»
- В. В. Радаев

Издаётся с 2000 года

НАЦИОНАЛЬНЫЙ ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЙ
УНИВЕРСИТЕТ

Редакция

Главный редактор:

Радаев Вадим Валерьевич (НИУ ВШЭ, Россия)

Редактор выпуска:

Соколова Татьяна Виленовна (НИУ ВШЭ, Россия)

Вёрстка:

Мишина Мария Евгеньевна (Россия)

Корректор:

Андрианова Надежда Викторовна (НИУ ВШЭ, Россия)

Ответственный секретарь:

Котельникова Зоя Владиславовна (НИУ ВШЭ, Россия)

Сотрудники редакции:

Назарбаева Елена Алексеевна (НИУ ВШЭ, Россия)
Конрой Наталья Викторовна (НИУ ВШЭ, Россия)

Международный редакционный совет

Ашвин Сара
(Ashwin, Sarah)

Лондонская школа экономики и политических наук
(Великобритания)

Гербер Тед
(Gerber, Ted)

Висконсинский университет в Мэдисоне
(США)

Гусева Аля (Guseva, Alya)

Университет Бостона (США)

Зависка Джейн (Zavisca, Jane)

Университет Аризоны (США)

Линднер Петер
(Lindner, Peter)

Университет Франкфурта-на-Майне
им. И. В. Гёте (Германия)

Сводер Кристофер
(Swader, Christopher)

Лундский университет (Швеция)

Якубович Валерий
(Yakubovich, Valery)

Бизнес-школа ESSEC (Франция)

Редакционный совет

Богомолова
Татьяна Юрьевна

Институт экономики и организации промышленного
производства СО РАН (Россия)

Веселов
Юрий Васильевич

Санкт-Петербургский государственный
университет (Россия)

Волков
Вадим Викторович

Европейский университет
в Санкт-Петербурге (Россия)

Гимпельсон
Владимир Ефимович

НИУ ВШЭ (Россия)

Лапин
Николай Иванович

Институт философии РАН (Россия)

Малева
Татьяна Михайловна

Институт социального анализа
и прогнозирования РАНХиГС (Россия)

Овчарова
Лилия Николаевна

НИУ ВШЭ (Россия)

Радаев
Вадим Валерьевич
(главный редактор)

НИУ ВШЭ (Россия)

Хахулина
Людмила Александровна

Аналитический центр Юрия Левады
(Россия)

Чепуренко Александр Юльевич

НИУ ВШЭ (Россия)

Шанин Теодор

Московская Высшая школа
социальных и экономических наук (Россия)

Шкаратан Овсей Ирмович

НИУ ВШЭ (Россия)

**Journal of
Economic Sociology**

Vol. 19, No 5.
November 2018

Electronic journal
www.ecsoc.msses.ru
www.ecsoc.hse.ru

ISSN 1726-3247

Journal of Economic
Sociology is a bimonthly
journal released in five
issues in annual volume

Establishers

- National Research
University
Higher School of
Economics
- Vadim Radaev

NATIONAL RESEARCH
UNIVERSITY

Editors

Editor-in-Chief:	Vadim Radaev (HSE, Russia)
Editor:	Tatyana Sokolova (HSE, Russia)
Design and Layout:	Maria Mishina (Russia)
Proofreader:	Nadezda Andrianova (HSE, Russia)
Managing Editor:	Zoya Kotelnikova (HSE, Russia)
Editorial Staff:	Elena Nazarbaeva (HSE, Russia) Natalia Conroy (HSE, Russia)

International Editorial Council

Sarah Ashwin	The London School of Economics and Political Science (UK)
Ted Gerber	University of Wisconsin-Madison (USA)
Alya Guseva	Boston University (USA)
Peter Lindner	Goethe University Frankfurt (Germany)
Christopher Swader	Lund University (Sweden)
Valery Yakubovich	ESSEC Business School (France)
Jane Zavisca	The University of Arizona (USA)

Editorial Council

Tatyana Bogomolova	Institute of Economics and Industrial Engineering of the Siberian Branch of Russian Academy of Sciences (Russia)
Alexander Chepurenko	HSE (Russia)
Vladimir Gimpelson	HSE (Russia)
Lyudmila Khakhulina	Yuri Levada Analytical Center (Russia)
Nikolay Lapin	Institute of Philosophy of Russian Academy of Sciences (Russia)
Tatyana Maleva	Institute of Social Analysis and Forecasting, The Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (Russia)
Lilia Ovcharova	HSE (Russia)
Vadim Radaev (Editor-in-Chief)	HSE (Russia)
Theodor Shanin	Moscow School of Social and Economic Sciences (Russia)
Ovsey Shkaratan	HSE (Russia)
Yuriy Veselov	Saint Petersburg State University (Russia)
Vadim Volkov	European University at Saint Petersburg (Russia)

Содержание

Вступительное слово главного редактора (*В. В. Радаев*) 7

Новые тексты

В. М. Пешкова

Предпринимательская активность иностранных трудовых мигрантов в России. На примере киргизских мигрантов в Москве и Московской области..... 11

Новые переводы

Э. Гидденс, Ф. Саттон

Основные понятия в социологии..... 41

Расширение границ

Т. Е. Хавенсон, Т. А. Чиркина

Эффективно поддерживаемое неравенство. Выбор образовательной траектории после 11-го класса школы в России..... 66

Дебютные работы

И. С. Баранов

Конструирование доверия на российском рынке криптовалют 90

Профессиональные обзоры

Л. В. Земнухова

Социальные исследования технологий: эволюция и взаимодействие подходов..... 113

Новые книги

Н. В. Конрой

От этнографии организаций к анализу жизненных обстоятельств?

Рецензия на книгу: Rakopoulos Th. 2017. *From Clans to Co-Ops: Confiscated Mafia Land in Sicily*.

New York; Oxford: Berghahn Books. 229 p..... 130

Конференции

Е. А. Назарбаева

Международная научно-практическая конференция «Базовый доход: пролог

к социальной политике XXI века», НИУ ВШЭ, 14 ноября 2018 г., Москва..... 139

Дискуссии

Д. В. Катаев

Веберианский и антивеберианский дискурс: к вопросу

о гипнотической силе классики на примере «Протестантской этики»..... 146

Contents

Editor's Foreword (*Vadim Radaev*)..... 7

New Texts

Vera Peshkova

Entrepreneurial Activity of Foreign Labor Migrants in Russia:
On the Example of Kyrgyz Migrants in Moscow and the Moscow Region..... 11

New Translations

Anthony Giddens, Philip W. Sutton

Essential Concepts in Sociology (excerpts)..... 41

Beyond Borders

Tatiana Khavenson, Tatiana Chirkina

Effectively Maintained Inequality. The Choice of Postsecondary Educational Trajectory in Russia 66

Debut Studies

Ignat Baranov

Creation of Trust in the Russian Cryptocurrency Market..... 90

Professional Reviews

Liliia Zemnukhova

Social Studies of Technology: Evolution and Interaction of Approaches 113

New Books

Natalia Conroy

From Ethnography of Organizations to Analysis of the Real Live Circumstances?

Book Review: Rakopoulos T. (2017) *From Clans to Co-ops: Confiscated Mafia Land*

in Sicily, New York; Oxford: Berghahn Books. 229 p..... 130

Conferences

Elena Nazarbaeva

International Scientific Conference “Basic Income as a Prologue

to Social Policy of the 21st Century”, NRU HSE, November 14th, 2018, Moscow..... 139

Debates

Dmitry Kataev

Weberian and Anti-Weberian Discourse: To the Question of the Hypnotic Power

of Classics on the Example of “Protestant Ethics..... 146

VR ВСТУПИТЕЛЬНОЕ СЛОВО ГЛАВНОГО РЕДАКТОРА

Уважаемые читатели!

С этого номера в журнале появляется новая рубрика — «Дискуссии». В этой рубрике будут предлагаться содержательные отклики на ранее опубликованные работы. Мы считаем это нововведение очень важным, поскольку, на наш взгляд, содержательных дискуссий в российской академической печати по-прежнему не хватает. Некоторые из откликов, как вы увидите далее, будут представлять собой полноценные статьи. Мы также предоставим возможность авторам исходных материалов ответить на страницах нашего журнала на критику в рамках дискуссии, если, конечно, они этого захотят.

Теперь более подробно о новом номере журнала.

В рубрике «**Новые тексты**» мы публикуем статью канд. ист. н. *В. М. Пеиковой* (старший научный сотрудник Центра региональной социологии и конфликтологии Федерального научно-исследовательского социологического центра РАН) «Предпринимательская активность иностранных трудовых мигрантов в России. На примере киргизских мигрантов в Москве и Московской области». В статье выявляются предпринимательские стратегии, формирующиеся в результате взаимодействия структуры возможностей российского общества и некоторых групповых характеристик мигрантов. На основе анализа материалов 26 глубинных интервью с экспертами и предпринимателями родом из Кыргызстана рассмотрен индивидуальный и групповой уровни формирования таких стратегий. Особое внимание уделено месту и роли родственных и земляческих связей мигрантов, составляющих основу этномигрантских социальных сетей, которые являются ключевым ресурсом создания бизнеса, особенно на начальном этапе этой деятельности.

В рубрике «**Расширение границ**» мы публикуем статью *Т. Е. Хавенсон* (научный сотрудник Международной лаборатории анализа образовательной политики Института образования, старший преподаватель департамента социологии НИУ ВШЭ) и *Т. А. Чиркиной* (стажёр-исследователь Международной лаборатории анализа образовательной политики, преподаватель департамента образовательных программ Института образования НИУ ВШЭ) «Эффективно поддерживаемое неравенство. Выбор образовательной траектории после 11-го класса школы в России». В статье впервые на данных России проверяется теория эффективно поддерживаемого неравенства, согласно которой количественное увеличение мест, доступных для получения определенного конкретного уровня образования, не приводит к снижению социально-экономического неравенства. На данных лонгитюдного проекта «Траектории в образовании и профессии» изучаются два типа образовательного выбора, совершаемого выпускниками после окончания 11-го класса школы: (1) между средним профессиональным и высшим образованием и (2) между селективным и неселективным вузом. Показано, что после 11-го класса непосредственная роль социально-экономического положения более важна для перехода на академическую траекторию, нежели усилия семьи по повышению успеваемости.

В рубрике «**Новые переводы**» нас ожидает перевод четвертого раздела книги *Энтони Гидденса* и *Филипа Саттона* «Основные понятия в социологии». Книга объясняет основные понятия, благодаря которым социология сформировалась как научная дисциплина. Не ограничиваясь краткими словарными определениями, авторы подробно рассматривают каждое понятие, исторические и теоретические контексты его возникновения и развития, показывают значения и интерпретации, обращая внимание на критику и развитие в современных исследованиях и теориях. В публикуемом разделе «Структуры

общества» разбираются понятия «бюрократия», «капитализм», «консюмеризм», «образование», «организация», «разделение труда» и «религия». Перевод с английского *Елизаветы Рождественской* и *Станислава Гавриленко*.

В рубрике «**Дебюты**» публикуется статья независимого исследователя *И. С. Баранова* (Мельбурн, Австралия) «Конструирование доверия на российском рынке криптовалют». На основе 15 полуструктурированных интервью с активными участниками рынка криптовалюты произведена типология её пользователей, рассмотрены способы управления рисками при взаимодействии с рынком и представления участников о роли государства в этом рынке. Показано, что одна группа использует криптовалюту для потребления различных категорий товаров (включая запрещенные на территории РФ), а другая группа стремится извлечь для себя финансовую выгоду из текущей ситуации на рынке.

В рубрике «**Профессиональные обзоры**» помещён аналитический обзор, подготовленный канд. соц. н. *Л. В. Земнуховой* (научный сотрудник Центра исследований науки и технологий Европейского университета в Санкт-Петербурге) «Социальные исследования технологий: эволюция и взаимодействие подходов». Автор показывает, как на пересечении двух дисциплинарных направлений — исследования инноваций (*innovation studies* — IS) и исследования науки и технологий (*science and technology studies* — STS) — рождаются комплексные модели и концепции, такие как социотехнические конфигурации, где социальные отношения придают смысл технологическим артефактам

В рубрике «**Новые книги**» *Н. В. Конрой* (научный сотрудник Лаборатории экономико-социологических исследований НИУ ВШЭ) предлагает рецензию на книгу норвежского антрополога Сеодóроса Ракóпулоса «From Clans to Co-Ops: Confiscated Mafia Land in Sicily» («От кланов к кооперативам: конфискованные земли мафии на Сицилии») (New York; Oxford: Berghahn Books, 2017).

В рубрике «**Конференции**» можно прочитать обзор конференции «Базовый доход: пролог к социальной политике XXI века», прошедшей в НИУ ВШЭ 14 ноября 2018 г. Конференция была посвящена вопросам теории и практической реализации базового дохода. В ходе дискуссий обсуждались вопросы взаимосвязи базового дохода с неравенством и корректировкой пенсионных систем, а также попытки и примеры его внедрения за рубежом — в Швейцарии и Финляндии. Выступления участников позволили развенчать существующие мифы о базовом доходе, посмотреть на него как на инструмент решения различных социальных проблем, выделить ключевые вопросы, на которые нужно дать ответ, конструируя подобную систему социальной поддержки. Автор обзора — *Е. А. Назарбаева* (аналитик Центра анализа доходов и уровня жизни Института социальной политики НИУ ВШЭ, эксперт Лаборатории экономико-социологических исследований НИУ ВШЭ).

В рубрике «**Дискуссии**» публикуется отклик д. соц. н. *Д. В. Катаева* (профессор кафедры философии, социологии и теологии Липецкого государственного педагогического университета) на текст *Р. И. Капелюшниковой* «Гипноз Вебера. Заметки о “Протестантской этике и духе капитализма”», опубликованный в двух предыдущих номерах журнала (см.: Экономическая социология. 2018. 19 (3): 25–49; 19 (4): 12–42). По мнению *Д. В. Катаева*, неискажённая и аутентичная рефлексия наследия Макса Вебера возможна лишь через его целостное прочтение с учётом историко-биографических и контекстуальных, категориально-понятийных и методологических аспектов. В случае Вебера речь идёт о теоретических дискуссиях в рамках полемики с материалистическим пониманием истории. Автором также приведены аргументы в пользу «веберовской исследовательской программы» *В. Шлюхтера* и реконструированной парадигмы *Т. Швинна* и *Г. Альберта*.

* * *

Желаем всем вам успешного завершения очередного календарного года.

VR INTRODUCTORY REMARKS

Dear Colleagues:

Starting with this issue of our Journal, we introduce a new rubric, “Debates,” inviting replies to the previously published papers. This novelty is particularly important given the lack of substantive discussion in Russian academic journals. You will soon realize that some of these replies should be perceived as full-scale research papers. We also intend to give the authors of the original papers an opportunity to respond to their critics.

Now let us introduce a new issue of the Journal.

Dr. *Vera Peshkova* (Senior Research Fellow, Center for Regional Sociology and Conflictology of the Federal Research Sociological Center of the Russian Academy of Sciences) presents a paper, “Entrepreneurial Activity of Foreign Labor Migrants in Russia: On the Example of Kyrgyz Migrants in Moscow and the Moscow Region.” The study is focused on the entrepreneurial strategies of Kyrgyz migrants, which are formed as a result of interaction of the structure of the host Russian society and some group characteristics of migrants. Data were collected from 26 in-depth interviews with experts and entrepreneurs from Kyrgyzstan. Particular attention is paid to the place and role of kinship and compatriot connections of migrants from Kyrgyzstan, which form the basis of ethno-migrant social networks. These ties acquire an ethnic dimension, primarily because they provide a key resource, especially at the initial stage of business creation.

In the section “Beyond the Borders ,” we publish a paper of *Tatiana Khavenson* and *Tatiana Chirkina* (both from the International Laboratory for Educational Policy Analysis, Institute of Education, NRU HSE), “Effectively Maintained Inequality: The Choice of Postsecondary Educational Trajectory in Russia.” In the paper, for the first time, the theory of effectively maintained inequality is tested on a basis of Russian data. According to this theory, the increase in the number of places at a specific level of education may not lead to decreased socioeconomic inequality on this level, as long as inequality will maintain at the level because of the qualitative difference of the received education. Collecting data from the longitudinal project, “Trajectories in Education and Profession,” two postsecondary educational choices are examined: (1) the choice between vocational and higher education, and (2) the choice between going to a selective or non-selective university. The results show that after finishing school, the direct effect of the socio-economic background is more important for moving to a more academic trajectory than the family's efforts to improve academic performance.

In the rubric “New Translations,” we publish a part of the book by *Anthony Giddens* and *Philip W. Sutton*, “Essential Concepts in Sociology.” This book introduces essential concepts, which present the basics of sociology as a field. The authors not only provide short vocabulary definitions, but also consider each concept in detail, including historical and theoretical contexts of their emergence and usage, they also demonstrate meanings and interpretations, addressing critics and evolution in modern research and theories. The Journal of Economic Sociology publishes the book's fourth section, “Structures of the Society,” in which the authors review bureaucracy, capitalism, consumerism, organization, labor division, education, and religion. The book has been translated by *Elizaveta Rozhdestvenskaya* and *Stanislav Gavrilenko*.

Ignat Baranov (Independent Researcher from Melbourne, Australia) has submitted a paper, “Creation of Trust in the Russian Cryptocurrency Market.” Data were collected from 15 semi-structured interviews with active participants of the cryptocurrency market. A typology of cryptocurrency users was introduced. The ways of managing risks in interactions with the market and insight into the role of the state in this market were examined. The author argues that one group use cryptocurrency for consumption of various goods (including

those that are prohibited in the Russian Federation), whereas the second group of users tries to derive financial benefit from the current market situation.

Dr. *Liliia Zemnukhova* (Research Fellow, Center for Science and Technology Studies, European University at St. Petersburg) has prepared an analytical review, “Social Studies of Technology: Evolution and Interaction of Approaches.” The author shows how, at the intersections of two disciplinary directions—innovation research (IS) and science and technology studies (STS)—more complex models and concepts are being born, such as socio-technical configurations, for which social relations give meaning to technological artifacts.

We provide information on the conference “Basic Income as a Prologue to Social Policy of the 21st Century,” which took place in the Higher School of Economics. It was devoted to both the theoretical and practical aspects of basic income implementation. Interconnections of basic income with inequality and pension-system adaptation were discussed along with the experience of relevant projects in the field conducted in Switzerland and Finland. The presentations provided the ability to dispel the myths about basic income, look at it as a tool for solving different social problems, and formulate the questions that should be asked while constructing such a measure of social support. The author is Elena Nazarbaeva (Centre for Studies of Income and Living Standards, Institute for Social Policy, Laboratory for Studies in Economic Sociology NRU HSE).

Natalia Conroy (Research Fellow, Laboratory for Studies in Economic Sociology) reviews Norwegian anthropologist T. Rakopoulos’s new book, “From Clans to Co-Ops: Confiscated Mafia Land in Sicily” (New York; Oxford: Berghahn Books, 2017.)

In our new rubric, “Debates,” Dr. *Dmitry Kataev* (Professor of the Department of Philosophy, Sociology and Theology, Lipetsk State Pedagogical University) presents his response to the text by *Rostislav Kapelyushnikov*, “Weber's Hypnosis: Notes on ‘Protestant Ethics and the Spirit of Capitalism.’” The author argues that the uncharted and authentic reflection of the legacy of Max Weber is possible only in view of a holistic reading of his work, taking into account the historical, biographical, and contextual aspects. In the case of Weber, theoretical discussions with the materialist understanding of history should be taken into account. Arguments in support of W. Schluchter's “Weberian research program” and the reconstructed paradigm of T. Schwinn and G. Albert are also presented.

НОВЫЕ ТЕКСТЫ

В. М. Пешкова

Предпринимательская активность иностранных трудовых мигрантов в России

На примере киргизских мигрантов в Москве и Московской области¹

ПЕШКОВА Вера Михайловна — кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Центра региональной социологии и конфликтологии Федерального научно-исследовательского социологического центра Российской академии наук. Адрес: Россия, 117218, Москва, ул. Кржижановского, д. 24/35, к. 5.

Email: pever@mail.ru

В статье рассматриваются особенности предпринимательской активности иностранных трудовых мигрантов в современной России на примере киргизских мигрантов в Москве и Московской области. Логика работы выстраивается вокруг выявления предпринимательских стратегий, формирующихся в результате взаимодействия структуры возможностей российского общества и некоторых групповых характеристик мигрантов. Условно выделены три этапа развития предпринимательства среди киргизских мигрантов: 1990-е — начало 2000-х гг.; первая половина 2000-х — конец 2000-х гг. и 2010-е гг. На основе анализа материалов 26 глубинных интервью с экспертами и предпринимателями родом из Кыргызстана рассмотрен индивидуальный и групповой уровень формирования предпринимательских стратегий. На индивидуальном уровне наиболее важны персональные характеристики, возраст, удовлетворение первичных материальных задач семьи мигранта, миграционный стаж. Намного более значимым ресурсом, чем наличие российского гражданства, особенно на начальном этапе, оказывается знание русского языка. На групповом уровне предпринимательство киргизских мигрантов характеризуются количественным и качественным накоплением индивидуальных и групповых ресурсов, входждением на рынок через свободную, а главное — доступную нишу, переходом от купли-продажи к производству.

Особое внимание уделено месту и роли родственных и земляческих связей мигрантов из Кыргызстана, составляющих основу этномигрантских социальных сетей. Эти связи приобретают этническое измерение, прежде всего потому, что являются ключевым, если не единственным, ресурсом, особенно на начальном этапе создания бизнеса. Привлечение этих связей составляет основу «этнической» предпринимательской стратегии и часто приводит к созданию бизнеса, ориентированного преимущественно на «своих», или мигранто-ориентированной инфраструктуры. В то же время предприниматели киргизского происхождения не являются гомогенной группой. В зависимости от того, на каких клиентов направлен бизнес, помимо этнической предпринимательской стратегии, выделяется бизнес ориентированный как на «своих», так и на остальное население, а также преимущественно на всё население Москвы и области.

¹ Выражаю искреннюю благодарность за помощь всем участникам исследования, Общероссийскому Кыргызскому конгрессу, экспертам и предпринимателям, благодаря кому был реализован проект и подготовлена данная статья.

Ключевые слова: предпринимательская активность; иностранные трудовые мигранты; Кыргызстан; «этническое» предпринимательство; мигранто-ориентированная инфраструктура; предпринимательские стратегии.

Введение в проблему

Россия уже почти два десятилетия является страной, активно принимающей международную трудовую миграцию, которая, с одной стороны, существенно влияет на структуру экономики и состояние российского рынка труда, а с другой — определяется ими. В связи с этим одно из наиболее популярных в миграционных исследованиях направлений — это изучение социально-экономических эффектов внешней миграции как для отправляющей, так и для принимающей страны. В российском общественном — и иногда экспертном — мнении эти эффекты, как правило, оцениваются негативно². В частности, есть представление, что мигранты сосредотачиваются, во-первых, в определённых экономических нишах, не просто создавая конкуренцию, а вытесняя местное население; и, во-вторых, в сфере неформальной экономики, продвигая теневые схемы экономической активности (см.: [Барсукова 2004: 47–57, 154; Дмитриев 2006; Рыбаковский 2011; Люев 2015] и др.).

Тем не менее мировая практика показывает, что внешние трудовые мигранты демонстрируют более высокие, по сравнению с местным населением показатели самозанятости, а значит, могут быть ресурсом для развития малого и среднего предпринимательства [Верховская, Дорохина 2012: 38–40]. Для России это особенно важно, поскольку вклад малого и среднего бизнеса в общие экономические показатели здесь существенно ниже, чем в большинстве не только развитых, но и развивающихся стран. Хотя в целом российская власть понимает актуальность развития малого и среднего бизнеса³, предпринимательство среди мигрантов и его вклад в российскую экономику практически не обсуждаются.

Отчасти это связано с невозможностью ведения точной статистики, а также с недостатком специальных исследований в этой области. Сложность и уникальность российской ситуации также состоит в том, что активизация внешней миграции, преимущественно из бывших частей Советского Союза, совпала с кардинальными геополитическими и социально-экономическими трансформациями, в частности с переходом от советской плановой к рыночной экономике. Хотя в советский период и были примеры деловой активности, предпринимательство, строго говоря, начало формироваться после распада Союза практически с нуля. Иными словами, как масштабная трудовая миграция, так и новые формы экономической занятости населения появляются почти одновременно, что также объясняет как новизну проблемы, так и малочисленность специальных научных исследований в этой области.

Как новое социальное и экономическое явление предпринимательство среди международных трудовых мигрантов в России рождает множество вопросов. Насколько распространена предпринимательская активность иностранных мигрантов в современной России? Какие факторы и условия обуславливают её появление и развитие? Какую роль в предпринимательской активности играет этничность мигрантов? Каковы предпринимательские стратегии мигрантов, какую роль в них играют практики привлечения ресурсов различных этномигрантских сообществ? Какую роль предпринимательская активность играет в жизни мигрантов, а также каков потенциал мигрантского бизнеса в развитии малого и среднего предпринимательства в России?

² См. многолетние исследования отношения населения к миграции и мигрантам Фонда общественного мнения. URL: <https://fom.ru/tag/Migrants>, Всероссийского центра изучения общественного мнения URL: <https://wciom.ru/index.php?id=236&uid=115969>, Левада-Центра URL: <http://www.levada.ru/tag/migrants/>

³ См.: Стратегия развития малого и среднего предпринимательства в Российской Федерации на период до 2030 года (распоряжение Правительства РФ от 2 июня 2016 г.) URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_199462/f3fa9da4fab9fba49fc9e0d938761ccffdd288bd/

Наиболее развёрнутые ответы на эти вопросы может дать только комплексный анализ как этнических, так и внеэтнических факторов, обуславливающих выбор той или иной модели экономического поведения, той или иной предпринимательской стратегии мигрантов. В соответствии с этим логика данного текста выстраивается вокруг анализа разных аспектов предпринимательской активности иностранных трудовых мигрантов (на примере мигрантов из Кыргызстана) и состоит из анализа ряда условий и возможностей принимающего российского общества (в первую очередь общих социально-экономических условий, доступных экономических ниш принимающей среды и т. п.) и некоторых групповых характеристик, в том числе этномигрантских сообществ.

Исходя из этой логики структура статьи следующая: вначале даётся анализ зарубежных и отечественных теоретико-методологических подходов к изучению предпринимательской активности мигрантов; далее приводится описание методологии и методов конкретного социологического исследования, результаты которого представлены в статье. В первой части описания содержательных результатов исследования рассматриваются статистические данные о численности и динамике мигрантов из Кыргызстана в России, а также выделяются этапы формирования предпринимательства среди киргизских мигрантов. Большая часть описания содержательных результатов исследования содержит подробный анализ индивидуального и группового уровня формирования предпринимательских стратегий мигрантов из Кыргызстана, при этом особое внимание уделено роли родственных и земляческих связей киргизских мигрантов.

Теоретико-методологические подходы в изучении предпринимательской активности мигрантов

Большинство исследований предпринимательской активности мигрантов объединяет определение этого вида экономического поведения как этнического бизнеса. В самом общем виде можно сказать, что принципиальное различие между подходами заключается в примордиальном или инструментальном понимании этничности. Первые наиболее известные примеры предрасположенности к занятию бизнесом находим в работах В. Зомбарта, который считал, что некоторые народы (например, евреи) обладают качествами, необходимыми для успешного ведения бизнеса, больше других [Зомбарт 2004]. М. Вебер также писал о роли социально-культурных особенностей и духовных предпосылок в появлении и развитии капиталистического предпринимательства, в том числе среди представителей меньшинств. Характеризуя особенности бизнеса мигрантских сообществ, М. Вебер обозначил их как посреднические, торговые меньшинства, поскольку их представители получали прибыль от перепродажи, а не от производства [Вебер 1990].

Теория посреднических меньшинств была развита Э. Боначич, которая считала, что главным, хотя и не единственным, условием возникновения посреднических меньшинств является их гостевой статус, предполагающий, что иммигрант изначально настроен на временное пребывание в принимающей стране [Bonacich 1973]. В связи с этим на передний план выходят такие характеристики данной группы, как бережливость, занятость в определённых экономических нишах, высокий уровень внутренней солидарности, поддержка глубоких региональных и этнических связей, взаимная помощь и высокая степень доверия среди членов. Пример типичного бизнеса посреднического меньшинства — семейный магазин или ферма, базирующиеся на неоплачиваемом семейном труде. Вынужденная сегрегация подобных сообществ частично провоцируется и поддерживается дискриминацией и враждебностью со стороны местного населения. Но этим роль принимающего общества в формировании посреднических меньшинств не ограничивается. Так, например, их концентрации в определённых сферах занятости способствуют законы, запрещающие собственность на землю данным категориям населения [Bonacich 1973: 590].

Многие современные зарубежные работы по миграции и деловой активности мигрантов продолжают традицию изучения городских иммиграционных сообществ Чикагской школой социологии. Согласно американским исследователям, мигранты, будучи меньшинством, оказываясь в иноэтнической среде, используют этничность как один из ресурсов, что помогает им определиться с моделью экономического поведения и решить свои повседневные бытовые проблемы. Р. Парк, исследуя современные ему иммигрантские общины в США, делает вывод, что такой бизнес, как деловые предприятия, клубы, салоны, кафе и рестораны, места собраний и пресса, где заняты представители иммигрантского сообщества, является неотъемлемой частью самоорганизации любых иммигрантов, а также служит одним из способов инкорпорации новых мигрантов в рынок труда и принимающее общество [Парк 2002: 13–18].

Развивая данный подход к пониманию роли этничности в экономической активности мигрантов, И. Лайт, С. Карагергис и С. Голд предложили понятие «этническая экономика», которым обозначается любая этническая самозанятая группа мигрантов, состоящая, как правило, из работодателей, работников-соотечественников и членов их семей [Light, Gold 2000; Light, Karageorgis 2007]. К. Уилсон и А. Портес ввели близкое этнической экономике понятие «анклавная экономика», или «иммигрантский анклав». Оно предполагает, что экономика, контролируемая с помощью этнического ресурса (например, то, что новые иммигранты устраиваются в фирмы своих соотечественников), гарантирует мигрантам работу, снижает безработицу и улучшает условия труда [Wilson, Portes 1980; Portes, Jensen 1987].

В рамках экономической теории клуба для объяснения экономической активности мигрантов вводится понятие «клубная вещь (услуга)», которая рассматривается как коллективный актив или социальный капитал этнического анклава. Этнический анклав в клубной теории описывается как добровольная группа соотечественников, возникающая из-за взаимной выгоды разделения производственных издержек — низкой стоимости труда, низких транзакционных издержек [Galbraith, Rodriguez, Stiles 2007].

На фоне исследовательского мейнстрима появляются работы, обращающие внимание не только на этничность иммигрантов, но и на роль условий принимающей среды. В основу интерактивной модели развития этнического бизнеса Р. Уолдингера, Х. Олдрича и Р. Уорда заложены два параметра: структура возможностей (рыночные условия, доступ к собственности и к бизнесу в целом и т. п.) и характеристики групп (например, обстоятельства, предшествовавшие иммиграции, отношение группы к условиям жизни в принимающей стране, мобилизация различных ресурсов сообщества) [Уолдінгер, Олдрич, Уорд 2008: 32]. В результате переплетения всех этих факторов возникают предпринимательские этнические стратегии. Причём под этничностью «этнического» бизнеса авторы этой модели понимают совокупность связей и регулярных моделей взаимодействия между людьми, имеющими общее национальное происхождение или миграционный опыт. Этничность в бизнесе поэтому часто актуализируется тогда, «когда социальные связи между членами этнической группы помогают сформировать особые профессионально-отраслевые или пространственные образования» [Уолдінгер, Олдрич, Уорд 2008: 42].

Дополняет эту исследовательскую перспективу подход смешанного включения, в котором для нас особенно важен тезис о том, что всегда следует учитывать, на каком уровне — национальном, региональном или локальном — мы изучаем предпринимательскую активность мигрантов, поскольку каждый из них имеет свою структуру возможностей, свои характеристики локального этномигрантского сообщества и, соответственно, свои предпринимательские стратегии [Kloosterman, Leun, Rath 1999].

В *эвристической модели* португальской исследовательницы К. Оливьеры к изучению возможностей принимающей среды и ресурсов иммигрантской общины (история миграции и длительность проживания сообщества, социальные сети, позиция мигрантского сообщества на рынке труда, степень этнической лояльности) добавляются персональные ресурсы иммигранта (например, возраст, образование,

миграционный и трудовой опыт, знание языка, гражданство и т. п.) [Oliveira 2007]. Согласно этому подходу только комплексный анализ взаимодействия трёх выше названных составляющих позволяет наиболее полно изучить предпринимательскую активность мигрантов.

В отечественных миграционных исследованиях предпринимательству мигрантов довольно долго не уделялось должного внимания, хотя бы в силу новизны данного явления для России. Но и в существующих работах, в общем тренде с большинством зарубежных исследований, чаще всего оно рассматривается преимущественно через призму этнического предпринимательства и этнической экономики [Рыжова 2008]. Причём между этнической и неформальной экономикой часто ставится знак равенства. Значительная группа работ охватывает изучение роли предпринимательства в адаптации и интеграции мигрантов, фокусируясь на значимости этнических ресурсов мигрантов в адаптации и в эффективном включении в экономическую жизнь. Иными словами, этническое предпринимательство рассматривается в связи с внешней миграцией как форма социально-экономической адаптации мигрантов. Речь о том, что мигранты, попав в новую для себя среду, мобилизуются и открывают собственное дело, тем самым адаптируясь к ней [Радаев 1993; Рязанцев 2000; Лайша 2013]. Большую роль при этом играет основанное на общеразделяемой этничности доверие, которое помогает сформировать этнические социальные сети, являющиеся социальным и экономическим преимуществом в принимающем сообществе [Кузнецов, Мукомель 2007].

Ещё одна группа отечественных исследований посвящена изучению собственно практик предпринимательства в отдельных российских регионах (мигранты на Дальнем Востоке) [Мищук 2016], «торговых меньшинств» в Иркутске [Дятлов 2000] и конкретных мигрантских сообществ (например, корейцев [Садаева 2007], азербайджанцев [Гаджигасанова 2013; Снисаренко 2013] и др.), влиянию этнической дискриминации на местный рынок труда, в том числе на развитие бизнеса среди мигрантов [Букин 2012].

Важно отметить, что многие отечественные исследования объединяет понимание мигрантов как единой гомогенной социальной группы и, следовательно, обозначение «этническое предпринимательство» как характеристики всей группы. Своего рода исключением в этом ряду можно считать работу О. Бредниковой и О. Паченкова, которые предложили деконструкцию феномена «этнического предпринимательства». На примере экономических мигрантов из Средней Азии и Кавказа в Петербурге они показывают, что этничность «этнической экономики» данных мигрантов ситуативна, ограничена соображениями рациональности, а не особыми этническими ресурсами и не может прописываться как единая характеристика группы [Бредникова, Паченков 2002].

Обобщая краткий анализ зарубежных и отечественных теоретико-методологических подходов к изучению предпринимательской активности мигрантов, можно выделить два ключевых, проходящих через большинство работ красной нитью момента. Во-первых, рассмотрение предпринимательства мигрантов из перспективы различных комбинаций взаимодействия трёх факторов, а именно персональных характеристик мигрантов, групповых характеристик и ресурсов (культурные традиции, этнические социальные сети, доверие и т. п.) и условий, или структуры возможностей принимающего (в первую очередь) и отправляющего (в какой-то степени) общества. Во-вторых, из перспективы того, как понимается этничность «этнического предпринимательства» мигрантов: как необходимая характеристика любого предпринимательства мигрантов или как актуализируемый в определённом контексте групповой ресурс (доверие «своим», совокупность социальных связей между «своими», значимость этнической идентичности и т. п.). Исходя из этого при обращении к предпринимательской активности мигрантов в современной России следует учитывать как социально-экономические и исторические условия конкретной среды, где происходит развитие деловой активности мигрантов, так и характеристики мигрантских сообществ, в том числе место и роль среди них этничности как на индивидуальном, так и на групповом уровне.

Методология и методы исследования

Статья основана на материалах исследовательского проекта «Предпринимательство среди иностранных мигрантов в России: структурные возможности *versus* “этнические” ресурсы», поддержанного Российским фондом фундаментальных исследований (РФФИ)⁴. Под предпринимательством, вслед за Федеральной службой государственной статистики, мы понимаем любую активность, предполагающую занятость не по найму или занятость «на собственном предприятии, в собственном деле». Ещё одной важной характеристикой подобной занятости является то, что вознаграждение в ней напрямую зависит от дохода, получаемого от производства товаров и оказания услуг. К занятым не по найму относят работодателей, самостоятельно занятых лиц и членов производственных кооперативов, помогающих на семейном предприятии [Рабочая сила... 2018: 28].

Выбор в качестве объекта анализа мигрантов из Кыргызстана в Москве и Московской области объясняется несколькими причинами.

Во-первых, подавляющим большинством иностранных мигрантов в России являются мигранты из СНГ, численность которых на 1 июня 2018 г. составила 8,3 млн чел. (86% всех иностранных мигрантов). Среди них половина — представители Средней Азии, численность которых немногим более 4,2 млн чел. [Мкртчян, Флоринская 2018: 17]. Число трудовых мигрантов или указавших целью своего приезда работу по найму в июне 2018 г. составляло 4,2 млн чел.; 96% из них — также представители стран СНГ [Мкртчян, Флоринская 2018: 18].

Во-вторых, основными центрами притяжения мигрантов являются Москва и Московская область, Санкт-Петербург и Ленинградская область, а также Краснодарский край.

В-третьих, из всех среднеазиатских стран был выбран Кыргызстан в связи в том числе и с тем, что миграция из него сопровождалась рядом межгосударственных договоров. Например, после вхождения в Евразийский экономический союз в 2015 г. правила пребывания на территории России и осуществления трудовой деятельности для мигрантов отличаются от тех, что были до 2015 г. Это позволит установить, каким образом данные различия в структурных возможностях влияют на самозанятость киргизских трудовых мигрантов.

Отбор информантов проходил среди выходцев из Кыргызстана, имеющих собственное дело, методом «снежного кома». Затем были проведены глубинные полуструктурированные интервью. Анализ глубинных интервью позволяет понять изучаемое явление с точки зрения самих социальных акторов; выявить мотивацию мигрантов к ведению предпринимательской деятельности; исследовать интерпретацию использования различных предпринимательских стратегий в разных ситуациях и контекстах, предлагаемую мигрантами; прояснить вопрос о соотношении структурных возможностей, групповых и индивидуальных ресурсов в представлениях социальных акторов.

Гайд интервью содержит следующие блоки информации:

- о предпринимателе (возраст, образование, опыт работы, причины миграции, наличие российского гражданства, мотивация заняться своим делом, установки и т. п.);
- о предпринимательской активности (профиль предприятия, история дела, первоначальный капитал, кредиты, юридический статус, партнёры, сотрудники, клиенты, успехи и сложности, планы, место и роль этничности);

⁴ Проект РФФИ № 17-03-00834-ОГН (2017–2018 гг.).

— о внешних факторах (отношение принимающего населения, влияние кризисов глобальных и региональных, политические изменения и т. п.).

В 2017–2018 гг. проведены 26 интервью: 20 — с мигрантами-предпринимателями родом из Кыргызстана в Москве и Московской области, шесть — с представителями киргизских общественных организаций, осведомлёнными о состоянии предпринимательства среди своих соотечественников. Также использовались материалы включённого наблюдения за работой бизнес-форума «Табарман»⁵, организованного бизнес-представителями киргизских общин в Москве. Длительность одного интервью составляет 1–2,5 ч.

Помимо экспертных интервью с представителями киргизских общественных организаций (некоторые из этих людей также являются предпринимателями), проанализированы интервью с 20 предпринимателями киргизского происхождения, киргизами по национальности (12 мужчин и 8 женщин); 12 человек из южной части Кыргызстана и 8 — из северной. Родившихся в 1950–1960-е гг. — 4 чел.; в 1970-е и в 1980-е гг. — 9 чел.; в конце 1980-х и начале 1990-х гг. — 7 чел. (младшее поколение). Гражданами РФ являются 12 информантов; 8 чел. — граждане Кыргызстана. В целом уровень образования молодых информантов ниже, чем у более старшего поколения, представители которого имеют высшее образование и опыт работы во времена Советского Союза. Среднее поколение имеет множественный опыт предпринимательства, как минимум два-три различных бизнеса одновременно, иногда — совмещение с наёмным трудом. И наконец, младшее поколение — это, как правило, начинающие предприниматели.

Часть информантов (4 чел.) получили российское гражданство ещё в начале 1990-х гг. автоматически, поскольку проживали и работали на территории РФ до распада Советского Союза. Но большинство информантов, имеющих российское гражданство, оформили его в 2000-е гг. Также подавляющее большинство участников исследования — как предпринимателей, так и экспертов (с российским гражданством и без него) — впервые приехали в Москву в начале 2000-х — 2010 гг. в качестве трудовых мигрантов. Иными словами, формально являясь российскими гражданами, многие выходцы из Кыргызстана, несмотря на свой правовой статус, практически остаются недавними мигрантами. Следует сказать, что в настоящее время в российском экспертном дискурсе всё ещё нет однозначного определения таких понятий, как мигрант, трудовой и (или) экономический мигрант, миграция и (или) трудовая миграция. В концепции Государственной миграционной политики РФ трудовая миграция определяется как временная с целью трудоустройства и выполнения работ (или оказания услуг), а значит, трудовой мигрант по определению является временным мигрантом⁶. Однако многие социологические исследования показывают относительность понятий «временный трудовой мигрант» и «постоянный трудовой мигрант», а также то, что для части трудовых мигрантов получение российского гражданства — вынужденная мера, поскольку к ней прибегают только для увеличения своих возможностей в принимающем обществе [Олимова, Олимов 2010; Мукомель 2013; Сизова 2015].

Результаты исследования

Немного статистики

Одним из серьёзных ограничений при изучении предпринимательства в России в целом, и особенно — предпринимательства среди мигрантов, является отсутствие единой базы статистических данных, а также недостаток достоверных статистических данных, что в определённой степени объясняется осо-

⁵ См.: URL: <http://tabarman.ru/>

⁶ См.: Концепция государственной миграционной политики Российской Федерации на период до 2025 года (утв. Президентом РФ 31.10.2018 г.) URL: <http://legalacts.ru/doc/kontseptsija-gosudarstvennoi-migratsionnoi-politiki-rossiiskoi-federatsii-na/>

бенностями процедуры регистрации предприятий, непрозрачностью ведения бизнеса в России. Статистика улавливает только гражданство предпринимателя на момент регистрации бизнеса (эта информация фиксируется в Едином государственном реестре юридических лиц). Однако предприятие не всегда принадлежит лицу, зарегистрировавшему его на своё имя.

Согласно данным Росстата, в 2017 г. численность занятого населения России в возрасте 15–72 года составляла 72,1 млн чел. Из них работающих не по найму насчитывалось 4,7 млн чел., из которых примерно пятую часть составляли работодатели (970 тыс. чел.) и две трети — самостоятельно занятые (3480 тыс. чел.) [Рабочая сила... 2018: 42]. Кроме Росстата, с августа 2016 г. статистика предпринимательства ведётся специально созданным Налоговой службой РФ Единым реестром субъектов малого и среднего предпринимательства (МСП). Эта статистика формируется на основании отчётности субъектов малого бизнеса и отличается от данных Росстата. По материалам реестра, в октябре 2018 г. в России насчитывалось около 6 млн субъектов малого и среднего предпринимательства (юридические лица и индивидуальные предприниматели), где заняты почти 16 млн чел.⁷

Одним из наиболее обоснованных лонгитюдных научных исследований, где представлены данные по предпринимательству — в том числе среди мигрантов — в России, является ежегодный Глобальный мониторинг предпринимательства (Global Entrepreneurship Monitor — GEM), который проводится в нескольких десятках стран мира. Россия участвует в проекте с 2006 г. Согласно мониторингу, предпринимательская активность среди мигрантов в России выше, чем среди немигрантов (7,4% против 4%), вынужденно⁸ приходят в бизнес 24% мигрантов и 38% немигрантов; мигранты (90%) выше оценивают свои знания и опыт для начала собственного дела, чем немигранты (80%), хотя уровень формального образования у мигрантов ниже; достаточно высоко оценивают внешние условия для начала бизнеса 58% мигрантов против 34% местных предпринимателей; преобладающее большинство потребителей услуг предпринимателей мигрантов — население России [Верховская, Дорохина 2012].

Хотя в численности мигрантов из Кыргызстана в Россию были незначительные спады, связанные как с различными кризисами, так и с изменениями в миграционной политике РФ, с начала 2000-х гг. наблюдается постепенный постоянный прирост числа мигрантов из Кыргызстана (см. табл. 1). Так, в середине 2000-х гг. на территории России одновременно находились около 300–350 тыс. граждан Кыргызстана, к концу 2000-х гг. — 400–450 тыс.; начиная с 2010 г. — около полумиллиона [Мкртчян, Сарыгулов 2011]. По данным Представительства Государственной службы миграции Кыргызской Республики в Российской Федерации, летом 2018 г. на территории России находились около 640 тыс. граждан Кыргызстана, из которых почти 200 тыс. — в Москве, 306 тыс. — в Центральном федеральном округе. Кроме того, около 350 тыс. выходцев из Кыргызстана имеют российское гражданство. Иными словами, общая численность людей родом из Кыргызстана в России составляет около 1 млн чел.

⁷ См.: Единый реестр субъектов малого и среднего предпринимательства (МСП) URL: <https://rmsp.nalog.ru/>

⁸ Вынужденные предприниматели, или предприниматели «по необходимости» — это те, кто пытается начать своё дело, потому что у них нет других возможностей для получения дохода, в отличие от предпринимателей «по возможности», или добровольных предпринимателей, то есть тех, кто пытается использовать открывающиеся возможности и получать преимущества от предпринимательской деятельности [Верховская, Дорохина 2012: 25].

Таблица 1

Численность граждан Кыргызстана в РФ на дату

Дата (год, месяц)	Численность (чел.)
2018, июнь	638 735
2017, июнь	622 899
2016, июнь	565 127
2015, август	517 623
2014, август	555 028
2013, август	581 786
2012, август	561 458

Источник: Данные ГУВМ МВД РФ и ФМС РФ, [Мкртчян, Флоринская 2018: 17].

Этапы развития предпринимательства среди киргизских мигрантов

Анализ экспертных интервью, интервью с предпринимателями, данных о численности мигрантов из Кыргызстана в России, изменений социально-экономических условий как в России, так и в Кыргызстане позволяют выделить три условных этапа развития предпринимательства среди киргизских мигрантов.

Первый этап — это 1990-е — начало 2000-х гг., когда появляются первые предприниматели киргизского происхождения. Поскольку социалистическая система не предусматривала наличия рыночных отношений, первые киргизские предприниматели не имели опыта деловой активности и, как большинство других бывших советских граждан, были заняты преимущественно в мелкооптовой и оптовой торговле и перепродаже. Участники нашего исследования подчёркивают, что для людей с советским высшим образованием и опытом работы во многих случаях это было время вынужденного предпринимательства:

Каждый стал предпринимателем <...> потому что зарплаты нет, ничего нет. Все вышли на улицу, на рынок, кто как мог. В основном пошли на рынок, киргизы с этого и начали, покупать-продавать, специализировались в швейной отрасли, продавали ткани. Это Черкизовский рынок, привозили и здесь продавали (предприниматель, интервью № 2)⁹.

Начало второго этапа приходится примерно на 2002–2003 гг. и совпадает с началом активной трудовой миграции из Кыргызстана в Россию, когда происходит постепенное накопление трудового и миграционного индивидуального и группового опыта, появляются индивидуальные предприниматели и мелкие фирмы, занимающиеся не только куплей-продажей, но и небольшим производством. В этот период, например, возникают первые надомные швейные производства в Кыргызстане, чьи изделия киргизские мигранты вместо китайских начинают продавать на рынках Москвы. Но в целом среди мигрантов преобладает стратегия вкладывания заработанных денег не в бизнес, а в удовлетворение потребностей семьи на родине.

Во время третьего этапа, начавшегося на рубеже 2010-х гг., наблюдается количественный и качественный скачок в развитии предпринимательства среди киргизских мигрантов, в том числе так называемого этнического предпринимательства, то есть ориентированного преимущественно как на «свой» персонал, так и на «своих» клиентов.

⁹ Подробное описание характеристик экспертов и информантов см. в приложении.

Сейчас герои появляются: открыл свой офис, открыл суши-бар, открыл ресторан, открыл стоматологическую клинику. Они друг на друга смотрят, общаются, они муссируются в социальных сетях (предприниматель, интервью № 6);

Начиная с 2007 г. или с 6-го много стало предпринимателей. Многие работали на рынках, заработали денег и начали открывать. Очень много тех, кто работал здесь в ресторане, в Киргизии открывают суши-бары, японские рестораны, потому что они его хорошо знают (эксперт, интервью № 2).

Согласно данным нашего исследования и в соответствии с общероссийским классификатором экономической деятельности, в настоящее время предприниматели киргизского происхождения представлены в следующих экономических сферах:

- предоставление различных персональных услуг (посреднические, такие как продажа авиабилетов; юридические; оформление документов; регистрация; салоны красоты; парикмахерские);
- транспортировка (такси; пассажирские и грузовые перевозки, в первую очередь между Россией и Кыргызстаном, Россией и казахстанской, украинской границами);
- предоставление гостиничных услуг и продуктов питания (посуточные отели; хостелы, обслуживающие преимущественно соотечественников; общественное питание);
- операции с недвижимостью (аренда жилья);
- образование (например, языковые школы);
- медицинские услуги (медицинские клиники и стоматологические кабинеты);
- мелкооптовая и розничная торговля;
- строительные работы (отделка, ремонт);
- производство и продажа строительных материалов;
- швейное производство и торговля;
- клининг;
- спортивные клубы;
- предоставление информационных ресурсов.

По экспертным оценкам, в предпринимательскую активность среди киргизов в Москве и Московской области вовлечены не более 7–10% выходцев из Кыргызстана. Причём большую долю составляют занятые в сетевом маркетинге.

Индивидуальный уровень формирования предпринимательских стратегий

Понимание особенностей деловой активности киргизских мигрантов даёт комплексный анализ этапов развития среди них своего дела как на индивидуальном, так и на групповом уровне, складывания предпринимательских стратегий. Мотивация к предпринимательской активности большинства информантов определяется стремлением к более полной реализации навыков, к работе без начальников и самостоятельному распоряжению прибылью.

В то же время стоит отметить и ряд поколенческих различий в мотивации к предпринимательству. Поколению старше 50 лет, с советским образованием и опытом работы, свойственно неоднозначное отношение к предпринимательству. Многие подчёркивают вынужденность вовлечённости в предпринимательство, ассоциируемое с перепродажей, и при возможности выбора продолжают считать престижной, как в советское время, работу в государственных структурах:

Даже при Союзе у нас в Кыргызстане народ, киргизы, не продавал. Это было стыдно. Да, это там продавали узбеки, уйгуры, там кто-то другой, но вот только не киргиз. На вещевом рынке, когда Черкизовский открылся, первое время киргизы прятались. Это 94-й... 95-й год. То есть, не дай Бог, чтобы какой-то земляк увидит, родителям скажет, что я торгую. Потом быстро привыкли (эксперт, интервью № 3).

Младшее поколение, ссылаясь на литературу по личностному росту и успешный опыт предпринимательства среди своих сверстников в Москве, вопросом непрестижности не задаётся, а чаще подчёркивает необходимость личной реализации.

Согласно интервью, для участников нашего исследования при определении предпринимательской деятельности важны следующие моменты: во-первых, направленная в первую очередь на получение прибыли деятельность; во-вторых, определённые личностные характеристики.

Особый характер, особый склад ума, амбиции должны быть. Это совершенно другая категория людей. У человека должны гореть глаза, и человек вообще полный сил свернуть гору, что-то делать и так далее (эксперт, интервью № 4).

Но считают ли наши информанты себя предпринимателями? Мнения разделились примерно поровну, в том числе из-за понимания предпринимательства: чем старше информант, тем он менее уверенно определяет себя предпринимателем.

В появлении мотивации к предпринимательской активности среди некоторых киргизских мигрантов свою роль также играют антимиграционные и ксенофобные настроения части местного населения. Его дистанцированность, а иногда и расистское поведение провоцируют защитную реакцию и приводят к зеркальной дистанцированности мигрантов. Соответственно это особенно ярко проявляется в сферах, где есть взаимодействие с принимающим обществом. Например, организатор агентства недвижимости, чьими клиентами являются преимущественно киргизы, объясняя свой выбор этой сферы бизнеса, рассказала, как сама при поиске съёмной квартиры столкнулась с дискриминационной реакцией московских агентств недвижимости:

Вы из Средней Азии приехали и для вас выбора нет. Да. То есть, если квартиру, то, может быть, одна квартира, где вас возьмут. Вас нигде не берут. Везде вот был такой ответ... Там бояться... Я ставила всегда себя на их место... Допустим, если бы у меня квартира в Оше и там кто-нибудь приехал бы, я им сдаю, и с каких понятий бы я не сдавала, всё начала прокручивать... После того, как сняла первую квартиру (предприниматель, интервью № 1).

Помимо мотивации, очень важным условием организации своего дела является наличие финансового стартового капитала. В связи с этим необходимость и наличие начального капитала частично определяют специфику и экономическую сферу первого бизнеса. Например, именно минимальными первоначальными затратами аргументирует выбор определённого ассортимента для своей первой рыночной точки предприниматель, в настоящее время занимающийся торговлей носочно-чулочными и другими текстильными изделиями:

Небольшой контейнер открыл, «1000 мелочей». Сначала один, семья, жена начала помогать. Мы бы другое не осилили. По мелочам, они стоят несколько рублей. А потом, когда постоянно работаешь, подружишься с поставщиком, они могут на реализацию <...> На «Лужниках» около двух лет проработали <...> (предприниматель, интервью № 2).

Подобную стратегию выбрали и некоторые предприниматели киргизского происхождения при вхождении на рынок строительных материалов, начав с недорогой продукции:

Допустим, взять инструменты продавать, начальный капитал <...> бензопилы дорого стоят <...> А наши все приходят, там чуть-чуть деньги есть, или они на рынке работали грузчиками, собирают рядом, ставят точку свою (эксперт, интервью № 2).

Минимальным первоначальным капиталом, меньшими ограничениями и рисками при входе в эту экономическую нишу, а также возможностью совмещать с другой, часто наёмной, занятостью объясняется большая популярность в настоящее время среди киргизских мигрантов и сетевого маркетинга.

Финансовый стартовый капитал предпринимателей киргизского происхождения, как правило, формируется из нескольких источников и состоит из личных накоплений и денежной помощи родственников и друзей, иными словами, помощи ближнего круга или «своих». Важно то, что первоначальный капитал не ограничивается денежными вложениями, а включает также и различные нематериальные ресурсы, например — опыт работы в определённой профессиональной сфере в качестве наёмного работника, психологическую поддержку родственников и друзей и, наконец, ресурсы социальных сетей, чья эффективность зависит от их размера и плотности.

Одной из ключевых характеристик индивидуального уровня предпринимательских стратегий является также то, что для большинства мигрантов интерес к бизнесу оформляется только после удовлетворения финансовых, часто самых необходимых повседневных запросов семьи мигранта на родине, в большинстве случаев и побудивших человека к трудовой миграции:

Работая, ежемесячно отправляет деньги на родину, чтобы семья купила скот <...> Когда он (мигрант) чувствует, что в семье всё есть, он может развиваться здесь как предприниматель, инвестировать в свой бизнес (эксперт, интервью № 3).

Вовлечение в предпринимательскую активность для многих происходит постепенно: либо через совмещение с наёмной работой, либо через занятость в семейном бизнесе, либо в работе с партнёром. Нахождение своей экономической ниши может происходить поэтапно, в попытках одновременно открыть несколько бизнесов в разных сферах.

Принципиальный этап на пути организации собственного дела — обязательный период адаптации, касающийся качества наёмного труда и иногда образования мигранта. Иными словами, каждый вовлечённый в предпринимательскую активность мигрант из Кыргызстана начинал с адаптации к российскому, московскому рынку труда, к профессиональной специфике в конкретной сфере, накапливал трудовой опыт и навыки жизни в мегаполисе, затем узнавал «*правила, игровые, конкуренцию, специфику бизнеса*»:

Ребята определённый порог перешли <...> Сначала они пришли ещё в тогдашнее время дворником, потом по очереди получили гражданство, раз работали у кого-то, посмотрели (эксперт, интервью № 2).

Высокой самоорганизации и активному развитию среди киргизских мигрантов предпринимательской активности, по мнению некоторых участников исследования, также способствует не всегда доброжелательное отношение московского населения, что вынуждает мигрантов приспособливаться, мотивирует полагаться только на себя. Один из предпринимателей говорил по этому поводу следующее:

Это мне давало какой-то толчок для того, чтобы я не сдавался. Когда меня папа отправлял, говорил: «Москва слезам не верит». Ты давай так, что должен себя вести довольно хорошо, потому что там как бы есть и хорошие люди, есть и плохие люди (предприниматель, интервью № 11).

Серия взрывов в российских городах, квалифицируемая как террористические акты (например, взрыв в метро Санкт-Петербурга в 2017 г., организованный уроженцем Кыргызстана), подпитывает антимиграционные настроения и приводит к активизации самозащитной реакции киргизских мигрантов.

Одна из гипотез исследования состояла в том, что российское гражданство является одним из наиболее важных ресурсов киргизских мигрантов на индивидуальном уровне формирования предпринимательской стратегии. Конечно, отсутствие российского гражданства не позволяет получить банковский кредит, и в таких ситуациях материальная поддержка приходит со стороны родственников и земляков. Однако в целом, как показал анализ ответов наших информантов, намного более значимым ресурсом, особенно на начальном этапе организации своего дела, оказывается не наличие российского гражданства, а знание русского языка. Свою роль в снижении значимости российского гражданства сыграло, во-первых, то, что иностранный гражданин в принципе имеет возможность оформить свою предпринимательскую деятельность в России (например, зарегистрировать общество с ограниченной ответственностью); во-вторых, вступление Кыргызстана в Евразийский таможенный союз, приравнявшее мигрантов, граждан Кыргызстана, в трудовых правах с гражданами РФ. Более значимым, и даже практически обязательным, наличие российского гражданства, по мнению участников нашего исследования, становится, когда встаёт вопрос о дальнейшем развитии бизнеса, в том числе — при выборе оптимального налогообложения.

Таким образом, на индивидуальном уровне формирования предпринимательских стратегий среди киргизских трудовых мигрантов наиболее важны следующие факторы: персональные характеристики (в первую очередь амбициозность); возраст; удовлетворение первичных материальных задач; миграционный стаж; образование; знание русского языка; наличие российского гражданства.

Групповой уровень формирования предпринимательских стратегий

Формирование предпринимательских стратегий на групповом уровне отчасти коррелирует с этапами развития предпринимательства среди мигрантов из Кыргызстана в целом. Они характеризуются, во-первых, количественным и качественным накоплением индивидуальных и групповых ресурсов киргизских мигрантов; во-вторых, вхождением на рынок в качестве предпринимателя через свободную, а главное — доступную рыночную нишу; и, в-третьих, переходом от купли-продажи к производству.

В случае предпринимателей киргизского происхождения в Москве и области наиболее ярко эти групповые предпринимательские стратегии видны на примере историй вхождения на рынок строительных материалов, а также производства и продажи швейной продукции. Согласно принявшим участие в исследовании экспертов, появление первых киргизских предпринимателей в сфере продажи строительных материалов совпадает с началом строительного бума примерно в середине 2000-х гг. Бум выразился, в том числе в росте спроса на разные строительные материалы. Именно в этот период статистика фиксирует заметное увеличение числа киргизских трудовых мигрантов. И те, кто волею экономической ситуации оказался занятым на строительных рынках в качестве наёмных работников, были вынуждены осваивать наиболее малозанятую в тот период нишу малоприбыльных тяжёлых и сыпучих строительных материалов. Через некоторое время среди накопивших опыт работы с подобными материалами появляются первые предприниматели, занявшиеся их перепродажей. Ещё одним важным фактором, делающим данную экономическую нишу достаточно доступной для киргизских

мигрантов, желавших заняться предпринимательством, было то, что перепродажа сыпучих и тяжёлых строительных материалов не требовала серьёзных стартовых финансовых вложений. Затем появляются предприниматели, занимающиеся не только продажей, но уже и производством (например, кирпича, сыпучих смесей).

Следует обратить внимание, что, помимо объективных экономических причин, по мнению некоторых участников исследования, успешность предпринимателей из Кыргызстана на этом трудозатратном и малоприбыльном рынке объясняется особым киргизским характером:

По характеру киргизы — очень терпеливые к трудностям, холоду. Скорее всего, это горный характер, потому что они сами по себе, особо не ждут помощи со стороны, они привыкли. Это, скорее всего, думаю, именно национальный характер. Поскольку это единственная на рынке ниша, они очень терпеливо относились к тяжестям, климатическим условиям и начали продавать. И они в этом преуспели. Они начали потом уже туда, кроме цемента и кирпичей, добавлять ещё какие-то сопутствующие материалы (эксперт, интервью № 3).

Развитие предпринимательской активности мигрантов из Кыргызстана в Москве и области от перепродажи к производству можно проследить на примере ещё одной экономической ниши — швейной отрасли. Её история начинается с перепродажи одежды преимущественно китайского производства на московских оптовых и мелкооптовых рынках. Немаловажное значение для этого, помимо актуальной на тот момент экономической и политической ситуации после распада Союза, имела географическая близость с Китаем, откуда продукция вначале привозилась в Кыргызстан, а затем — в Москву.

По мере стабилизации экономической ситуации в России и в Кыргызстане, накопления индивидуального и группового опыта киргизских мигрантов в сфере торговли одежды на московских рынках открываются швейные производства и в Кыргызстане. Свою роль в этом, по мнению экспертов, сыграла традиция текстильного и швейного производства, являющегося одной из визитных карточек советского Кыргызстана. Вначале появляется надомное швейное производство (иногда всего несколько швейных машин), затем открываются небольшие швейные цеха, причём не только в Кыргызстане, но и на базе некоторых закрывшихся ивановских швейных фабрик, на производственных площадках Подмосковья, чья продукция под маркой «Made in Kyrgyzstan» реализуется на московских рынках. В результате в настоящее время в так называемом самопошиве задействованы множество людей, в первую очередь — в Кыргызстане. По оценке одного эксперта, сейчас в Бишкеке около 1000 мелких и надомных швейных фабрик, а начиная с 2011–2012 гг. часть производства переводится в Россию, что связывается в том числе с постепенным вхождением Кыргызстана в Евразийский таможенный союз.

Вполне вероятно, что дальнейший анализ позволит выявить и другие групповые предпринимательские стратегии киргизских мигрантов. Рассмотренные выше стратегии иллюстрируют роль в их формировании взаимодействия структурных экономических условий в России и в Кыргызстане, а также групповых ресурсов киргизских трудовых мигрантов. Если говорить о структурных условиях России, в частности Москвы, в первую очередь нужно отметить динамику развития российской экономики в целом, формирование рыночных правил и игроков, формирование разных экономических ниш с различными возможностями и требованиями входа в них. Из экономических условий Кыргызстана свою роль играет сложившаяся в советское время ориентация плановой экономики республики на определённые отрасли народного хозяйства, в первую очередь на развитие сельского хозяйства и швейной промышленности. И именно в этих отраслях заметны наиболее яркие примеры успешной предпринимательской активности, в том числе мигрантов из Кыргызстана в Москве и Московской области. В целом наши наблюдения подтверждают выводы ряда зарубежных исследователей о том, что рынок, занятый этническими предпринимателями, типично характеризуется низкими барьерами входа в тер-

минах минимального капитала и образовательных квалификаций, высокой трудовой интенсивностью и низкой добавленной стоимостью [Volery 2007].

Персонал

При изучении предпринимательских стратегий на групповом уровне необходимо отдельно рассмотреть, на какую потребительскую аудиторию ориентируется бизнес, кто привлекается в качестве персонала (партнёры и сотрудники). Согласно многочисленным зарубежным исследованиям, принципиальной характеристикой предпринимательства мигрантов является высокая степень самозанятости и привлечение в качестве партнёров и сотрудников членов своей этнической общины и (или) соотечественников, что классифицирует данное предпринимательство как этническое [Portes, Jensen 1987; Light, Gold 2000; Butter, Masurel, Mosch 2007]. Какова ситуация среди предпринимателей киргизского происхождения в Москве и Московской области?

Как показывают первые результаты исследования, подавляющее большинство персонала киргизских предпринимателей составляют «свои», а именно близкие и дальние родственники, друзья, земляки. Объяснения предпочтений «своим» при найме в штат выглядят рациональными и экономически обоснованными.

Во-первых, подбор персонала через киргизоязычные интернет-ресурсы, друзей и знакомых земляков минимизирует временные и финансовые затраты на его поиск, а во-вторых, рассматривается как помощь соотечественникам:

Они стараются своих брать, почему бы работу не дать? Им удобно, притом они могут так деньги собрать, они знают, что этот человек помогает дому. Взаимная помощь и поддержка некой общины, не знаю... Вот неписанные законы тоже есть, что друг друга выручить (предприниматель, интервью № 6).

Во-вторых, в том случае, когда бизнес ориентирован на киргизских мигрантов (например, на предоставление услуг по аренде жилья, образовательные услуги, посреднические услуги, общественное питание), наём в штат «своих» обусловлен в том числе профилем бизнеса. «Свои» эффективнее обслуживают «своих». Вот как аргументирует принцип подбора персонала один из предпринимателей:

У меня сейчас только киргизы, так как это сейчас пока для Киргизии ориентировано, нужны киргизы, получается. А когда начнём уже в более расширенном формате, там уже, в принципе, наверное, выбирать не будем (предприниматель, интервью № 16).

В-третьих, общий язык и мотивация — ориентация на зарабатывание денег с минимальными затратами — обеспечивают более комфортное взаимодействие при работе со «своими». Это иллюстрируют слова одного из информантов, в своё время работавшего со строительными бригадами и занимавшегося отделкой и ремонтом внутренних помещений:

Только киргизы, да. Потому что если брать других национальностей — такие опыты уже были, — на национальной почве у них начинаются какие-то там ссоры. Узбеков или таджиков брали, давно работают, хороший русский язык у ребят, у них своя команда <...> Всё начиналось с шуток, что-то ещё, проблема то ли Средней Азии, то ли что <...> Старались в один объект только южных киргизов брать, и то желательно с одного города (предприниматель, интервью № 11).

Таким образом, одна из самых важных причин найма «своих» — это минимизация расходов: «своему» можно объяснить задержку зарплаты, платить несколько меньше, чем человеку со стороны. Иными словами, это дешёвая рабочая сила, «свои»:

Они нанимают наших, заработной платы меньше платят. На такую работу вряд ли азербайджанец или местное население согласились бы (эксперт, интервью № 3).

Причём на начальном этапе организации бизнеса и сам владелец совмещает несколько функций: например, хозяин суши-бара по совместительству — и курьер, и администратор. Причём для сотрудников работа у «своих» имеет схожие резоны:

Лучше у своих работать. Хотя меньше, но точно зарплату свою получаешь (эксперт, интервью № 2).

Получается, что такое взаимодействие взаимовыгодно. Однако когда требуется выполнить специализированную квалифицированную работу, принцип подбора персонала изменяется и на первый план выходит подбор сотрудников с необходимыми компетенциями:

Если работа требует более сложных навыков, нанимают местных, там, более грамотных. Может быть, и среди них есть такие грамотные киргизы. Они на это не смотрят, а другое дело — более низкоквалифицированная работа, грузчики, кладовщики, водители (предприниматель, интервью № 7).

Наём преимущественно «своих» имеет и отрицательные стороны. Высокая мобильность земляков и, как следствие, текучка кадров, наносят ущерб бизнесу. Вот пример из опыта владельца магазина-доставки суши и пиццы:

Куда-то уехать, они заранее не предупреждали, что-то ещё... Просто взяли и поехали, а потом приехали, как ни в чём не бывало. Отдавали зарплату одному, чтобы он передал другому, то есть, пришёл, раздал, и он тоже пропал вместе с их зарплатой. Ну, как бы свои своих, получается, подводили (предприниматель, интервью № 9).

Численность персонала коррелирует с размером бизнеса, но в среднем штат одной фирмы составляет несколько человек (максимум 10), а часть сотрудников нанимается по принципу аутсорсинга. По мере становления бизнеса растёт, как правило, и численность персонала. В некоторых фирмах (например, в киргизском агентстве недвижимости) в первые годы существования штат составлял три человека, а в настоящее время насчитывает несколько десятков человек, работающих в нескольких отделениях агентства в разных районах Москвы.

Клиенты

Деловая активность предпринимателей киргизского происхождения ориентирована на самых разных клиентов. Потребительская аудитория, как правило, определяется двумя взаимодополняемыми экономическими факторами: спрос рождает предложение и наоборот. Анализ интервью позволяет условно выделить три предпринимательские стратегии в зависимости от того, на каких клиентов ориентирован бизнес.

Первая ориентирована преимущественно на «своих» и представлена такими видами предпринимательской активности, как услуги в сфере общественного питания (кафе и специализированные мага-

зины киргизских продуктов); грузовые и пассажирские перевозки между Кыргызстаном и Россией, Россией и казахстанской и украинскими границами; предоставление посреднических услуг (например, оформление документов на работу, когда это было необходимо, регистрация, продажа авиабилетов и т. п.); образовательные услуги (языковая школа); услуги в сфере недвижимости (хостелы, агентства недвижимости) и развлечения (кинотеатр, кафе-клубы). Благодаря численности киргизских мигрантов не существует проблемы недостатка в целевой аудитории, а значит, и рисков не найти потребителя. В частности, на наш взгляд, именно рост числа киргизов в Москве и Московской области с середины 2000-х гг. создал спрос и способствовал развитию так называемого этнического, или мигранто-ориентированного, бизнеса среди киргизов.

Часть бизнеса, организованного предпринимателями киргизского происхождения из Кыргызстана, востребована и другими приезжими, преимущественно из Средней Азии, чьи потребности долгое время были общими для всех трудовых мигрантов. Речь идёт, например, о посреднических и медицинских услугах. Совокупность видов подобной предпринимательской активности составляет мигранто-ориентированную инфраструктуру, без которой, согласно Р. Парку, не обходится ни одно иммигрантское сообщество [Парк 2002]. Логику формирования целевой аудитории в данной категории бизнеса наглядно иллюстрируют размышления предпринимателя, открывшего офис по продаже авиабилетов и других сопутствующих услуг:

Долгое время хотел, чтобы что-то я мог делать не только гражданам Киргизии, но и москвичам. Но я как киргиз услугу, какую ещё могу [оказать], если услуги брать? У меня сейчас авиакасса. И то она пользуется спросом только у граждан Киргизии или Узбекистана, Таджикистана, то есть Средней Азии (предприниматель, интервью № 11).

В некоторых случаях выбор предпринимательской активности, ориентированной преимущественно на «своих», является в определённой степени вынужденным. Во-первых, как отмечают информанты, для организации бизнеса, ориентированного на большую аудиторию клиентов, у начинающего предпринимателя недостаточно ни финансового, ни символического капитала; во-вторых, ограничены источники формирования этого капитала и, например, у многих нет возможности получить кредит на создание бизнеса в российском банке. В таком случае финансовую помощь, как правило, оказывают родственники и земляки.

Вторая стратегия предпринимательской активности строится вокруг услуг как для «своих», так и для остальных жителей мегаполиса и области. Среди таких услуг, например, некоторые кафе, медицинские клиники, спортивные клубы, магазины киргизских продуктов, сетевой маркетинг и т. п. Данную стратегию можно считать переходной от первой к третьей, то есть, создавая бизнес для «своих», по мере его развития некоторые предприниматели начинают продумывать стратегии расширения потребительской аудитории. Например, в магазинах киргизских продуктов для привлечения новых клиентов в рекламе используют как столичную моду на здоровое питание (экологичность, горные биологические продукты), так и знание москвичами киргизской продукции ещё с советского времени:

Некоторые соседи начали покупать сливочное масло, потому что оно без добавления пальмового масла. Оказывается, очень много вот используют, у нас хотели детские садики заказать <...> (предприниматель, интервью № 11).

Наконец, и это третья стратегия, часть предпринимательской активности ориентирована на всех жителей мегаполиса. Хотя большинство персонала подобных фирм составляют «свои», их отраслевой профиль позволяет удовлетворять спрос всего населения Москвы и области. Подобная стратегия расширения бизнеса характерна для фирм, занимающихся швейным производством и торговлей швей-

ными изделиями, производством и продажей строительных материалов, ремонтными и отделочными работами, для магазинов, салонов красоты и парикмахерских.

Итак, если среди партнёров и сотрудников предпринимателей киргизского происхождения, как правило, преобладают «свои», соотечественники, то потребительская аудитория демонстрирует большее разнообразие. Анализируя интервью, можно выделить три основные потребительские аудитории, которые, с одной стороны, определяют предпринимательские стратегии, а с другой — определяются ими. Во-первых, это преимущественно «свои» клиенты. Строго говоря, только эту группу предпринимателей, нанимающих в качестве персонала «своих» и ориентированных на «своих» клиентов, на наш взгляд, характеризуют «этнические» предпринимательские стратегии, а их бизнес можно считать «этническим». Во-вторых, и «свои», и местное население. В-третьих, преимущественно местное население.

Общинные ресурсы: место и роль родственных и земляческих связей

Важным, если не обязательным, ресурсом на начальном этапе организации своего дела киргизскими мигрантами являются родственные и земляческие связи. По представлениям информантов, такая групповая характеристика киргизов, как помощь и поддержка, закрепляемая взаимными обязательствами, принятая не только между родственниками, но и в целом между земляками, в большинстве случаев особенно важна в эмиграции как с финансовой, так и с психологической точки зрения. Объяснение подобного поведения находится в автостереотипе о высокой групповой солидарности, традиционно свойственной киргизам как кочевому народу:

Всё начинается с родственников. Если родственников нет — односельчане. Односельчан нет — кто? Так бывает очень часто, у предпринимателей среднего <...> в первую очередь кто ими становится. Наш народ, в отличие от китайцев, от вьетнамцев, он не старается жить и работать компактно. У нас где возможности, туда идут. И так же в бизнесе <...> (предприниматель, интервью № 7).

Этот автостереотип — «подтягивание» родственников — выражается и во вполне экономически рациональном эффекте при поиске сотрудников, а иногда — и при поиске клиентов:

Когда создаёшь что-либо, сперва своих знакомых, близких, надёжных <...> Мы такой народ: я приехал, брат, сестры, а сестры, кто замужем, — с мужем. Корни так и пустились и рассеялись (предприниматель, интервью № 2).

Часть бизнеса, организованного киргизскими мигрантами, можно считать семейным (например, некоторые кафе, медицинские кабинеты и клиники). Однако на определённом этапе развития предпринимательской активности, особенно при выборе партнёров, акценты смещаются: приоритет имеют не родственники и земляки, а профессионалы, обладающие необходимыми квалификациями или большими ресурсами, чем родственные или земляческие сети.

В связи с этим становится более понятной, в частности, распространённость среди киргизских мигрантов сетевого маркетинга, где эти самые плотные родственные и земляческие связи эффективно работают при минимальном первоначальном капитале. Им на помощь приходят интернет-технологии (формирование «своих» киргизских информационных каналов, таких как «Бирге», «Боорсок», «Ишкер.ру», «Мамалак») и социальные сети, благодаря которым поддержание и развитие традиционных связей приобретают также транснациональную перспективу. В качестве примера приведём слова одной из участниц исследования:

В «Одноклассниках» у нас в одной группе 360 тыс. человек — «киргизский юмор» называется. Те, кто в Киргизии — тоже. Но всё равно, если они там поделятся какой-то информацией, у них в друзьях всё равно окажутся люди, которые в Москве. Это вообще по-киргизски (предприниматель, интервью № 1).

Родственные и земляческие связи киргизских мигрантов составляют существенную часть и транснациональных связей между Россией и Кыргызстаном, которые играют очень важную роль в развитии предпринимательства. Часть ориентированного на «своих» бизнеса практически полностью основывается на этом ресурсе (например, пассажирские и грузовые перевозки между Россией и Кыргызстаном, продажа киргизских продуктов), а часть (швейное производство и продажи) задействует этот ресурс более сложным образом (производство на территории Кыргызстана, а реализация в России). Эти связи носят не только институциональный, но довольно неформальный характер и активизируются в самых разных ситуациях, связанных с бизнесом. По словам одного из предпринимателей, в тот период, когда у него было несколько бригад, занимающихся в Москве ремонтными и отделочными работами, практиковалось следующее: если сотрудник «исчезал», его находили по цепочке земляческих связей, в том числе в Кыргызстане, либо для его поиска подключали знакомых в киргизстанских силовых структурах:

Когда здесь учился, у меня ребята как раз закончили <...> Академию ФСБ здесь, и они работали у нас в Киргизии в Национальной службе безопасности <...> Мы всех находили, всех заставляли платить <...> Те были ребята в шоке, когда мы их узнали, потому что мне достаточно было знать имена и примерно год рождения <...> Потом мы <...> копию паспорта собирали <...>: «Ребят, проверьте. Вот этих мы вообще не знаем, а оставляем объект. Можете посмотреть, вообще такие ребята есть?» (предприниматель, интервью № 11).

Распространение интереса к предпринимательской активности и в какой-то степени даже моды на неё также происходит благодаря знакомым, родственникам и социальным сетям, где циркулирует информация об успешном опыте предпринимательства. Этот механизм ярко описал один из информантов:

Они друг на друга смотрят, общаются, они муссируются в социальных сетях. Сейчас создаётся Международная ассоциация предпринимателей. Многие из этих ребят просто приходят, собираются... Создаётся такая среда, где они мотивируют остальных (предприниматель, интервью № 7).

Растущий спрос нашёл предложение у разных бизнес-тренеров, также в первую очередь киргизского происхождения, и организаторов бизнес-тренингов. В настоящее время одним из самых массовых является бизнес-форум «Табарман»¹⁰, организаторами которого выступили общественная организация «Общероссийский киргизский конгресс» и ряд киргизских предпринимателей. Первый форум прошёл 22 мая 2018 г. «Табарман» позиционируется как бизнес-платформа, на которой ежемесячно проходят бизнес-форумы, тренинги, встречи с различными бизнес-спикерами (чаще всего киргизского происхождения), а также организован бизнес-марафон Startup, где желающие могут пройти обучение по созданию своего дела.

Родственные и земляческие связи мигрантов из Кыргызстана приобретают этническое измерение прежде всего потому, что являются ключевым источником социального капитала, особенно на начальном этапе миграции в Россию. Эти связи позволяют облегчить поиск работы, наём, обучение и, что более важно, организацию информационных потоков между членами сети. Иными словами, «этническая»

¹⁰ Переводится с киргизского как «добытчик, добычливый». Адрес сайта бизнес-платформы «Табарман»: URL: <http://tabarman.ru>

предпринимательская стратегия помогает снизить экономические риски, связанные с созданием любого собственного бизнеса.

Заключение

Подводя итоги, отметим, что основная методологически идея исследования состояла в том, чтобы уйти от изучения только одного аспекта предпринимательства среди мигрантов, а именно «этнического фактора», которым часто и ограничиваются многие как зарубежные, так и российские исследователи. В связи с этим была предпринята попытка комплексного анализа как условий и возможностей принимающей среды, так и некоторых групповых характеристик киргизских мигрантов в Москве и Московской области.

При комплексном анализе деловой активности киргизских мигрантов мы разделили индивидуальный и групповой уровни формирования предпринимательских стратегий. На индивидуальном уровне очень важна мотивация к организации своего дела, которая, в частности, зависит как от поколенческих особенностей, так и от наличия разных ресурсов для создания стартового капитала. Причём стартовый капитал подразумевает не только финансовый капитал на организацию своего дела, но и символический, например — навыки и знания в определённой профессиональной сфере, миграционный опыт, поддержку родственников, друзей и земляков.

На групповом уровне предпринимательские стратегии киргизских мигрантов в Москве и области характеризуются, во-первых, количественным и качественным накоплением индивидуальных и групповых ресурсов киргизских мигрантов; во-вторых, входением на рынок в качестве предпринимателя через свободную, а главное — доступную, рыночную нишу; и, в-третьих, переходом от купли-продажи к производству. Эти стратегии наиболее ярко просматриваются на примере освоения рынка строительных материалов и швейной продукции. Так, входение на рынок строительных материалов предпринимателей киргизского происхождения начиналось с наиболее доступной в тот период ниши по продаже малоприбыльных (сыпучих и тяжёлых) расходных материалов. Затем, по мере освоения ниши, некоторые предприниматели перешли и к производству данных строительных материалов. Постоянный, на протяжении как минимум 15 лет, рост числа трудовых мигрантов из Кыргызстана в России, и в частности в Москве и области, привёл к накоплению ими как материального, так и символического капитала, что позволило сделать качественный скачок от наёмного труда к предпринимательской активности, от купли-продажи — к производству.

По мере развития бизнеса предприниматели киргизского происхождения сталкиваются с необходимостью пересмотреть свои стратегии. Они переориентируются либо на более широкую потребительскую аудиторию, либо на расширение спектра услуг. Так, например, делает киргизское агентство недвижимости, начинавшее с предоставления «своим» услуг по аренде жилья в Москве, а в настоящее время расширившее пакет услуг, дополнив его предложениями по продаже соотечественникам квартир, причём не только в Москве или области, но и в новостройках в Кыргызстане. Кто-то, столкнувшись с проблемами в развитии бизнеса из-за ограничений, создаваемых аудиторией «свои», расширяет её, переориентировав деятельность не только на киргизов и мигрантов, но и на другое население Москвы (например, салоны красоты, парикмахерские и т. п.).

Первые результаты нашего исследования также подтверждают выводы ряда зарубежных и отечественных работ, что именно связи между родственниками и земляками, обозначаемые как этнические социальные сети, являются ключевым ресурсом в организации и развитии бизнеса мигрантами из Кыргызстана. Окружающая предпринимателя социальная сеть, особенно на начальном этапе создания бизнеса, состоящая преимущественно из родственников и соотечественников, оказывается не только

источником финансового капитала, но и эффективным ресурсом как для поиска рабочей силы, так и целевой потребительской аудитории. Это одна из ведущих групповых предпринимательских стратегий, при использовании которой благодаря регулярному взаимодействию между мигрантами из Кыргызстана, этничность актуализируется, становится эффективным экономическим ресурсом.

Однако в целом деловая активность предпринимателей киргизского происхождения ориентирована на самых разных клиентов и определяется соотношением рыночного спроса и предложения. Помимо предпринимательской стратегии, выстраивающейся вокруг ориентации на «своих», есть также стратегия, ориентированная как на «своих», так и на остальных жителей мегаполиса и области. Наконец, часть деловой активности предпринимателей киргизского происхождения ориентирована на всех жителей мегаполиса.

Сделанные выводы в определённой степени дают, на примере Москвы и Московской области, представление о предпринимательской активности иностранных трудовых мигрантов в России, но, конечно, не охватывают все возможные её особенности и предпринимательские стратегии. Представляется, что весьма полезным для более полного понимания этого нового для России социального явления будет, во-первых, качественное исследование дополнить количественным и, во-вторых, провести сравнительное исследование, где в качестве объекта выступают представители и других этномигрантских сообществ не только в Москве и Московской области, но и, возможно, в других российских городах и регионах.

Приложение

Список экспертов

Интервью № 1. Журналист.

Интервью № 2. Журналист, руководитель киргизского интернет-портала, член киргизской общественной организации.

Интервью № 3. Руководитель киргизской общественной организации.

Интервью № 4. Член киргизской общественной организации.

Интервью № 5. Руководитель отдела по делам диаспоры Миграционного центра Республики Кыргызстан в Москве.

Интервью № 6. Член российско-киргизского делового конгресса при Торгово-промышленной палате РФ.

Таблица П.1

Список информантов — предпринимателей киргизского происхождения

№ интервью	Пол	Год рождения	Образование	Год приезда в Москву	Год создания бизнеса в России	Гражданство РФ	Отрасль занятости
1	Ж	1982	Высшее	2004	2001	Нет	Агентство недвижимости, мелкооптовая и (или) розничная торговля (рынок)
2	М	1957	Высшее	1979	Начало 1990-х	Есть	Мелкооптовая и (или) розничная торговля (рынок)
3	М	1972	Высшее	нач. 2011-х	2011	Нет	Блокчейн, школа обучения финансовой грамотности, сетевой маркетинг
4	М	1965	Высшее	1983	1991	Есть	Кафе и сетевой маркетинг; швейное производство, торговля (рынок)
5	М	1963	Высшее	1986	1996	Есть	Торговля и швейное производство, кафе
6	М	1983	Высшее	нач. 2000-х	2004–2005	Есть	Кафе, шоу-рум, киргизский кинотеатр, посреднические услуги, ремонтные работы
7	М	1980	Высшее	2006	Конец 2000-х	Есть	Организация бизнес-форумов, бизнес-тренингов, ремонтные работы, интернет-портал, посреднические услуги, торговля
8	Ж	1965	Высшее	1984	1996	Есть	Клининговая компания
9	М	1980	Неза- кон- ченное высшее	1999	2014	Есть	Кафе и доставка суши
10	Ж	1990	Неза- кон- ченное высшее	2010	2011	Нет	Дом моды; грузовые перевозки, магазин
11	М	1983	Неза- конче- ное высшее	2001	Конец 2000-х	Есть	Посреднические услуги, магазин киргизских продуктов
12	Ж	1994	Бакалав- риат	2006	2017	Нет	Языковая школа
13	М	1988	Высшее	2014	2016	Есть	Семейная медицинская клиника
14	Ж	1984	Неза- конче- ное высшее	2013	2017	Нет	Салон маникюра, мелкооптовая торговля (Казахстан)
15	М	1992	Среднее	2011	2016	Нет	Салон красоты
16	М	1985	Высшее	2006 2003 (СПб)	2010	Нет	Поставка и продажа в Москве киргизских напитков
17	Ж	1977	Высшее	1998	2009–2010	Есть	Киргизский портал, услуги по недви- мости
18	М	1996	Бакалав- риат	2013 2015	2016	Нет	Танцевальная студия, интернет-магазин

Таблица П.1. Окончание

№ интервью	Пол	Год рождения	Образование	Год приезда в Москву	Год создания бизнеса в России	Гражданство РФ	Отрасль занятости
19	Ж	1974	Незаконченное высшее	1997 (Новосибирск)	1997	Есть	Сетевой маркетинг, мелкооптовая и розничная торговля (рынок)
20	Ж	1981	Высшее	2016	2016–2017	Нет	Ателье, модельер-дизайнер, обучение кройке и шитью

Литература

- Барсукова С. Ю. 2004. *Неформальная экономика: экономико-социологический анализ*. М.: Издательский дом ВШЭ.
- Бредникова О. Е., Паченков О. В. 2002. Этничность «этнической экономики» и социальные сети мигрантов. *Экономическая социология*. 3 (2): 74–81.
- Букин К. А. 2012. Экономика развития малого «этнического» бизнеса при наличии априорных предубеждений. *Финансы и бизнес*. 4: 48–56. URL: finbiz.spb.ru
- Вебер М. 1990. Предпринимательская этика и дух капитализма. В кн.: Вебер М. *Избранные произведения*. М.: Прогресс; 61–208.
- Верховская О. Р. et al. 2016. *Глобальный мониторинг предпринимательства: национальный отчет. Россия 2016/2017*. СПб.: Высшая школа менеджмента СПбГУ.
- Верховская О. Р., Дорохина М. В. 2012. *Глобальный мониторинг предпринимательства: Национальный отчет. Россия 2012*. СПб.: Высшая школа менеджмента.
- Гаджигасанова Н. С. 2013. Особенности функционирования этнического предпринимательства в условиях регионального центра (на примере г. Ярославля). *Вестник Ярославского государственного университета им. П. Г. Демидова. Серия: Гуманитарные науки*. 4: 149–153.
- Дмитриев А. В. 2006. *Миграция. Конфликтное измерение*. М.: Альфа-М.
- Дятлов В. И. 2000. *Современные торговые меньшинства: фактор стабильности или конфликта? (Китайцы и кавказцы в Иркутске)*. М.: Наталис.
- Зомбарт В. 2004. *Буржуа. Евреи и хозяйственная жизнь*. М.: Айрис-Пресс.
- Ким Г. Н.. *Кобонди (кобончжилъ) как вид этнического предпринимательства советских корейцев*. URL: <https://filesclub.net/3237195/>
- Кузнецов И. М., Мукомель В. И. 2007. Формирование этнических ниш в российской экономике: история вопроса. *Неприкосновенный запас: дебаты о политике и культуре*. 1: 175–184. URL: <http://magazines.russ.ru/nz>

- Лайша А. В. 2013. *Этническое предпринимательство в современной России*. Автореферат диссертации на соискание учёной степени кандидата философских наук. Специальность ВАК РФ 09.00.11 — социальная философия. Краснодар: ФГКОУ ВПО «Краснодарский университет МВД России».
- Люев А. Х. 2015. Внешняя трудовая миграция и конкуренция на российском рынке труда. *Вестник Адыгейского государственного университета. Серия 1: Регионоведение: философия, история, социология, юриспруденция, политология, культурология*. 1 (156): 122–127.
- Мишук С. Н. 2016. Организация предпринимательской деятельности на юге Дальнего Востока России: этнический аспект. *Социологические исследования*. 3: 154–157. URL: socis.isras.ru
- Мкртчян Н., Сарыгулов Б. 2011. Миграция в современном Кыргызстане. *Демоскоп Weekly*. 481–482. URL: www.demoscope.ru
- Мкртчян Н., Флоринская Ю. 2018. Миграционные процессы: население России может сократиться. *Мониторинг экономической ситуации в России: тенденции и вызовы социально-экономического развития*. Институт экономической политики им. Е. Т. Гайдара; РАНХиГС. 13 (74). Июль: 16–20. URL: <https://www.ranepa.ru/images/docs/monitoring/monitoring-13-74.pdf>
- Мукомель В. И. 2013. *Политика интеграции мигрантов в России: вызовы, потенциал, риски*. М.: Спецкнига.
- Олимова С., Олимов М. 2010. Таджикские трудовые мигранты во время кризиса. *Демоскоп Weekly*. 415–416. URL: www.demoscope.ru
- Парк Р. 2002. Организация сообщества и романтический характер. *Социологическое обозрение*. 2 (3): 13–18. URL: sociologica.hse.ru
- Рабочая сила, занятость и безработица в России (по результатам выборочных обследований рабочей силы)*: 2018. Статистический сборник. 2018. М.: Федеральная служба государственной статистики (Росстат). URL: http://www.gks.ru/free_doc/doc_2018/rab_sila18.pdf
- Радаев В. В. 1993. Этническое предпринимательство: мировой опыт и Россия. *Полис. Политические исследования*. 5: 79–87.
- Рыбаковский Л. Л. 2011. Трудовые мигранты и их вклад в пополнение трудового потенциала России. *Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. Общественные науки*. 1: 47–55.
- Рыжова Н. П. 2008. Феномен этнического предпринимательства: западная традиция и российское прочтение. *Новые российские гуманитарные исследования*. 3. URL: <http://www.nrgumis.ru/articles/123/>
- Рязанцев С. В. 2000. Этническое предпринимательство как форма адаптации мигрантов. *Общественные науки и современность*. 5: 73–86.
- Садаева О. А. 2007. *Феномен этнического предпринимательства на примере корейцев Новосибирска*. URL: http://world.lib.ru/k/kim_o_i/s5s5.shtml
- Сизова И. Л. 2015. *Соблюдение прав мигрантов в Приволжском федеральном округе и готовность их к интеграции в принимающее сообщество*. Социологическое исследование. Научный отчёт. Ниж-

ний Новгород: НИУ ВШЭ; Межрегиональная благотворительная общественная организация «Приволжский миграционный центр».

Снисаренко А. 2013. *Этническое предпринимательство в большом городе современной России (на материалах исследования азербайджанской общины С.-Петербурга)*. URL: <http://www.narcom.ru/ideas/socio/44.html>

Уолдинггер Р., Олдрич Х., Уорд Р. 2008. Этнические предприниматели. *Экономическая социология*. 9 (5): 30–55. URL: www.ecsoc.msses.ru

Bonacich E. A. 1973. Theory of Middleman Minorities. *American Sociological Review*. 38 (5): 583–594.

Butter F., Masurel E., Mosch R. H. J. 2007. The Economics of Co-Ethnic Employment: Incentives, Welfare Effects and Policy Options. In: Smelser N., Swedberg R. (eds). *Handbook of Economic Sociology*. New York: Russell Sage Foundation; 42–61.

Galbraith C., Rodriguez C., Stiles C. 2007. Ethnic Economies, Social Capital and the Economic Theory of Clubs. In: Leo-Paul D. (ed.). *Handbook of Research on Ethnic Minority Entrepreneurship: A Co-Evolutionary View on Resource Management*. Northampton, MA: Edward Elgar Publishing Inc.; 16–30.

Kloosterman R., Leun J., Rath J. 1999. Mixed Embeddedness. (In)formal Economic Activities and Immigrants Business in the Netherlands. *International Journal of Urban and Regional Research*. 23 (2), June: 253–267.

Light I., Bhachu P., Karageorgis S. 1993. Migration Networks and Immigrant Entrepreneurship. In: Light I., Bhachu P. (eds). *Immigration and Entrepreneurship*. New Brunswick, NJ: Transaction; 25–50.

Light I., Karageorgis S. 2007. The Ethnic Economy. In: Smelser N., Swedberg R. (eds). *Handbook of Economic Sociology*. New York: Russell Sage Foundation; 647–671.

Light I., Gold S. 2000. *Ethnic Economies*. San Diego: Academic Press.

Oliveira C. R. 2007. Understanding the Diversity of Immigrant Entrepreneurial Strategies. In: Leo-Paul D. (ed.). *Handbook of Research on Ethnic Minority Entrepreneurship: A Co-Evolutionary View on Resource Management*. Northampton, MA: Edward Elgar Publishing Inc.; 61–83.

Portes A., Jensen L. 1987. What's an Ethnic Enclave? The Case for Conceptual Clarity. *American Sociological Review*. 52: 768–771.

Volery T. 2007. Ethnic Entrepreneurship: A Theoretical Framework. In: Leo-Paul D. (ed.). *Handbook of Research on Ethnic Minority Entrepreneurship: A Co-Evolutionary View on Resource Management*. Northampton, MA: Edward Elgar Publishing Inc.; 30–41.

Wilson K. L., Portes A. 1980. Immigrant Enclaves: An Analysis of the Labor Market Experiences of Cubans in Miami. *The American Journal of Sociology*. 86: 295–319.

NEW TEXTS

Vera Peshkova

Entrepreneurial Activity of Foreign Labor Migrants in Russia

On the Example of Kyrgyz Migrants in Moscow and the Moscow Region

PESHKOVA, Vera — PhD, Senior Research Fellow, Center for Regional Sociology and Conflictology of the Federal Research Sociological Center of the Russian Academy of Sciences. Address: 24/35 Krzhizhanovskogo str., building 5, Moscow, 117218, Russian Federation.

Email: pever@mail.ru

Abstract

The article is on the entrepreneurial activity of foreign labor migrants in modern Russia in a case of Kyrgyz migrants in Moscow and the Moscow region. The study focuses on identifying entrepreneurial strategies of Kyrgyz migrants, which are formed as a result of the interaction of the structure of the host Russian society and some group characteristics. Conventionally, there are three stages in the development of entrepreneurship among Kyrgyz migrants: the 1990s through the early 2000s, the first half of the 2000s through the late 2000s, and the 2010s. Based on the analysis of the materials of 26 in-depth interviews with experts and entrepreneurs from Kyrgyzstan, an individual and group level of formation of entrepreneurial strategies was considered. At the individual level, most important are personal characteristics, age, satisfaction of the primary material tasks of the migrant's family, and migration experience. A much more significant resource, especially at

the initial stage, is not Russian citizenship but knowledge of the Russian language. At the group level, Kyrgyz migrant entrepreneurship is characterized by quantitative and qualitative accumulation of individual and group resources, entering the market through a free and, most importantly, accessible niche, and the transition from buying and selling to manufacturing.

Particular attention is paid to the place and role of kinship and compatriot connections of migrants from Kyrgyzstan, which form the basis of ethno-migrant social networks. These ties acquire an ethnic dimension, primarily because they are a key, if not the only, resource, especially at the initial stage of business creation. Attracting these connections forms the basis of an "ethnic" entrepreneurial strategy and often leads to the creation of a business oriented primarily on "our own" or a migrant-oriented infrastructure. At the same time, entrepreneurs of Kyrgyz origin are not a homogeneous group. Depending on the clients on which the business is focused on and on "ethnic" entrepreneurial strategy, business is allocated in a way that focuses on both "our own" and the rest of the population, as well as mainly on the entire population of Moscow and the region.

Keywords: entrepreneurial activity; foreign labour migrants; Kyrgyzstan; ethnic entrepreneurship; migrant-oriented infrastructure; entrepreneurial strategies.

Acknowledgements

The article is based on the materials of the research project "Entrepreneurship among Foreign Migrants in Russia: Structural Opportunities versus 'Ethnic' Resources", supported by the Russian Foundation for the Basic Research. No. 17-03-00834-OGN (2017–2018).

My sincere gratitude for the help to all participants of the investigation, All-Russian Kyrgyz Congress, experts and entrepreneurs, thanks to whom the project was implemented and this article was prepared.

References

- Barsukova S. Yu. (2004) *Neformal'nyaya ekonomika: ekonomiko-sotsiologicheskii analiz* [Informal Economy: Economic and Sociological Analysis], Moscow: HSE Publishing House (in Russian).
- Bonacich E. A. (1973) Theory of Middleman Minorities. *American Sociological Review*, vol. 38, no 5, pp. 583–594.
- Brednikova O. E., Pachenkov O. V. (2002) Etnichnost' «etnicheskoy ekonomiki» i sotsial'nye seti migrantov [Ethnicity of the 'Ethnic Economy' and Social Networks of Migrants]. *Ekonomicheskaya sotsiologiya = Journal of Economic Sociology*, vol. 3, no 2, pp. 74–81. Available at: <https://ecsoc.hse.ru/2002-3-2/26594948.html> (accessed 15 November 2018) (in Russian).
- Bukin K. A. (2012) Ekonomika razvitiya malogo «etnicheskogo» biznesa pri nalichii apriornykh predubezhdeniy [Economy of Development of Small 'Ethnic' Business in the Presence of a Priori Prejudices]. *Finansy i biznes = Finance and Business*, no 4, pp. 48–56. Available at: <https://finbiz.spb.ru/2012/4-2012-god/> (accessed 15 November 2018) (in Russian).
- Butter F., Masurel E., Mosch R. H. J. (2007) The Economics of Co-Ethnic Employment: Incentives, Welfare Effects and Policy Options. *Handbook of Economic Sociology* (eds. N. Smelser, R. Swedberg), New York: Russell Sage Foundation, pp. 42–61.
- Dmitriev A. V. (2006) *Migratsiya. Konfliktologicheskoe izmerenie* [Migration. Conflict Dimension], Moscow: Al'fa-M (in Russian).
- Dyatlov V. I. (2000) *Sovremennyye torgovyye men'shinstva: faktor stabil'nosti ili konflikta?* (Kitajtsy i kavkaztsy v Irkutske) [Modern Trade Minorities: A Factor of Stability or Conflict? (Chinese and Caucasians in Irkutsk)], Moscow: Natalis (in Russian).
- Gadzhigasanova N. S. (2013) Osobennosti funktsionirovaniya etnicheskogo predprinimatel'stva v usloviyakh regional'nogo tsentra (na primere g. Yaroslavl) [Features of the Functioning of Ethnic Entrepreneurship in the Conditions of the Regional Center (Based on the Example of Yaroslavl)]. *Vestnik Yaroslavskogo gosudarstvennogo universiteta im. P. G. Demidova. Series: Gumanitarnyye nauki*, no 4, pp. 149–153 (in Russian).
- Galbraith C., Rodriguez C., Stiles C. (2007) Ethnic Economies, Social Capital and the Economic Theory of Clubs. *Handbook of Research on Ethnic Minority Entrepreneurship: A Co-Evolutionary View on Resource Management* (ed. D. Leo-Paul), Northampton, MA: Edward Elgar Publishing Inc., pp. 16–30.
- Galbraith C., Rodriguez C., Stiles C. (2007) Ethnic Economies, Social Capital and the Economic Theory of Clubs. *Handbook of Research on Ethnic Minority Entrepreneurship: A Co-Evolutionary View on Resource Management* (ed. D. Leo-Paul), Northampton, MA: Edward Elgar Publishing Inc., pp. 16–30.
- Kim G. N. (2018) *Kobondi (kobonchzil') kak vid etnicheskogo predprinimatel'stva sovetskikh koreytsev* [Kobondi (kobonchzil') as a Kind of Ethnic Entrepreneurship of Soviet Koreans]. Available at: <https://filesclub.net/3237195> (accessed 22 August 2018) (in Russian).
- Kloosterman R., Leun J., Rath J. (1999) Mixed Embeddedness. (In)formal Economic Activities and Immigrants Business in the Netherlands. *International Journal of Urban and Regional Research*, vol. 23, no 2, June, pp. 253–267.

- Kuznetsov I. M., Mukomel' V. I. (2007) Formirovanie etnicheskikh nish v rossiyskoy ekonomike: istoriya vo-prosa [Formation of Ethnic Niches in the Russian Economy: The History of the Issue]. *Neprikosnovennyi zapas: debaty o politike i kul'ture*, no 1, pp. 175–184 (in Russian).
- Laisha A.V. (2013) *Etnicheskoe predprinimatel'stvo v sovremennoy Rossii* [Ethnic Entrepreneurship in Modern Russia]. Avtoreferat dissertatsii na soiskanie uchenoy stepeni kandidata filosofskikh nauk. Spetsialnost VAK RF 09.00.11 — sotsialnaya filosofiya [Dissertation Thesis for Getting Degree of Doctor of Philosophy. Specialty of Higher Attestation Committee — Social Philosophy], Krasnodar: PhGKOU VPO “Krasnodarskiy Universitet MVD Rossii” (in Russian).
- Light I., Bhachu P., Karageorgis S. (1993) Migration Networks and Immigrant Entrepreneurship. *Immigration and Entrepreneurship* (eds. I. Light, P. Bhachu), New Brunswick, NJ: Transaction, pp. 25–50.
- Light I., Gold S. (2000) *Ethnic Economies*, San Diego: Academic Press.
- Light I., Karageorgis S. (2007) The Ethnic Economy. *Handbook of Economic Sociology* (eds. N. Smelser, R. Swedberg), New York: Russell Sage Foundation, pp. 647–671.
- Luev A. X. (2015) Vneshnyaya trudovaya migratsiya i konkurentsya na rossiyskom rynke truda [External Labor Migration and Competition in the Russian Labor Market]. *Vestnik Adygeiskogo gosudarstvennogo universiteta. Series 1. Regionovedenie: filosofiya, istoriya, sotsiologiya, yurisprudentsiya, politologiya, kulturologiya*, vol. 1, pp. 122–127 (in Russian).
- Mishhuk S.N. (2016) Organizatsiya predprinimatel'skoy deyatelnosti na yuge Dal'nego Vostoka Rossii: etnicheskie aspekt [The Organization of Entrepreneurial Activity in the South of the Russian Far East: The Ethnic Aspect], *Sotsiologicheskie Issledovaniya = Sociological Studies*, no 3, pp. 154–157 (in Russian).
- Mkrtchyan N., Florinskaya Y. (2018) Migratsionnye protsessy: naselenie Rossii mozhet sokratit'sya [Migration Processes: the Population of Russia May be Reduced]. *Monitoring ekonomicheskoy situatsii v Rossii. Tendentsii i vyzovy sotsial'no-ekonomicheskogo razvitiya* [Monitoring of the Economic Situation in Russia. Trends and Challenges of Social and Economic Development]. Gaidar Institute for Economic Policy; RANEP, vol. 13, no 74, pp. 16–20 (in Russian).
- Mkrtchyan N., Sarygulov B. (2011) Migratsiya v sovremennom Kyrgyzstane [Migration in Modern Kyrgyzstan]. *Demoskop Weekly*, no 481–482 (in Russian).
- Mukomel' V. I. (2013) *Politika integratsii migrantov v Rossii: vyzovy, potentsial, riski* [Policy of Migrants Integration in Russia: Challenges, Potential, Riski], Moscow: Spetskniga (in Russian).
- Olimova S., Olimov M. (2010) Tadjikskie trudovye migrant vo vremya krizisa [Tajik Labor Migrants During the Crisis]. *Demoskop Weekly*, no 415–416.
- Oliveira C.R. (2007) Understanding the Diversity of Immigrant Entrepreneurial Strategies. *Handbook of Research on Ethnic Minority Entrepreneurship: A Co-Evolutionary View on Resource Management* (ed. D. Leo-Paul), Northampton, MA: Edward Elgar Publishing Inc., pp. 61–83.
- Park R. (2002) Organizatsiya soobshhestva i romanticheskiy kharakter [Community Organization and Romance]. *Sotsiologicheskoe obozrenie = Russian Sociological Review*, vol. 2, no 3, pp. 13–18 (in Russian).

- Portes A., Jensen L. (1987) What's an Ethnic Enclave? The Case for Conceptual Clarity. *American Sociological Review*, no 52, pp. 768–771.
- Rabochaya sila, zanyatost i bezrabortitsa v Rossii (po rezultatam vyborochnykh obsledovaniy rabochey sily). 2018. Statisticheskii sbornik* (2018) [Labor, Employment and Unemployment in Russia (Based on Sample Labor Force Surveys). 2018. Statistical compilation], Moscow: Rosstat. Available at: URL: http://www.gks.ru/free_doc/doc_2018/rab_sila18.pdf (accessed 14 November 2018) (in Russian).
- Radaev V. V. (1993) Etnicheskoe predprinimatel'stvo: mirovoy opyt i Rossiya [Ethnic Entrepreneurship: World Experience and Russia.]. *Polis. Political Studies*, no 5, pp. 79–87 (in Russian).
- Ryazantsev S. V. Etnicheskoe predprinimatel'stvo kak forma adaptatsii migrantov [Ethnic Entrepreneurship as a Form of Adaptation of Migrants]. *Obshchestvennye nauki i sovremennost' = Social Sciences and Contemporary World*, no 5, pp. 73–86 (in Russian).
- Rybakovskiy L.L. (2011) Trudovye migrant i ikh vklad v popolnenie trudovogo potentsiala Rossii [Labor Migrants and Their Contribution to the Replenishment of the Labor Potential of Russia]. *Izvestiya vysshikh uchebnykh zavedeniy. Povolzhskiy region. Obshchestvennye nauki*, no 1, pp. 47–55. Available at <https://cyberleninka.ru/article/n/trudovye-migranty-i-ih-vklad-v-popolnenie-trudovogo-potentsiala-rossii> (accessed 11 October 2018) (in Russian).
- Ryzhova N. P. (2008) Phenomen etnicheskogo predprinimatel'stva: zapadnaya traditsiya i rossiyskoe prochtenie [The Phenomenon of Ethnic Entrepreneurship: The Western Tradition and the Russian Reading]. *Novye rossijskie gumanitarnye issledovaniya* (electronic journal), Available at: <http://www.nrgumis.ru/articles/123/> (accessed 22 August 2018) (in Russian).
- Sadaeva O. A. (2007) *Fenomen etnicheskogo predprinimatel'stva na primere koreytsev Novosibirsk* [The Phenomenon of Ethnic Entrepreneurship with the Example of Koreans in Novosibirsk]. Available at: http://world.lib.ru/k/kim_o_i/s5s5.shtml (accessed 22 August 2018) (in Russian).
- Sizova I. L. (2015) *Soblyudenie prav migrantov v Privolzhskom federalnom okruge i gotovnost i k integratsii v primayshem obshestve* [Observance of the Rights of Migrants in the Volga Federal District and Their Readiness for Integration into the Host Community]. *Nauchnyy otchet* [Analytical Report], Nizhny Novgorod: HSE; Interregional Charity Civil Society Organization Volga Migration Center (in Russian).
- Snisarenko A. (2013) *Etnicheskoe predprinimatel'stvo v bol'shom gorode sovremennoy Rossii (na materialakh issledovaniya azerbaydzhanskoy obshchiny S.-Peterburga)* [Ethnic Entrepreneurship in the Big City of Modern Russia (On the Materials of the Study of the Azerbaijani Community of St. Petersburg)]. Available at: <http://www.narcom.ru/ideas/socio/44.html> (accessed 22 August 2018) (in Russian).
- Sombart W. (2004) *Burzhua. Evrei i khozyaystvennaya zhizn'* [Bourgeois. Jews and Economic Life], Moscow: Ajris-Press (in Russian).
- Verkhovskaya O. R., Dorokhina M. V. (2012) *Global'nyy monitoring predprinimatel'stva: Natsional'nyy otchet. Rossiya 2012* [Global Business Monitoring: National Report. Russia 2012], St. Petersburg: Graduate School of Management at SPbSU (in Russian).
- Verkhovskaya O. R., Aleksandrova E. A., Bogatyreva K. A., Dzhelepova M. V., Shmeleva E. V. (2016) *Global'nyy monitoring predprinimatel'stva: natsional'nyy otchet. Rossiya 2016/2017* [Global Business

Monitoring: National Report. Russia 2016/2017], St. Petersburg: Graduate School of Management at SPb-SU (in Russian).

Volery T. (2007) Ethnic Entrepreneurship: A Theoretical Framework. *Handbook of Research on Ethnic Minority Entrepreneurship: A Co-Evolutionary View on Resource Management* (ed. D. Leo-Paul), Northampton, MA: Edward Elgar Publishing Inc., pp. 30–41.

Waldinger R., Aldrich R., Ward R. (2008) Ethnicheskie predprinimateli [Ethnic Entrepreneurs]. *Ekonomicheskaya sotsiologiya = Journal of Economic Sociology*, vol. 9, no 5, pp. 30–55. Available at: <https://ecsoc.hse.ru/2008-9-5/26594755.html> (accessed 15 November 2018) (in Russian).

Weber M. (1990) Predprinimatelskaya etika i dukh kapitalizma. *Izbrannye proizvedeniya* [Selected Works], Moscow: Progress, pp. 61–208 (in Russian).

Wilson K. L., Portes A. (1980) Immigrant Enclaves: An Analysis of the Labor Market Experiences of Cubans in Miami. *The American Journal of Sociology*, no 86, pp. 295–319.

Received: September 28, 2018

Citation: Peshkova V. (2018) Predprinimatel'skaya aktivnost' inostrannykh trudovykh migrantov v Rossii. Na primere kirgizskikh migrantov v Moskve i Moskovskoy oblasti [Entrepreneurial Activity of Foreign Labor Migrants in Russia: On the Example of Kyrgyz Migrants in Moscow and the Moscow Region], *Journal of Economic Sociology = Ekonomicheskaya sotsiologiya*, vol. 19, no 5, pp. 11–40. doi: 10.17323/1726-3247-2018-5-11-40 (in Russian).

НОВЫЕ ПЕРЕВОДЫ

Э. Гидденс, Ф. Саттон

Основные понятия в социологии¹

ГИДДЕНС Энтони — почётный профессор Лондонской школы экономики и политических наук. Адрес: Великобритания, WC2A 2AE, г. Лондон, ул. Хоутон-стрит. **Email:** ax.giddens@lse.ac.uk

САТТОН Филип — независимый исследователь.

Перевод с английского Елизаветы Рождественской и Станислава Гавриленко.

Публикуется с разрешения Издательского дома НИУ ВШЭ.

Социальная жизнь постоянно меняется, и социология не может позволить себе стоять на месте. Сегодня эта дисциплина необычайно разнообразна в теоретическом отношении, охватывает множество тем и использует обширный методологический инструментарий. Важную роль в изучении социальной жизни играют ключевые понятия и идеи, которые позволяют социологам осмысливать общества. Однако толкование этих понятий постоянно эволюционирует и меняется. Книга вводит в основные понятия, благодаря которым социология сформировалась как научная дисциплина. Не ограничиваясь краткими словарными определениями, Энтони Гидденс и Филип Саттон подробно рассматривают каждое понятие, исторические и теоретические контексты его возникновения и бытования, показывают значения и интерпретации, обращая внимание на критику и развитие в современных исследованиях и теориях. Такая структура позволяет читателю связать историю социологии с актуальным состоянием, проследив развитие ее понятий. Всего для книги авторы тщательно отобрали 70 понятий. Разделы книги сгруппированы по 10 основным темам. Внутри каждой темы понятия располагаются в алфавитном порядке. Это делает поиск понятия в каждой тематической области более быстрым и простым.

Журнал «Экономическая социология» публикует четвёртый раздел книги — «Структуры общества» («Structures of Society»), в котором авторы разбирают понятия «бюрократия», «капитализм», «консьюмеризм», «образование», «организация», «разделение труда» и «религия».

Ключевые слова: социология; основные понятия; структура общества; бюрократия; капитализм; образование; религия.

Тема 4. Структуры общества

БЮРОКРАТИЯ (BUREAUCRACY)

Рабочее определение

Форма организации, основанная на писаных правилах, контрактах и иерархии позиций, широко распространённая в современных индустриальных обществах.

¹ *Источник:* Гидденс Э., Саттон Ф. 2018. *Основные понятия в социологии*. Пер. с англ. Е. Рождественской, С. Гавриленко; под науч. ред. С. Гавриленко. М.: Изд. дом ВШЭ. Перев. с англ.: Giddens A., Sutton P. W. 2017. *Essential Concepts in Sociology*. 2nd ed. Cambridge, UK; Malden, MA: Polity Press.

Происхождение понятия

Слово «бюрократия» вошло в оборот в 1745 г. как комбинация французского *bureau* (канцелярия или письменный стол) и греческого *κράτος* (власть). Современное понимание бюрократии как власти служащих датируется серединой XVIII века, когда слово относили исключительно к правительственным чиновникам. Постепенно понятие было распространено на различные типы организаций и почти сразу стало восприниматься негативно. Существует немало художественных произведений, критикующих бюрократическую власть; например, роман Франца Кафки «Процесс» с его кошмарным изображением обезличенного и непостижимого бюрократического аппарата. Негативный взгляд на бюрократию нашёл своё отражение и в популярной культуре, в которой бюрократы предстают как ни на что негодные и бесполезные персонажи, погрязшие в бумажной волоките.

Социологические исследования бюрократии основывались прежде всего на идеях Макса Вебера, создавшего классический идеальный тип бюрократии. В противоположность предшествующим мнениям о бюрократии как образцовом примере неэффективности, Вебер утверждал, что современная бюрократия в конечном счёте получила настолько широкое распространение именно потому, что является самой эффективной из всех разработанных до сих пор форм организации. Однако Вебер также признавал, что бюрократические формы доминирования склонны душить творческое начало и сводить на нет инициативу, производя тем самым множество иррациональных побочных эффектов и вступая в конфликт с принципами демократии. В этом смысле его взгляды частично продолжали традицию изображения бюрократии как — в итоге — негативной социальной силы.

Значение и интерпретация

Современная жизнь сложна и нуждается в некотором типе организации. Вебер рассматривал бюрократию как доминирующую модель формальной организации, и эта характеристика продолжает оказывать влияние на социологические исследования. Несмотря на существование бюрократии в крупных традиционных цивилизациях (например, в императорском Китае), только с возникновением и распространением промышленного капитализма бюрократия становится повсеместным социальным явлением. Для Вебера расширение и распространение бюрократии было неизбежным и, более того, единственным способом справиться с вызовами модерна. Современные системы здравоохранения и социального обеспечения почти невозможно представить без письменных отчётов, архивных документов и закреплённых формальных правил. Вебер сконструировал идеальный, или «чистый», тип бюрократии, акцентируя внимание на общих чертах реальных случаев, чтобы выделить определяющие аспекты современной бюрократии.

Идеальный тип Вебера включал следующие характеристики:

- строгая иерархия господства, на вершине которой располагаются позиции наивысшего авторитета и власти. Существует также цепь команд, в которой те, кто находится выше в иерархии, контролируют и надзирают за теми, кто располагается ниже;
- поведение служащих подчинено писанным правилам, что обеспечивает предсказуемость и порядок;
- служащие получают заработную плату, имеют долгосрочные контракты и работают полный рабочий день. Человек может строить карьеру внутри организации в течение всей жизни;
- чёткое разделение между работой служащих и их личной жизнью — данные области не должны смешиваться;

- все ресурсы, включая рабочие столы, компьютеры, канцелярские принадлежности, являются собственностью организации; служащим не разрешается владеть их «средствами производства».

Возможно, этот «чистый» тип никогда не существовал, но чем ближе приближается к нему реальная организация, тем более эффективной она должна становиться в достижении своих целей.

Вебер полагал, что по мере усиления доминирования бюрократических организаций общество всё больше будет походить на «железную клетку» с запертыми внутри неё людьми. Многие считают, что бюрократические системы при вступлении с ними в личный контакт препятствуют удовлетворению индивидуальных потребностей. Но дело в том, что частные соображения и эмоциональные призывы не могут быть приняты в расчёт, так как бюрократический порядок разрабатывается таким образом, чтобы максимальная эффективность достигалась при работе с тысячами и даже миллионами случаев, поэтому сам принцип равного обращения порождает массу недовольства среди людей. Более серьёзная проблема заключается в том, что бюрократическое доминирование может препятствовать демократии. Поскольку постоянная машинерия управления приобретает реальную силу, демократические процессы и выборы могут оказаться под угрозой.

Критические замечания

Критики аргументов Вебера рассматривают его теорию бюрократии как неполную и игнорирующую неформальные отношения и динамику малых групп, которые позволяют организации «работать». Исследование Налогового управления США, результаты которого были опубликованы Питером Блау в 1963 г., показало, что процедурные правила постоянно нарушались, чтобы выполнить работу, а на нижних ступенях иерархии возникла групповая лояльность вследствие образования неформальной системы взаимной помощи и советов [Blau 1963].

Одним критикам теория бюрократии Вебера представляется недостаточной. Зигмунд Бауман утверждает, что массовые убийства евреев, совершенные немецкими национал-социалистами в годы Второй мировой войны, стали возможными только благодаря бюрократической машине современного государства [Bauman 1989]. Громадная организация, перемещавшая в условиях военного времени миллионы людей со всей Европы в концентрационные лагеря и записывавшая огромное количество персональных данных, требовала систематического и тщательного бюрократического планирования и контроля. Именно безличность бюрократии позволяла чиновникам избегать личной моральной ответственности. Для Баумана Холокост не был aberrацией нормального цивилизованного модерна, но стал последствием действия одной из главных организующих модерн сил — бюрократии.

Другие критики Вебера, наоборот, рассматривали его теорию как *слишком негативную*. Пол дю Гай приводит сильные аргументы в пользу бюрократии и традиционного бюрократического этоса, утверждая, что многие проблемы, часто приписываемые бюрократии, в действительности вызваны попытками *обойти* правила и бюрократические процедуры [Gay 2000]. Он полагает, что исследование Баумана оставляет без внимания реальные причины Холокоста, то есть расистские установки и идеологию, а также устрашение и насилие. Бюрократический этос предполагает равное отношение ко всем и использование важных защитных механизмов, которые не столько усиливают власть, сколько препятствуют политическим лидерам злоупотреблять ею.

Сохраняющаяся актуальность

Всех последствий бюрократизации Вебер не предсказал, и некоторые критические аргументы, направленные против его первоначального анализа, могут быть отклонены. Тот факт, что социологи до сих

пор вовлечены в «споры» с Вебером, показывает, что ему удалось указать на ключевой аспект современного мира. Вебер хорошо понимал, что бюрократия стала одним из важнейших двигателей непрекращающейся рационализации общества, распространяющейся на всё новые сферы социальной жизни. Можно спорить о деталях веберовского анализа, но глобальное распространение капитализма и современных видов бюрократии означает, что общая суть его доводов до сих пор актуальна и должна быть принята всерьёз.

В противоположность недавним исследованиям, предполагающим, что свободные сети могут замещать характерные для бюрократии жёсткие иерархии, Кэтрин Кейси утверждает, что бюрократия стала позволять или встраивать в жизнь работника на рабочем месте некоторые новые виды деятельности [Casey 2004]. Это явление, если оно получит распространение, может бросить вызов нашему представлению о том, что является определяющим для бюрократии. Кейси сосредоточивается на бюрократических организациях, позволяющих выражение «духовности на работе», что становится тенденцией. Многие индивиды практикуют мистические течения «Новой эры» (New Age) или другие формы «духовности на рабочем месте», а некоторые крупные компании — Ford, IBM, Apple и др. — поддерживают и даже поощряют программы «духовности на работе», распространяя соответствующую литературу и проводя семинары для руководителей. Кейси подчёркивает, что бюрократии вместо того, чтобы костенеть, адаптируются и меняются вместе с обществом.

Растёт число исследований, показывающих, что бюрократические процедуры могут в действительности оказаться выгодными для женщин внутри организаций, поскольку они гарантируют, что карьерное продвижение основывается в большей степени на способностях и квалификации, чем на личных связях и неформальных отношениях, которые долгое время были частью механизмов исключения, позволявших мужчинам сохранять свои привилегии. Лейша Дехарт-Дэвис расширяет этот аргумент, исследуя мужское и женское восприятие собственных рабочих мест в бюрократической организации [DeHart-Davis 2009]. Используя смешанный метод, она обнаружила чёткие гендерные различия. Женщины склонны подчёркивать эффективность, соответствие правилам и беспристрастность бюрократии, в то время как внимание мужчин сосредоточено на том, что они называют избыточным контролем и регулированием. Исследователь приходит к выводу, что женщины выделяют те элементы, которые позволяют им принимать участие в делах организации на равных с мужчинами и обеспечивают карьерное продвижение. Это бросает серьёзный вызов феминистским теориям, описывающим бюрократию как организационную форму мужского доминирования.

Литература

- Bauman Z. 1989. *Modernity and the Holocaust*. Cambridge: Polity; см. также рус. пер.: Бауман З. 2010. *Актуальность Холокоста*. М.: Европа.
- Blau P. M. 1963. *The Dynamics of Bureaucracy*. Chicago: University of Chicago Press.
- Casey C. 2004. Bureaucracy Re-Enchanted? Spirit, Experts and Authority in Organizations. *Organization*. 11 (1): 59–79.
- DeHart-Davis L. 2009. Can Bureaucracy Benefit Organizational Women? *Administration and Society*. 41 (3): 340–363.
- Gay P. du. 2000. *In Praise of Bureaucracy: Weber, Organization, Ethics*. London: Sage.

КАПИТАЛИЗМ (CAPITALISM)

Рабочее определение

Возникшая на Западе экономическая система, основанная на рыночном обмене и производстве прибыли для реинвестирования и роста бизнеса.

Происхождение понятия

Политэкономы XVIII века обсуждали рынки, обмен, цены и производство товаров. Адам Смит утверждал, что определённый социальный порядок и экономическое равновесие обеспечиваются «невидимой рукой» свободного обмена на рынке [Ingham 2008]. Однако понятие «капитализм» появилось только в середине XIX века, когда К. Маркс и Ф. Энгельс проанализировали капиталистический способ производства. По Марксу, капитализм — эксплуататорская экономическая система, основанная на производстве товаров для обмена на рынке с целью обогащения буржуазии (или класса капиталистов). В марксистской теории капитализм — это завершающая стадия социального развития общества перед наступлением коммунизма, который покончит с вопиющим неравенством предшествующих ему классовых обществ.

Альтернативная концепция была сформулирована Максом Вебером, чьё исследование происхождения капитализма в связи с кальвинистскими религиозными верованиями резко контрастировало с масштабной исторической схемой Карла Маркса. По Веберу, капитализм не был ни результатом революционных перемен, ни переходом к коммунизму в будущем. Будущее рабочего класса обеспечивается не концом капитализма, а его развитием. Вебер утверждал, что долгосрочный процесс рационализации и распространения бюрократической организации — ключевые аспекты модерна. Во всяком случае, капитализм поощрял конкуренцию и инновации, которые смягчали негативные эффекты бюрократического господства, тем самым давая свободу экспериментированию с новыми идеями.

Значение и интерпретация

Самой влиятельной теорией капитализма остаётся теория Маркса, которая рассматривает капитализм, возникающий из феодального общества, как последнюю стадию всеобщей истории человеческих обществ. Маркс отмечал поступательность исторического развития, начавшегося с примитивных коммунистических сообществ охотников и собирателей и прошедшего через стадии древнего рабовладения и феодализма, который был основан на делении на землевладельцев и крепостных. Появление купцов и ремесленников ознаменовало зарождение коммерческого, или капиталистического, класса, который постепенно вытеснил земельную аристократию. Маркс выделяет две главные составляющие капитализма: капитал, то есть любой актив, в том числе деньги, машины и даже фабрики, который может быть использован или инвестирован для создания будущих активов, и наёмный труд, то есть множество рабочих, которые не владеют средствами производства и потому вынуждены искать оплачиваемую работу. Те, кто владеет капиталом, образуют правящий класс, остальные — а их большинство — составляют рабочий класс, или пролетариат. Капиталисты и рабочие взаимозависимы, однако их отношения носят характер эксплуатации, что обостряет классовые конфликты. Маркс утверждал, что, в конце концов, другие классы исчезнут и останутся только два главных класса, чьи интересы находятся в состоянии прямого конфликта.

Однако Маркс не был просто критиком, он ясно видел невероятную производительность капитализма, освободившего человека от подчинения религиозному авторитету и вырвавшего его из «идиотизма»

деревенской жизни»². Капитализм также демонстрировал огромные возможности человека формировать своё будущее, не полагаясь на милость сил природы. Проблема состояла в том, что конкурентные капиталистические социальные отношения становятся препятствием для кооперации, необходимой, если люди должны взять контроль над собственной судьбой. Противоречие между огромными производительными силами и необходимостью конкурировать за них может разрешиться только в результате революции. Предсказанная Марксом более чем 150 лет назад революция не свершилась.

В развитии капитализма произошли существенные изменения: он прошёл долгий путь от так называемого семейного капитализма времён Маркса через управленческий капитализм, когда рост компаний вывел их из-под контроля членов семьи, к капитализму всеобщего благосостояния в XX веке, при котором крупные компании предлагают своим сотрудникам множество услуг — от ухода за детьми до оплачиваемых отпусков и страхования жизни. Апогея своего развития капитализм всеобщего благосостояния достиг к 1930 г., после чего профсоюзы стали главным ресурсом в борьбе рабочих за получение выгод от системы. Последняя стадия — институциональный капитализм. Его основой является широко распространённая практика владения корпорациями акциями других компаний. В сущности, связанные друг с другом советы директоров контролируют большую часть корпоративного мира, тем самым обращая вспять процесс управленческого контроля, так как при принятии решений в компании блокирующий пакет акций принадлежит другой корпорации. С интенсификацией процессов глобализации большинство крупных корпораций действуют в международном экономическом контексте.

Критические замечания

Споры между веберинской и марксистской позициями всегда включали моральные и нормативные суждения. Для марксистов капитализм представлял собой экономическую систему, которая порождала и воспроизводила неравенство, поэтому заслуживала того, чтобы быть выкинутой на «свалку истории». Для веберинцев капитализм может быть эксплуататорским, однако его альтернативы оказывались менее производительными и более авторитарными, препятствующими развитию демократии и свободы личности. Сегодня по вопросу общей оценки капитализма среди социологов так и нет единодушия.

Однако большинство социологов согласны с тем, что предсказание Маркса о революции и крахе капитализма оказалось, очевидно, неверным. В странах, где революции всё же свершились, как в России (1917) и Китае (1949), они происходили не по модели Маркса, так как в них были вовлечены, скорее, крестьяне и сельскохозяйственные рабочие, чем промышленный пролетариат. Крах советского коммунизма в конце XX века также воспринимается как конец эпохи, а глобализация и более тесная интеграция мировой капиталистической системы препятствуют, как представляется, любому движению в сторону социализма и коммунизма. Многие марксисты до сих пор полагают, что анализ Марксом главных механизмов капитализма и его тенденций к кризисам является правильным, хотя он очевидным образом недооценил адаптивные способности капиталистической экономики.

Сохраняющаяся актуальность

В настоящее время нет серьёзных разногласий относительно господства капиталистических экономических систем в мире, несмотря на то что с момента падения коммунистических режимов в Советском Союзе, Восточной Европе и других регионах мира прошло совсем немного времени. К моменту падения Берлинской стены в 1989 г. и воссоединения Германии, распада Советского Союза и отказа от коммунизма в странах Восточной Европы существовавшие там коммунистические и социалистиче-

² Цит. по: Маркс К., Энгельс Ф. 1955 [1848]. Манифест Коммунистической партии. В изд.: Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. Изд. 2-е. Т. 4. М.: Гос. изд-во политической литературы; 428. — *Примеч. ред.*

ские режимы были почти мертвы. Сегодняшняя оппозиция принимает форму постсоциалистических движений, таких как антиглобалистская и антикапиталистическая мобилизация последних лет или анархистские и экологические кампании.

В недавних исследованиях большое внимание уделялось различиям в национальных капиталистических экономиках. Предпринятое Джоном Кэмпбеллом и Ове Педерсенем сравнение капитализма в Дании и США является полезным введением в дебаты о его разновидностях [Campbell, Pedersen 2007]. Часто предполагалось, что капитализм «работает» более эффективно в условиях минимальной экономической регуляции, низких налогов и незначительной системы государственного социального обеспечения. Однако Дания опровергает это предположение. Датский вариант капитализма построен на относительно высоких налогах, большом государственном бюджете, высоком уровне регулирования и открытой экономике, успешно конкурирующей с другими вариантами капитализма, которые больше соответствуют модели низкой регуляции. Кэмпбелл и Педерсен утверждают, что Дания успешна, так как компании получают преимущества благодаря государственным институтам, координирующим рынок труда, обеспечивающим высокую профессиональную квалификацию работников и осуществляющим политику развития промышленности. Именно эти институты определяют конкурентоспособность Дании, показывая, что существует более одного пути достижения успеха на глобальных рынках.

Учитывая современную обеспокоенность проблемой глобального потепления, вопрос об устойчивости капитализма — один из важнейших. Анил Маркандья полагает, что он может таковым являться, но только в том случае, если меры рыночного характера будут работать строго в пользу снижения выбросов углекислого газа [Markandya 2009]. Он пишет, что проблемы окружающей среды, особенно изменение климата, требуют государственного регулирования и согласованных действий, если мы хотим снизить уровень выбросов. Однако, чтобы иметь шанс на успех, любая схема снижения должна восприниматься как справедливая. Маркандья поэтому предлагает ввести со временем глобальную квоту на выброс углекислого газа на душу населения. Если система торговли квотами на выбросы углекислого газа окажется успешной, то цена тонны углекислого газа будет равна примерно 420 дол. США. Рыночная цена углекислого газа в 2009 г. — 15 евро за тонну. Подобное радикальное несоответствие рыночной цены порождает серьезные сомнения относительно возможности капитализма и рыночно ориентированных мер воспрепятствовать глобальному потеплению.

Литература

Campbell J. L., Pedersen O. K. 2007. Institutional Competitiveness in the Global Economy: Denmark, the United States and the Varieties of Capitalism. *Regulation and Governance*. 1 (3): 230–246.

Ingham G. 2008. *Capitalism*. Cambridge: Polity.

Markandya A. 2009. Can Climate Change be Reversed under Capitalism? *Development and Change*. 40 (6): 1139–1152.

Marx K., Engels F. 2005. *The Communist Manifesto*. London: Longman; см. также рус. пер.: Маркс К., Энгельс Ф. 1955 [1848]. Манифест Коммунистической партии. В изд.: Маркс К., Энгельс Ф. *Сочинения*. Изд. 2-е. Т. 4. М.: Гос. изд-во политической литературы; 419–459.

КОНСЬЮМЕРИЗМ (CONSUMERISM)

Рабочее определение

Общий для сравнительно богатых обществ образ жизни, поощряющий постоянное приобретение потребительских товаров как полезное для экономики и для личной самореализации.

Происхождение понятия

Возможно, истоки консьюмеризма восходят к эпохе Промышленной революции начала XIX века, когда резко возросший объём производимых материальных благ и низкие цены на них позволили вовлечь в потребление значительное число социальных групп. Первыми превратились в современных потребителей высшие классы и аристократия. Эти группы сформировали обширный рынок для новых предметов роскоши. На протяжении XIX и XX веков демонстративное потребление стало практикой многих других социальных групп, а уже к середине XX века консьюмеризм — отличительная черта развитых экономик.

Одна из важнейших причин роста консьюмеризма — увеличившаяся с начала XX века доступность кредитов. К концу XX столетия жизнь с тяжким долговым бременем стала нормой, а борьба за социальный статус всё в большей степени основывалась на формах потребления. С 1960-х гг. социологи говорят о том, что капиталистические общества оказались зависимыми от консьюмеризма, поощрявшего высокие материальные стандарты жизни и желание постоянно приобретать. Эти перемены привели к возникновению так называемого общества потребления. Активисты-экологи подчёркивают, что сдвиг в сторону общества потребления оказывает пагубное воздействие на окружающую среду, ведёт к увеличению ненужных трат и неустойчивым практикам.

Значение и интерпретация

Общества промышленного капитализма основываются на системе массового производства, однако это означает также существование и массового потребления. Товары и услуги должны покупаться и потребляться, несмотря на то что сами производство и потребление могут быть сосредоточены в географически различных местах. Товары производят там, где это сделать дешевле, а продают там, где дороже, и, как правило, это разные регионы. В течение XX века главная ориентация обществ промышленного капитализма сменилась, перейдя от «парадигмы производства» к «парадигме потребления», и в социологии общим местом является характеристика сравнительно богатых обществ как обществ потребления или как капитализм потребления.

Работа становится всё менее важным элементом в процессе формирования идентичности. Потребление предоставляет человеку возможность сконструировать личную идентичность путём приобретения различных элементов, давая, по крайней мере, ощущение свободы выбора и осознание себя индивидуальностью. Центральная роль потребления и идеология консьюмеризма обеспечивают быстрый оборот товаров, базирующийся на обусловленных модой изменениях меновой стоимости предметов потребления и, как следствие, на их ускоренном обесценивании. Идентификация потребителя с товарами и брендами делает потребление важнейшей частью повседневной жизни. Кроме того, корпорации всё в большей степени стремятся производить товары для более гибких и дифференцированных требований потребителей, вместо того чтобы ставить во главу угла нужды производства и только потом заботиться о потребителях. Как правило, этот сдвиг можно проследить в отказе от унифицированных фордистских методов производства и переходе к более гибким постфордистским методам, обслуживающим нишевые рынки. Главная фигура теперь — потребитель, а не рабочий. Поскольку общества потребления делают возможным конструирование личной идентичности, это способствует децентрации основанных на производстве социальных конфликтов и вовлечению всё большего числа социальных групп в конкурентную борьбу за социальный статус через символические обмены. Сдвиг в сторону консьюмеризма и общества потребления означает поэтому существенные перемены в экономической, политической и культурной сферах.

Консьюмеризм — это также стиль мышления, ментальность или даже идеология, которая работает на производство *желания* постоянного потребления. Социологи, изучающие консьюмеризм, утверждают, что удовольствие от потребления основывается не на *использовании* купленного товара, а на *ожидании* приобретения вещей. Люди тратят время на просмотр журналов, витрин магазинов и интернет-страниц, ища товары и предвкушая их покупку. Колин Кэмпбелл полагает, что приносящей наибольшее удовольствие и вызывающей привыкание частью современного консьюмеризма являются ожидание, поиски и желание товаров, а не их использование [Campbell 2005]. Подобная «романтическая» этика потребления основана на желании, поощряемом рекламной индустрией. Это объясняет, почему люди никогда не бывают полностью удовлетворены.

Критические замечания

Несмотря на то что понятие «консьюмеризм» добавляет новое измерение нашему пониманию капитализма, неочевидно, что он является причиной капиталистической экспансии. Идея о консьюмеризме как драйвере производства придаёт вес требованиям потребителей, но некоторые исследователи находят её малообоснованной, указывая на огромные маркетинговые и брендинговые бюджеты компаний, которые тратятся на создание желаний и потребностей, превращающих людей в активных потребителей. Вопрос в том, в чьих руках сосредоточена реальная власть в рамках этой системы — производителя или потребителя. Действительно ли крупные транснациональные капиталистические корпорации находятся во власти потребительского спроса?

Ещё один тип критики сосредоточен на консьюмеризме как таковом. Он рассматривается как разрушительный для социальных отношений и окружающей среды. Консьюмеризм «работает», превращая желания в потребности и пытаясь убедить людей в том, что они могут и должны удовлетворить их. Таким образом, существует потенциально бесконечный поток мод, новых товаров и услуг для нашего потребления. Это смешение желаний и потребностей видится крайне опасным, приводящим к ложной вере в то, что счастье можно купить и потребление товаров является естественным. Вместо этого необходимо отделять собственные желания от потребностей и урезать первые, чтобы получить гарантии в удовлетворении подлинных потребностей людей по всему миру. Проблема в том, что попытки определить потребности сталкиваются с большими сложностями. Потребности культурно обусловлены, и не существует твёрдого критерия отличия подлинных потребностей от неподлинных, с которым были бы согласны все.

Сохранившаяся актуальность

Понятие «консьюмеризм» и производное от него понятие «общество потребления» были чрезвычайно продуктивны для социологов. Путём увязывания процессов производства со структурами потребления стало возможно гораздо более сбалансированное понимание капитализма. К примеру, теория «беговой дорожки производства и потребления» — подход, успешно соединивший эти два элемента. Он объединяет индустриализацию, экономику капитализма и массовый консьюмеризм для того, чтобы понять, как модерн трансформировал отношение между обществом и природной средой. Образ беговой дорожки призван показать, что система массового производства и потребления, будучи однажды запущенной, не может быть остановлена.

Консьюмеризм превратился не только в стиль жизни, но и в отличительную черту всего жизненного пути человека, в том числе и продолжительного периода старости, что стало общим явлением в современных развитых странах. Айан Джонс и его коллеги отметили это на примере пожилых людей в Британии и других странах: сейчас их доход выше, чем был у предыдущих поколений, и некоторые из них предпочитают полностью или частично выходить на пенсию в более раннем возрасте [Jones et

al. 2008]. Современное поколение пожилых людей после 1945 г. помогало создавать культуру консьюмеризма. Они и в почтенном возрасте среди первых «горожан-потребителей» остаются, скорее, активными потребителями товаров, чем «пассивными потребителями» услуг. Упомянутое эмпирическое исследование детально описывает те механизмы, с помощью которых консьюмеризм влияет на пожилых людей и одновременно испытывает влияние с их стороны.

Растущей тенденцией становится «зелёное» потребление, хотя это понятие очень широкое и с трудом поддаётся определению. В опросе, проведённом в графстве Девон (Англия), Эндрю Гилг и его коллеги изучали, что мотивирует «зелёных» потребителей пробовать и принимать более устойчивый стиль жизни [Gilg, Barr, Ford 2005]. В ходе исследования были определены четыре основные группы:

- *радикальные защитники окружающей среды*, в наибольшей степени предрасположенные к устойчивому потреблению — к покупке местных, органических или произведённых в соответствии с режимом «справедливой торговли» продуктов, компостированию отходов;
- *мейнстримовые экологи*, делающие всё то же самое, за исключением компостирования отходов;
- *защитники природы по случаю*, совершающие такие действия редко или вообще никогда;
- *люди, равнодушные к охране окружающей среды* (для них в принципе не характерны описанные действия).

Таким образом, между устойчивым потреблением и экологическими ценностями существует связь. Это предполагает, что правительства должны поощрять переход от «зелёного» потребления к более устойчивому стилю жизни.

Литература

Albridge A. 2003. *Consumption*. Cambridge: Polity.

Campbell C. 2005. *The Romantic Ethic and the Spirit of Modern Consumerism*. Oxford: Blackwell.

Gilg A., Barr S., Ford N. 2005. Green Consumption or Sustainable Lifestyles? Identifying the Sustainable Consumer. *Futures*. 37 (6): 481–504.

Jones I. R. et al. 2008. *Ageing in a Consumer Society: From Passive to Active Consumption in Britain*. Bristol: Policy Press (esp. Ch. 5).

ОБРАЗОВАНИЕ (EDUCATION)

Рабочее определение

Социальный институт, обеспечивающий передачу знаний и навыков от поколения к поколению, как правило, через обязательное школьное обучение.

Происхождение понятия

Образование — это передача знаний, навыков и норм поведения, с помощью которых человек становится полноправным членом своего общества. Сегодня оно рассматривается преимущественно как благо: большинство людей, прошедших через систему образования, научившихся читать, писать и считать, овладевших навыками мышления, признают, что быть образованным значит иметь множество преимуществ. Однако социологи проводят различие между образованием и обучением. Образование можно определить как социальный институт, позволяющий овладеть необходимыми навыками, знаниями, расширить личные горизонты и реализующийся во многих местах. Обучение же — это формальный процесс, с помощью которого передаются определённые типы знаний и умений в соответствии с заранее разработанными учебными программами. Как правило, обучение является обязательным вплоть до определённого возраста. В развитых странах обязательное образование всё больше расширяется на обучение в колледже и даже в университете.

До конца XVIII века обучение в школах было личным делом. Только самые богатые семьи могли позволить образование для своих детей. В XIX и XX веках были внедрены государственные системы всеобщего обязательного образования в ответ на растущую потребность промышленности и сферы управления в работниках, обученных грамоте и навыкам счёта. Если функционалистские теории видят формальную функцию школы в производстве образованного и квалифицированного населения, то многие марксисты и радикальные критики утверждают, что существует так называемый скрытый учебный план, подспудно переносящий ценности и нормы, поддерживающие вопиющее неравенство в капиталистических обществах. Более поздние исследования фокусируют внимание на роли образования и обучения в культурном воспроизводстве, передаче от поколения к поколению культурных ценностей, норм и опыта, а также на всех тех механизмах и процессах, при помощи которых это достигается.

Значение и интерпретация

Эмиль Дюркгейм говорил об образовании как о ключевом факторе социализации, прививающем детям общие ценности общества, которые поддерживают социальную солидарность. Для Дюркгейма наибольшую значимость имели моральные установки и взаимная ответственность, так как именно эти принципы помогают сдерживать конкурентный индивидуализм, подрывающий, по мнению многих исследователей, солидарность.

Однако в индустриальных обществах, по мысли Дюркгейма, образование выполняет ещё одну функцию — обучение необходимым для выполнения всё более специализированных видов работы навыкам, которые нельзя получить в семье. Толкотт Парсонс развил этот функционалистский подход. Он утверждал, что одна из ключевых функций образования — прививание отношения к индивидуальным достижениям как к главной ценности, чему зачастую содействуют конкурсные экзамены и системы оценок. Экзамены имеют важное значение, так как основываются на универсальных меритократических критериях — в отличие от партикуляристских семейных стандартов, и люди занимают своё положение в силу собственных способностей и заслуг, а не класса, гендера или этничности. Однако в ходе многочисленных исследований выяснилось, что образование и обучение, скорее, воспроизводят социальное неравенство, нежели уравнивают жизненные шансы. В исследовании ситуации в Великобритании, проведённом Полом Уиллисом на примере школы в Бирмингеме, ставится вопрос, почему дети — выходцы из семей рабочего класса, как правило, получают работу, аналогичную работе своих родителей [Willis 1977]. Это актуальный для меритократической системы образования вопрос. Уиллис обнаружил антишкольные субкультуры, в которых подростки не проявляли интереса к экзаменам и будущей карьере, желая скорее покинуть школу и начать зарабатывать деньги. Он отметил близость

таких субкультур рабочей культуре «синих воротничков». Таким образом, провалы в школе непреднамеренно готовили таких детей к жизни рабочего класса.

Критические замечания

Функционалистская теория права, указывая на формальные функции систем образования, однако действительно ли существует только один набор общих для всего общества ценностей, особенно в современных мультикультурных обществах? Марксисты согласны с тем, что школы социализируют детей, но делают они это для обеспечения капиталистических компаний рабочей силой, в которой те нуждаются, а не потому, что привержены принципу равенства возможностей. Структуры школьной жизни соответствуют структурам жизни трудовой: конформизм ведёт к успеху, учителя и управленцы ставят задачи, ученики и работники их выполняют, школа и рабочий персонал организованы иерархически — всё это преподаётся как неизбежное [Bowles, Gintis 1976].

Идея скрытого учебного плана оказала серьёзное влияние на социологию образования. Иван Иллич утверждал, что школы — это охранительные организации, созданные, чтобы занимать молодых людей и отвлекать их от уличной жизни до тех пор, пока те не найдут работу [Illich 1971]. Школы способствуют некритическому принятию социального порядка и учат детей знать свою классовую позицию. Иллич предлагал «обесшколивание» общества, то есть его освобождение от школ во имя доступности образовательных ресурсов для каждого и в любое время, чтобы можно было изучать то, что каждый хочет, а не быть заложником стандартизованного учебного плана. Образовательные ресурсы могут находиться в библиотеках и банках данных (сегодня, возможно, в Сети) и быть доступными любому учащемуся. В своё время идеи Иллича казались безнадежно идеалистическими, однако при современных тенденциях к дистанционному образованию с помощью Интернета и при необходимости обучения в течение всей жизни эти идеи уже не кажутся столь фантастическими и невозможными.

Сохраняющаяся актуальность

Как мы можем оправдать положительные функции образования перед лицом такой серьёзной критики? Обучение в школе — это часть воспроизводства структурного неравенства, но в то же время оно снабжает людей некоторыми навыками и знаниями, позволяющими понять это неравенство и бросить ему вызов. Кроме того, многие учителя полностью осознают структурную роль образовательной системы, работают на то, чтобы улучшить и изменить эту систему изнутри. Теория, не предлагающая никаких перспектив и перемен, придаёт слишком большое значение власти социальных структур и явно недооценивает творческий потенциал человеческой деятельности. Образование — важная тема целого ряда дискуссий, касающихся не только современной ситуации в системе образования, но и состояния общества в целом.

В последние годы многие развитые страны стали свидетелями того, что девочки опережают мальчиков в том, что касается школьных успехов и квалификаций, даваемых колледжами. Возникли споры о том, почему мальчики отстают и как можно исправить ситуацию. Предполагалось, что девочки уже преодолели прежние препятствия на пути к успеху. Однако эмпирическое исследование, проведённое в Великобритании, показывает, что 12–13-летние девочки с высокими достижениями по-прежнему сталкиваются с проблемами идентичности, если пытаются «быть слишком умными» в условиях существующих норм приемлемой феминности [Skelton, Francis, Read 2010]. Девочки не только испытывают трудности в своих отношениях с одноклассниками, но и вынуждены бороться за внимание учителей. Реальная жизнь для всё более успешных девушек и женщин значительно сложнее, нежели это показано в сухих цифрах статистики академических достижений.

Литература

- Barlett S., Burton D. M. 2007. *Introduction to Education Studies*. London: Sage (esp. Ch. 2).
- Bowles S., Gintis H. 1976. *Schooling in Capitalist America: Educational Reform and Contradictions of Economic Life*. New York: Basic Books.
- Gatto J. T. 2002. *Dumbing us Down: The Hidden Curriculum of Compulsory Schooling*. 2nd ed. New York: New Society.
- Illich I. 1971. *Deschooling Society*. Harmondworth: Penguin.
- Skelton C., Francis B., Read B. 2010. Brains before Beauty? High Achieving Girls, School and Gender Identities. *Educational Studies*. 36 (2): 185–194.
- Willis P. 1977. *Learning to Labour: How Working Class Kids Get Working-Class Jobs*. London: Saxon House.
- Zamudio M. M. et al. (eds). 2011. *Critical Race Theory Matters: Education and Ideology*. New York: Routledge.

ОРГАНИЗАЦИЯ (ORGANIZATION)

Рабочее определение

Социальная группа или коллектив, обладающие внутренней структурой для удовлетворения социальных потребностей или для достижения определённых целей.

Происхождение понятия

История организаций начинается с возникновения первых групп людей, объединявшихся для обеспечения безопасности, поиска пропитания и строительства жилища. Однако само понятие «организация» в социологии имеет сравнительно недавнее происхождение. Предпринятое Максом Вебером описание бюрократии как фундаментальной характеристики капитализма и — в более общем смысле — современной жизни часто используется в качестве отправной точки организационных исследований. Вебер признает, что бюрократия — лишь один из типов организации, однако её современные рациональные формы являются самыми эффективными из всех до сих пор разработанных, поэтому всем организациям суждено, в конце концов, стать бюрократическими. Дальнейшие исследования в этой области расширяли или критиковали эту базовую интерпретацию. Со временем социология организаций перешла от теории организационной структуры и её функций к изучению неформальных связей, организационной культуры, функционирования власти и гендерных отношений, роста сетей.

Значение и интерпретация

Организации (иногда называемые формальными) варьируются по своему масштабу от малых групп людей до транснациональных корпораций и мультинациональных неправительственных объединений, хотя большая часть исследований сосредоточена на сравнительно крупных структурах — национальных правительствах, университетах, школах, больницах, религиозных и благотворительных организациях, компаниях и профсоюзах. Организации могут быть противопоставлены институтам.

Совокупность установленных норм, ценностей и образцов поведения, образующих культуру, — это и есть институты (например, брак, семья, образование). Организации же — это намеренно созданные объединения для достижения определённых целей, как правило, с помощью свода писаных правил, норм и процедур. Кроме того, обычно организации размещены в конкретных физических местах. Подобные формальные организации частично основаны на требованиях законодательства. К примеру, университеты должны удовлетворять многочисленным требованиям закона — от политики оценок до здравоохранения, безопасности и равноправия на работе. Организации такого типа продолжают оставаться самыми распространёнными в мире.

Организации играют важную роль в жизни каждого: «Мы рождаемся в организациях, получаем образование в организациях и большинство из нас проводят основную часть своей жизни, работая на организации» [Etzioni 1964: ix]. Организации также ведут огромную координационную работу, необходимую в современной жизни. Однако конфликты интересов, равно как и кооперация, занимают центральное место в современных организациях. Исход борьбы за власть между работниками и работодателями или между различными группами служащих может определять общее функционирование и даже цели организации. Признание подобных конфликтов означает отказ от функционалистской перспективы, рассматривающей организацию как бесперебойно работающие машины [Silverman 1994]. Функционализм отделил организацию от образующих её людей. Более современная перспектива социального действия рассматривает организацию как «продолжающуюся и постоянно изменяющуюся коалицию людей с различными и часто конфликтующими интересами и целями, людей, которые в достаточно чётко очерченных рамках стремятся выполнить задачи, отвечающие требованиям тех, кто у власти» [Watson 2008: 110]. Этот подход позволяет нам понять, как со временем изменяется внутренняя структура организации, и привлекает наше исследовательское внимание к меняющимся отношениям между организацией и внешними группами.

Том Бёрнс и Джордж Сталкер в исследовании компаний, производящих электронное оборудование в Шотландии, выявили два типа организации: механистический и органический [Burns, Stalker 1966]. Механистические организации являются бюрократическими, органические же характеризуются более свободной структурой, а их общие цели имеют приоритет над узко определёнными обязанностями. Позднее Уэсли Сайн и его коллеги использовали это противопоставление между механистической и органической структурами для изучения интернет-компаний, возникших в 1996–2001 гг. [Sine, Mitsuhashi, Kirsch 2006]. Можно было бы предположить, что эти недавно появившиеся формы бизнеса имеют менее формализованную структуру и, скорее всего, относятся к органическому типу организации, однако это необязательно так. На ранних этапах компании с механистической структурой действуют эффективно, поскольку специализированные роли основателей уменьшают неопределённость и двусмысленность структуры, повышая организационную эффективность в критические моменты. Противопоставление механистического и органического поэтому не может носить абсолютный характер, а эффективность каждой формы организации зависит от этапа развития компании.

Организации существуют в специально созданной физической среде, отражающей их внутреннюю структуру. К примеру, менеджеры и исполнительные директора часто в системе вертикальной классификации располагаются ближе к её верху. Местоположение кабинетов, проходов и открытых пространств также может быть связано с проявлениями власти, позволяя осуществлять постоянный надзор над действиями сотрудников, что характерно для колл-центров и офисов с открытой планировкой. Мишель Фуко утверждал, что степень видимости определяет, насколько легко работник подвергается надзору [Foucault 1973; 1978]. Также действует самонадзор благодаря неопределённости, имеющейся у работников, относительно того, находятся ли они под наблюдением или нет, что вынуждает их постоянно следить за собственным поведением — «на всякий случай».

Критические замечания

Давняя критика основных концепций организации заключается в том, что, несмотря на очевидное существование формальных правил и процедур, было бы ошибкой принимать их за чистую монету в качестве определяющих. На практике организации функционируют благодаря рутинному избеганию правил или их несоблюдению. К примеру, промышленные предприятия могут иметь обширный свод правил, касающихся техники безопасности и гигиены труда, но рабочие будут игнорировать большинство из них, чтобы работа была выполнена в срок. Джон Мейер и Брайан Роуэн рассматривали формальные правила как миф, имеющий церемониальный или ритуальный характер, но крайне мало говорящий о реальной жизни организации [Meyer, Rowan 1977].

Сходным образом безличная вертикальная иерархия, о которой говорят, что она характеризует организацию, также может приводить к заблуждениям. Неформальные социальные сети развиты на всех уровнях организации, а в руководящем звене эти *личные* связи имеют едва ли не самое большое значение. Советы директоров и акционеры несут ответственность за постановку целей и определение политики компании, однако на практике только несколько человек принимают ключевые решения, а остальным членам правления компании остаётся лишь одобрять их. Руководители различных компаний могут быть лично знакомы, являться членами одних и тех же клубов, встречаться в одних и тех же местах. Подобные личные контакты ведут к неформальным обсуждениям и консультациям и циркуляции информации по сетям, связывающим высокопоставленных индивидов, которых порой характеризуют как бизнес-элиту. Такая ситуация была предсказана Робертом Михельсом, утверждавшим в 1911 г., что власть и контроль над большими организациями с неизбежностью концентрируются в руках небольшой элиты [Michels 1967]. Он называл это железным законом олигархии (олигархия — правление немногих) и считал препятствием для подлинной демократии как внутри организаций, так и в обществе в целом.

Феминистские исследования с 1970-х гг. сосредоточили своё внимание на дисбалансе гендерных ролей в организации. Такие работы описывали организации в терминах профессиональной сегрегации по признаку пола: женщинам отведена низкооплачиваемая рутинная деятельность, они используются как источник дешёвой и надёжной рабочей силы и не имеют тех же возможностей, что и мужчины, для карьерного продвижения. Женщины удовлетворяют потребности бюрократии мужчин, позволяя им много работать, путешествовать и сосредотачиваться только на своём деле. Таким образом, современные организации — это среда, в которой господствуют мужчины, а женщины лишены власти [Kanter 1977; Ferguson 1984].

Сохраняющаяся актуальность

Существовал ряд ключевых различий между конвенциональными моделями организации и компаниями, появившимися в Японии в ходе послевоенной индустриализации страны. В японских компаниях иерархия менее очевидна: со служащими на всех уровнях консультируются о политике компании, наёмные работники менее специализированы, чем в западных компаниях, корпорации привержены принципу пожизненного найма. Однако экономические проблемы стали причиной изменений в японской модели, которая воспринимается как негибкая и слишком затратная. Многие японские аналитики пытались найти более конкурентную и индивидуалистичную модель организации бизнеса, близкую к западной [Freedman 2001]. Рост сетей и сетевых моделей организации стал предметом широких дискуссий в последние годы, однако масштаб этого изменения далеко не ясен [Castells 2009]. Хотя внутри традиционных организаций всегда существовали неформальные отношения, представляется маловероятным, что в современном мире успешная координация возможна без формальной организации.

В настоящее время в организациях работает большое число женщин, и можно было бы ожидать, что это изменение обнаружится прежде всего в политических организациях, считающихся прогрессивными, то есть в рабочих партиях и профсоюзах, приверженных принципу равенства. Сесиль Гийом и Софи Почик использовали биографические методы, чтобы проверить это допущение на примере профсоюзов Великобритании и Франции [Guillaume, Pochic 2011]. По данным проведённого исследования, среди новых членов и активистов профсоюзов довольно много женщин: в Великобритании это происходит благодаря активной и целенаправленной деятельности самих профсоюзов. Однако даже в самых феминизированных профсоюзах женщины всё ещё недостаточно представлены на руководящих позициях. По-видимому, несмотря на изменения, направленные на привлечение женщин на руководящие должности, маскулинная организационная культура, неформальные мужские сети и проблемы достижения баланса между работой и семейной жизнью продолжают препятствовать формированию реального гендерного равенства.

Литература

- Burns T., Stalker G. M. 1966. *The Management of Innovation*. London: Tavistok.
- Castells M. 2009. *The Rise of the Network Society*. 2nd ed. Oxford: Wiley Blackwell.
- Etzioni A. 1964. *Modern Organizations*. Englewood Cliffs, NJ: Prentice Hall.
- Ferguson K. E. 1984. *The Feminist Case against Bureaucracy*. Philadelphia: Temple University Press.
- Foucault M. 1973. *The Birth of the Clinic: An Archeology of Medical Perception*. London: Tavistock; см. также рус. пер.: Фуко М. 1998. *Рождение клиники*. М.: Смысл.
- Foucault M. 1978. *The History of Sexuality*. London: Penguin; см. также рус. пер.: Фуко М. 1996. *Воля к знанию. История сексуальности. Т. 1*. В кн.: Фуко М. *Воля к истине: по ту сторону знания, власти и сексуальности*. М.: Касталь; 97–268.
- Godwyn M., Gittel J. N. (eds). 2012. *Sociology of Organizations: Structures and Relationships*. Thousand Oaks, CA: Pine Forge Press.
- Guillame C., Pochic S. 2011. The Gendered Nature of Union Careers: The Touchstone of Equality Policies? Comparing France and the UK. *European Societies*. 13 (4): 607–631.
- Kanter R. M. 1977. *Men and Women of the Corporation*. New York: Basic Books.
- Meyer J. W., Rowan B. 1977. Institutional Organizations: Formal Structure as Myth and Ceremony. *American Journal of Sociology*. 83 (2): 340–363; см. также рус. пер.: Мейер Дж., Роуэн Б. 2014. Институционализированные организации: формальная структура как миф и церемония. Пер. с англ. И. С. Чириков; науч. ред. В. В. Радаев, Г. Б. Юдин. В кн.: *Классика новой экономической социологии*. М.: Изд. дом ВШЭ; 133–163.
- Michels R. 1967 (1911). *Political Parties*. New York: Free Press.
- Silverman D. 1994. On Throwing Away Ladders: Re-writing the Theory of Organizations. In: Hassard J., Parker M. (eds). *Towards a New Theory of Organizations*. London: Routledge; 1–23.

Sine W. D., Mitsuhashi H., Kirsch D. A. 2006. Revisiting Burns and Stalker: Formal Structure and New Venture Performance in Emerging Economic Sectors. *Academy of Management Journal*. 49 (1): 121–132.

Watson T. J. 2008. *Sociology, Work and Industry*. 5th ed. London: Routledge.

РАЗДЕЛЕНИЕ ТРУДА (DIVISION OF LABOUR)

Рабочее определение

Разделение рабочих задач и занятий в процессе производства, создающее расширенную экономическую взаимозависимость.

Происхождение понятия

Одним из первых систематических исследований разделения труда стала книга Адама Смита «О богатстве народов» (1776), в которой английский экономист описывает разделение труда на булавочной фабрике [Smith 1991]. Смит утверждал, что один человек может сделать 20 булавок в день, но путём разделения задачи на несколько простых действий коллективная производительность труда может составить до 48 тыс. булавок в день. И это классический пример преимущества спланированного и систематизированного разделения труда. Эмиль Дюркгейм выдвинул теорию о том, что промышленное разделение труда в самом широком смысле приводит к фундаментальным изменениям в типе социальной солидарности, связывающей общество воедино [Durkheim 1984]. Он полагал, что традиционные формы солидарности, основанные на сходствах, уступают место новой форме солидарности, укоренённой в различиях и кооперации. Для Дюркгейма разделение труда было не только экономическим явлением, но и трансформацией общества в целом.

Значение и интерпретация

Современные общества базируются на разделении труда, определяемом огромным числом профессиональных категорий и растущей специализацией, что стало привычной чертой нашей жизни, и мы уже едва ли замечаем её всемирно-историческое значение. В традиционных обществах многие люди, не занимавшиеся напрямую земледелием, были ремесленниками, проходившими длительный период ученичества. Это было необходимо, так как ремесленники были вовлечены во все аспекты производственного процесса, а не выполняли какую-то одну задачу. Индустриализация постепенно уничтожила большинство традиционных ремёсел; производство при помощи машин и расширения разделения труда тех же самых товаров стало быстрее, эффективнее и дешевле. Промышленные рабочие в типичном случае обучались только одной части производственного процесса, что позволяло им очень быстро приобретать профессиональные навыки без продолжительного периода подготовки. Этот принцип распространяется и на большинство других форм работы. Одним из важных следствий этого распространения стала специализация, то есть тысячи профессий, ролей и именованных должностей, что радикально отличается от примерно 30 главных ремёсел и ролей в традиционных обществах.

Эмиль Дюркгейм рассматривал расширение разделения труда как очень важный процесс, который, несмотря на порождённые им серьёзные проблемы (например, потенциальный конфликт между собственниками и рабочими), имел множество долгосрочных преимуществ. В традиционном обществе коллектив доминировал над индивидом, а индивидуализм был сведён к минимуму. Тип солидарности, удерживающий общество от распада, был механическим, основанным на сходствах, стабильности и относительно неизменных институтах, разделяемых стилях жизни и уважении к авторитетам. Иными словами, солидарность не была сознательным актом, а возникала механически — как следствие постоянных форм жизни.

С развитием капитализма, индустриализации и урбанизации традиционный жизненный уклад, а вместе с ним и механическая солидарность оказались разрушены. Многие современники были всерьёз обеспокоены тем, что разрушение социальной солидарности и развитие индивидуализма приведут к многочисленным конфликтам, а также к социальному и моральному упадку. Однако Дюркгейм не разделял этих опасений. Он утверждал, что в качестве результата распространения разделения труда возникает новая форма солидарности — органическая. Специализация ролей укрепит социальную солидарность внутри больших обществ, и люди будут связаны взаимной зависимостью гораздо прочнее, чем внутри сравнительно изолированного, самодовлеющего сообщества. Мы все зависимы от огромного числа людей и производимых ими товаров и услуг, поддерживающих наши жизни. Сегодня эта зависимость приобретает глобальный характер. С некоторыми исключениями можно утверждать, что большинство людей в современном обществе не производят продукты питания, которые они едят, не строят дома, в которых живут, и не обеспечивают себя всеми теми материальными благами, которые потребляют. На деле, органическая солидарность порождает более прочную взаимозависимость и к тому же лучше уравнивает индивидуальные различия и коллективные цели.

Критические замечания

Разделение труда привело к глобальной экономической взаимозависимости государств, так что в этом смысле Дюркгейм был прав, утверждая, что оно сделает более тесными контакты и кооперацию между людьми по всему миру. Однако многие критики подчёркивают, что это достигается ценой декалфикации работников и деградации труда. Принципы научного управления, связанные с появлением массового промышленного производства, создали то, что индустриальные социологи называют системами с низким уровнем доверия, то есть с методами производства, при которых менеджмент контролирует весь рабочий процесс, в то время как работники имеют лишь незначительную автономию на рабочем месте (если имеют её вообще). В системах с низким уровнем доверия работники, как правило, переживают неудовлетворённость работой, и это означает, что они не идентифицируют себя с компанией. Следствием оказываются отчуждённость и высокая степень абсентизма. Большую часть XX века работники должны были мириться с подобными системами. Многие вынуждены делать это и сейчас — правда, в основном в развивающихся странах, где нормой остаются эксплуататорские потогонные производства. Глобальное разделение труда может иметь множество преимуществ для западного потребителя, но оно также источник множества страданий и эксплуатации.

Сохраняющаяся актуальность

С 1970–1980-х гг. наблюдался процесс демонтажа старой модели массового производства стандартизированной продукции на крупных предприятиях и переход к производству, адаптированному к целевым нишевым рынкам. Этот сдвиг был теоретически осмыслен как отказ от фордизма в пользу гибких форм постфордистского производства. Гибкость была внедрена в способы разработки продукции, в технологии, стили управления, условия труда, в механизмы привлечения работников и в маркетинг. Производственные группы, командный способ решения проблем, многозадачность и нишевой маркетинг — это только некоторые стратегии, принятые компаниями, стремящимися к собственной реструктуризации для получения конкурентных преимуществ в рамках глобальной экономики. Недавний спад глобальной экономики, связанный с финансовым кризисом 2008 г., оказал большое влияние на процесс принятия решений корпорациями и правительствами, а также на глобальное разделение труда.

С конца XX века наблюдался значительный рост занятости в сфере услуг в развитых странах. Следующим шагом может стать офшоринг (*offshoring*), то есть систематическое выведение за рубеж все большего количества рабочих задач [Blinder 2006]. Алан Блайндер в своём исследовании подчёркивает, что офшоринг будет иметь революционные последствия для развитых экономик, основанных на производ-

стве услуг. Множество офисных и сервисных задач с лёгкостью может быть перемещено в офшоры, и, поскольку связанные с выполнением этих задач рабочие места, как правило, были стабильными и хорошо оплачиваемыми, их потеря будет наиболее остро переживаться средним классом и профессиональными группами. К примеру, университетские курсы могут читаться по Интернету из любой точки мира. То же самое касается банковских и коммерческих услуг. Вопрос состоит в том, какие профессии останутся в постиндустриальной экономике. Блайндер предполагает, что это будут специальности, требующие непосредственного контакта, такие как уход за больными или транспортировка. Будет ли распространение офшоринга настолько радикальным, пока неясно.

Используя пример Лондона, Джейн Уиллс и её коллеги показывают, как современные города становятся зависимыми от труда мигрантов, приезжающих в Британию со всего мира, чтобы занять такие само собой разумеющиеся места, как работа в барах, уборка, уход за больными и работа в сфере общественного питания [Wills et al. 2010]. Несмотря на то что крупные города всегда привлекали мигрантов, находящихся в поисках работы, исследование Уиллс и её коллег показывает, что за последние 20 лет произошли определённые изменения. Неолиберальная модель экономики свободного рынка способствовала нормализации системы субподрядов, уменьшению размера заработной платы и ухудшению условий труда, что сделало Лондон почти полностью зависимым от иностранной рабочей силы, которая поддерживает жизнеспособность города. Это поднимает политические вопросы борьбы с бедностью и укрепления социальных связей. Книга Уиллс и её соавторов предлагает возможные решения этих ключевых проблем.

Литература

Blinder S. 2006. Offshoring: The Next Industrial Revolution? *Foreign Affairs*. March/April: 113–128.

Durkheim E. 1984 (1893). *The Division of Labour in Society*. London: Macmillan; см. также рус. пер.: Дюркгейм Э. 1991. *О разделении общественного труда. Метод социологии*. М.: Наука.

Morrison K. 2006. *Marx, Durkheim, Weber: Formations of Modern Social Thought*. 2nd ed. London: Sage; Ch. 3.

Smith A. 1991 (1776). *The Wealth of Nations*. London: Everyman's Library; см. также рус. пер.: Смит А. 2007. *Исследование о природе и причине богатства народов*. М.: ЭКСМО.

Wills J. et al. 2010. *Global Cities at Work: New Migrant Divisions of Labour*. London: Pluto Press.

РЕЛИГИЯ (RELIGION)

Рабочее определение

По Эмилю Дюркгейму, «религия — это единая система верований и действий, относящихся к священным, то есть к отделённым, запрещённым, вещам; верований и действий, объединяющих в одну нравственную общину, называемую Церковью, всех тех, кто им привержен»³.

Происхождение понятия

В той или иной форме религия обнаруживается во всех человеческих обществах. В древнейших зарегистрированных обществах заметны очевидные следы религиозных церемоний и символов. На-

³ Цит. по: Дюркгейм Э. 1998. Элементарные формы религии. В сб.: *Мистика. Религия. Наука. Классики мирового религиозоведения. Антология*. М.: Канон+; 230–231. — *Примеч. ред.*

скальные рисунки показывают, что религиозные верования и практики существовали более 40 тыс. лет назад, и с того времени религия продолжает быть важнейшей частью человеческого опыта. Самые ранние религии Европы включали верования и практики, которые, скорее, были встроены в саму повседневную жизнь людей, чем являлись отдельными социальными институтами. Это до сих пор верно для некоторых регионов мира. Однако в современных индустриальных обществах религия существует в организационных формах, отделённых от других сфер жизни, таких как экономика или политика. Ключевые дискуссии в социологии XX века были сосредоточены вокруг теории секуляризации: с одной стороны, говорилось, что религия медленно утрачивает свою власть, с другой — речь шла об усилении религиозных верований, несмотря на возможное уменьшение формального членства людей в религиозных организациях.

Значение и интерпретация

Маркс понимал религию как прибежище, дающее массам в классовом обществе возможность укрыться от жестокой реальности жизни. Христианство, например, обещало своим адептам жизнь после смерти, но при этом учило, что их материальная жизнь здесь и сейчас может с необходимостью быть трудной, мучительной и полной страданий. Для Маркса это показывает, что религии не свободны от идеологических элементов, которые обнаруживаются в политических теориях. Конечно, обещание счастливой загробной жизни поддерживает продолжающуюся эксплуатацию массы рабочих и существующие отношения неравенства. Макс Вебер в обширном исследовании мировых религий пришёл к иным выводам: религия может быть консервативной силой, но это никоим образом не является неизбежным. К примеру, религия на протяжении долгого времени препятствовала социальным изменениям в Индии, где индуизм подчёркивал необходимость избегать пут материального мира, контролировать и формировать его. На Западе же христианство с его постоянной борьбой с грехом и грешниками породило напряжение и эмоциональную динамику, бросившие вызов существующему порядку. Аналогичным образом католическая церковь сыграла огромную роль в легитимации движения «Солидарность» в Польше, которое свергло коммунистический режим в 1980-х гг. Религия может способствовать социальным изменениям.

Эмиль Дюркгейм в качестве главной отличительной черты религии называл её долговечность. Он утверждал, что все религии поделили мир на сферу сакрального и сферу профанного. С сакральными объектами и символами обращаются совершенно иначе, чем с другими — профанными, рутинными — аспектами существования. Причина, по которой религии имеют устойчивый характер на протяжении столь длительных периодов времени, заключается в том, что они являются главным средством создания и усиления социальных связей. Церемония и ритуал необходимы для объединения людей, именно поэтому ритуалы и церемонии обнаруживаются в жизненных кризисах и пороговых событиях — рождение, вступление в брак, смерть. Коллективные церемониалы переутверждают групповую солидарность во времена серьёзных изменений. Церемонии порождают коллективный подъём, то есть обострённые чувства и энергию, которые генерируются на общих собраниях и позволяют людям вырваться из мира повседневных забот, перенестись на время в мир более возвышенный. Дюркгейм отмечает, что религиозный *опыт* человека не может быть отвергнут как всего лишь самообман или идеология. Фактически это *реальный* опыт подлинных социальных сил.

Социология религии занимается способами функционирования религиозных институтов и организаций, особенно их ролью в создании и поддержании социальной солидарности. Существование множества конкурирующих религий и различий между ними может перерасти в дестабилизирующие конфликты. Тому есть множество примеров: конфликты между католиками и протестантами в Северной Ирландии, между сикхами, индуистами и мусульманами в Индии, столкновения между мусульманами и христианами в Боснии и бывшей Югославии, преступления на почве нетерпимости по отношению к евреям, мусульманам и представителям религиозных меньшинств в США.

Критические замечания

Секуляризация описывает процессы, в ходе которых религия утрачивает своё влияние на остальные сферы жизни общества. Если бы мы жили в полностью секулярном обществе, понятие «религия» было бы лишним. Применительно к Западной Европе в качестве модели была описана вера без принадлежности (*believing without belonging*), так как многие люди до сих пор верят в Бога или богов, однако число посещающих церковь неуклонно снижается [Davie 1994]. В США же и уровень религиозности, и число посещающих церковь остаются на высоком уровне. Проблема достижения общего заключения связана с разногласиями по поводу того, как нужно измерять степень секуляризации.

Многие люди являются верующими, однако не ходят на службы в церковь, и наоборот — не меньшее число людей постоянно посещают церковь по привычке или для встречи с друзьями, не имея при этой сильной личной веры. Даже исторический подход в данном случае не позволяет прийти к окончательному решению. Можно было бы предположить, что до индустриализации люди посещали церкви чаще, священники обладали более высоким социальным статусом, а религиозные убеждения были сильнее. Однако все эти предположения поставлены под сомнение историческими исследованиями. В средневековой Европе большинство людей в лучшем случае относились равнодушно к религиозным верованиям и посещали церковные службы, скорее, из чувства долга. В то же время большинство наших современников не верят, что их повседневная жизнь населена божественными и духовными сущностями.

Критики тезиса Дюркгейма утверждают, что нельзя понять сущностные черты всех религий, основываясь на обобщениях, полученных на основе изучения небольших обществ. На протяжении XX века многие общества приобрели мультикультурный характер: внутри одного национального общества могут сосуществовать различные религии. Тезис Дюркгейма о религии как источнике общественной солидарности менее убедителен применительно к мультирелигиозным обществам и не позволяет объяснить внутриобщественные конфликты вокруг различных религиозных верований. Сомнение также вызывает мысль о том, что религия, в сущности, является культом общества, а не божеств или духов. Дюркгеймовский тезис может быть рассмотрен как редукционистский аргумент, согласно которому религиозный опыт сводим к социальному феномену. Этим аргументом отрицается сама возможность духовного уровня реальности.

Сохраняющаяся актуальность

Традиционные религии теряют своё влияние, а религиозность, как представляется, разворачивается в новых направлениях и в рамках новых религиозных движений. Более того, мало что свидетельствует о секуляризации в большинстве развивающихся странах. На Ближнем Востоке, в Азии, Африке и Индии существует движение исламского фундаментализма, полное жизненных сил и динамичное. Аналогично миллионы католиков в развивающихся странах встречают визиты Папы Римского, а православное христианство после десятилетий коммунистических репрессий с энтузиазмом поддерживают во многих регионах бывшего СССР. Даже в США религия сохраняет свои позиции и принимает новые формы, к примеру, популярное евангелическое движение и телевангелизм.

Мишель Маффесоли утверждал, что мы живём «во времена племён», как показывает быстрый рост малых групп людей, объединённых на основе разделяемых музыкальных вкусов, идей, потребительских предпочтений и способов развлечения [Maffesoli 1995]. Приверженность людей этим самым новым племенам может быть слабой и непродолжительной, но она показывает серьёзную потребность человека в социальности, которая по-прежнему является, в терминах Дюркгейма, религиозной потребностью. Поскольку традиционные религии борются за удержание своих адептов, многие социологи

утверждают, что секулярные идеи способны брать на себя религиозную роль. В качестве примера можно назвать секулярную сосредоточенность на правах человека, которая связывает частное с универсальным и ожидает демократию в будущем. Дискурс прав человека сходен с христианской традицией и может быть представлен как секулярная религия [Reader 2003]. Однако, если это так, он всё же в гораздо большей степени сконцентрирован на индивидуе, чем на сообществе.

Интересным описанием новых религиозных движений является исследование общества «Сока Гаккай» в Италии, проведённое Карло Бароне [Barone 2007]. Движение «Сока Гаккай» возникло больше 75 лет назад, быстро стало популярным, особенно в Италии. Автор исследования пытается объяснить столь широкую популярность. «Сока Гаккай» имеет более восьми миллионов сторонников в Японии и тесно связано с политической партией Комэйто, которая с 1990-х гг. играет важную роль в японской правительственной коалиции. Однако многие, если не все, неяпонские члены «Сока Гаккай» едва ли осведомлены об этой политической связи, воспринимая свою религию как частное, индивидуальное дело. Главная причина успеха «Сока Гаккай» состоит в организационных методах этого движения. Новые члены присоединяются к малым группам (частям сети) и побуждаются к тому, чтобы делиться опытом, порождающим сильное чувство солидарности, в то время как групповое внимание сосредоточивается на сакральных объектах в эмоционально заряженной среде. Словом, группы создают — дюркгеймовский — коллективный подъём, интегрирующий членов относительно быстро и прочно.

Литература

- Aldridge A. 2013. *Religious in the Contemporary World: A Sociological Introduction*. 3rd ed. Cambridge: Polity.
- Barone C. 2007. A Neo-Durkheimian Analysis of a New Religious Movement: The Case of Soka Gakkai in Italy. *Theory and Society*. 36 (2): 117–140.
- Davie G. 1994. *Religion in Britain Since 1945: Believing without Belonging*. Oxford: Blackwell.
- Fenn R. K. 2009. *Key Thinkers in the Sociology of Religion*. New York: Continuum.
- Jones R. P., Cox D., Navarro-Rivera J. 2012. *The 2012 American Values Survey*. Washington, DC: Public Religion Research Institute.
- Maffesoli M. 1995. *The Time of the Tribes: The Decline of Individualism in Mass Society*. London: Sage.
- Reader R. 2003. The Discourse of Human Rights — A Secular Religion? *Implicit Religion*. 6 (1): 41–51.

NEW TRANSLATIONS

Anthony Giddens, Philip W. Sutton

Essential Concepts in Sociology (excerpts)

Giddens, Anthony — Emeriti,
Department of Sociology, London School
of Economics and Political Science.
Address: Houghton Street, London,
WC2A 2AE, UK.

Email: ax.giddens@lse.ac.uk

Sutton, Philip W. — Independent
Researcher.

Source: Giddens A., Sutton P. W.
(2018) *Osnovnye ponyatiya v sot-*
siologii [Essential Concepts in So-
ciology] (transl. from English by E.
Rozhdestvenskaya, S. Gavrilenko;
ed. by S. Gavrilenko), Moscow: HSE
Publishing House (in Russian).

This makes searching for a concept easier and more comfortable.

The *Journal of Economic Sociology* publishes the book's fourth theme, "Structures of Society," in which the author reviews bureaucracy, capitalism, consumerism, organization, labor division, education, and religion.

Keywords: sociology; essential concepts; social structures; beaurocracy; capitalism; education; religion.

References

Albridge A. (2003) *Consumption*, Cambridge: Polity.

Aldridge A. (2013) *Religious in the Contemporary World: A Sociological Introduction*. 3rd ed., Cambridge: Polity.

Barlett S., Burton D. M. (2007) *Introduction to Education Studies*, London: Sage.

Barone C. A. (2007) Neo-Durkheimian Analysis of a New Religious Movement: The Case of Soka Gakkai in Italy. *Theory and Society*, vol. 36, no 2, pp. 117–140.

Bauman Z. (1989) *Modernity and the Holocaust*, Cambridge: Polity.

Blau P. M. (1963) *The Dynamics of Bureaucracy*, Chicago: University of Chicago Press.

Bowles S., Gintis H. (1976) *Schooling in Capitalist America: Educational Reform and Contradictions of Economic Life*, New York: Basic Books.

Abstract

Social life has been changing, that is why sociology cannot stay put. Today, this research field is unbelievably multifaceted from the theoretical point of view; it covers a lot of topics and uses wide methodological tools. Key concepts and ideas play an important role in how sociologists explore societies. However, essential concepts have constantly evolved and changed. This book introduces essential concepts, presenting the basics of sociology as a field. The authors consider each concept in detail, providing not only short vocabulary definitions, but also including historical and theoretical contexts of its emergence and usage, demonstrating meanings and interpretations, and addressing critics and evolution in modern research and theories. This book's structure allows readers to bridge a history of sociology and its current conditions, tracing the evolution of its concepts. The authors thoroughly selected 70 concepts. The book chapters are divided into 10 main topics. Within each topic, concepts are listed in alphabetical order.

- Burns T., Stalker G. M. (1966) *The Management of Innovation*, London: Tavistok.
- Campbell C. (2005) *The Romantic Ethic and the Spirit of Modern Consumerism*, Oxford: Blackwell.
- Campbell J. L., Pedersen O. K. (2007) Institutional Competitiveness in the Global Economy: Denmark, the United States and the Varieties of Capitalism. *Regulation and Governance*, vol. 1, no 3, pp. 230–246.
- Casey C. (2004) Bureaucracy Re-Enchanted? Spirit, Experts and Authority in Organizations. *Organization*, vol. 11, no 1, pp. 59–79.
- Castells M. (2009) *The Rise of the Network Society*. 2nd ed., Oxford: Wiley Blackwell.
- Davie G. (1994) *Religion in Britain Since 1945: Believing without Belonging*, Oxford: Blackwell.
- DeHart-Davis L. (2009) Can Bureaucracy Benefit Organizational Women? *Administration and Society*, vol. 41, no 3, pp. 340–363.
- Etzioni A. (1964) *Modern Organizations*, Englewood Cliffs, NJ: Prentice Hall.
- Fenn R. K. (2009) *Key Thinkers in the Sociology of Religion*, New York: Continuum.
- Ferguson K. E. (1984) *The Feminist Case against Bureaucracy*, Philadelphia: Temple University Press.
- Foucault M. (1973) *The Birth of the Clinic: An Archeology of Medical Perception*, London: Tavistock.
- Foucault M. (1978) *The History of Sexuality*, London: Penguin.
- Gatto J. T. (2002) *Dumbing us Down: The Hidden Curriculum of Compulsory Schooling*. 2nd ed., New York: New Society.
- Gay P. du. (2000) *In Praise of Bureaucracy: Weber, Organization, Ethics*, London: Sage.
- Gilg A., Barr S., Ford N. (2005) Green Consumption or Sustainable Lifestyles? Identifying the Sustainable Consumer. *Futures*, vol. 37, no 6, pp. 481–504.
- Godwyn M., Gittel J. N. (eds). (2012) *Sociology of Organizations: Structures and Relationships*, Thousand Oaks, CA: Pine Forge Press.
- Guilliam C., Pochic S. 2011. The Gendered Nature of Union Careers: The Touchstone of Equality Policies? *Comparing France and the UK. European Societies*, vol. 13, no 4, pp. 607–631.
- Illich I. (1971) *Deschooling Society*, Harmondworth: Penguin.
- Ingham G. (2008) *Capitalism*, Cambridge: Polity.
- Jones I. R., Hyde M., Higgs P., Victor C. R. (2008) *Ageing in a Consumer Society: From Passive to Active Consumption in Britain*, Bristol: Policy Press.
- Jones R. P., Cox D., Navarro-Rivera J. (2012) *The 2012 American Values Survey*, Washington, DC: Public Religion Research Institute.

- Kanter R. M. (1977) *Men and Women of the Corporation*, New York: Basic Books.
- Maffesoli M. (1995) *The Time of the Tribes: The Decline of Individualism in Mass Society*, London: Sage.
- Markandya A. (2009) Can Climate Change be Reversed under Capitalism? *Development and Change*, vol. 40, no 6, pp. 1139–1152.
- Marx K., Engels F. (2005 [1848]) *The Communist Manifesto*, London: Longman.
- Meyer J. W., Rowan B. (1977) Institutional Organizations: Formal Structure as Myth and Ceremony. *American Journal of Sociology*, vol. 83, no 2, pp. 340–363.
- Michels R. 1967 (1911) *Political Parties*, New York: Free Press.
- Reader R. (2003) The Discourse of Human Rights — A Secular Religion? *Implicit Religion*, vol. 6, no 1, pp. 41–51.
- Silverman D. (1994) On Throwing Away Ladders: Re-writing the Theory of Organizations. *Towards a New Theory of Organizations* (eds. J. Hassard, M. Parker), London: Routledge; 1–23.
- Sine W. D., Mitsuhashi H., Kirsch D. A. (2006) Revisiting Burns and Stalker: Formal Structure and New Venture Performance in Emerging Economic Sectors. *Academy of Management Journal*, vol. 49, no 1, pp. 121–132.
- Skelton C., Francis B., Read B. (2010) Brains before Beauty? High Achieving Girls, School and Gender Identities. *Educational Studies*, vol. 36, no 2, pp. 185–194.
- Watson T. J. (2008) *Sociology, Work and Industry*. 5th ed., London: Routledge.
- Willis P. (1977) *Learning to Labour: How Working Class Kids Get Working-Class Jobs*, London: Saxon House.
- Zamudio M. M., Russell C., Rios F. A., Bridgeman J. L. (eds) (2011) *Critical Race Theory Matters: Education and Ideology*, New York: Routledge.

Received: October 4, 2018

Citation: Giddens A., Sutton P. W. (2018) *Osnovnye ponyatiya v sotsiologii* [Essential Concepts in Sociology (excerpts)]. *Journal of Economic Sociology = Ekonomicheskaya sotsiologiya*, vol. 19, no 5, pp. 41–65. doi: 10.17323/1726-3247-2018-5-41-65 (in Russian).

РАСШИРЕНИЕ ГРАНИЦ

Т. Е. Хавенсон, Т. А. Чиркина

Эффективно поддерживаемое неравенство

Выбор образовательной траектории после 11-го класса школы в России¹

ХАВЕНСОН Татьяна Евгеньевна — научный сотрудник Международной лаборатории анализа образовательной политики Института образования, старший преподаватель кафедры методов сбора и анализа социологической информации департамента социологии факультета социальных наук Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики». Адрес: 101000, Российская Федерация, г. Москва, ул. Мясницкая, 20.

Email: tkhavenson@hse.ru

Вследствие ряда социальных и демографических изменений в последние годы в России значительно увеличилось количество доступных мест для получения высшего образования и одновременно уменьшилось количество претендентов на них. Теоретически это могло бы привести к повышению равенства в доступе к высшему образованию со стороны разных слоёв населения. В статье впервые на данных России проверяется теория эффективно поддерживаемого неравенства, согласно которой количественное увеличение мест, доступных для получения определённого уровня образования, не приводит к снижению социально-экономического неравенства, поскольку внутри данного уровня возникает неравенство за счёт качества получаемого образования. На данных лонгитюдного проекта «Траектории в образовании и профессии» изучаются два типа образовательного выбора, совершаемого выпускниками после окончания 11-го класса школы: (1) между средним профессиональным и высшим образованием и (2) между селективным и неселективным вузами. Согласно теории Р. Будона, изучается эффект воздействия социально-экономического положения семьи на выбор образовательной траектории напрямую и опосредованно, через успеваемость. Результаты показали, что после 11-го класса непосредственная роль социально-экономического положения более важна для перехода на академическую траекторию, нежели усилия семьи по повышению успеваемости. Учащиеся из семей с низким социальным статусом, даже имея высокие образовательные достижения, реже делают выбор в пользу университета, нежели в пользу учреждений профессионального образования. При выборе между селективными и неселективными вузами воздействие семьи через успеваемость ослабевает ещё в большей мере. Характеристики семьи напрямую сказываются на выборе траектории, становясь ключевыми предикторами.

Ключевые слова: выбор образовательной траектории; эффективно поддерживаемое неравенство; Р. Будон; первичный и вторичный эффекты семьи; социально-экономическое неравенство; дифференциация системы образования.

Введение

Образовательные системы стран могут в большей или меньшей степени формировать распределение учащихся по образовательным траекториям,

¹ Статья является результатом исследования, проведенного по Программе фундаментальных исследований Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики» (НИУ ВШЭ), а также при поддержке средств проекта «5-100».

ЧИРКИНА Татьяна Александровна — стажёр-исследователь Международной лаборатории анализа образовательной политики, преподаватель департамента образовательных программ Института образования Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики». Адрес: 101000, Российская Федерация, г. Москва, ул. Мясницкая, 20.

Email: tchirkina@hse.ru

различающимся между собой степенью академической подготовки. Россия принадлежит к числу стран со средним уровнем дифференциации образования [Тривенти et al. 2016]. Так, выбор траектории происходит достаточно поздно, после завершения средней школы, переход между разными образовательными уровнями с формальной точки зрения легко осуществим, ни один из уровней не закрывает доступ к последующим.

Выделяют вертикальную и горизонтальную образовательную дифференциацию. Вертикальная — это различия в траекториях по уровням образования. Например, на этапе послешкольного образования дифференциация может быть между средним профессиональным и высшим образованием. Горизонтальная дифференциация — это различия внутри одного уровня образования. Например, разные типы школ или профильных классов на уровне школьного образования, различные специальности или вузы на уровне высшего [Тривенти et al. 2016].

В ситуациях распределения по траекториям проявляется социально-экономическое неравенство, так как выбор зависит не только от академической успеваемости, но и от ресурсов, мотивации и ценностей, формируемых в семье [Coleman 1966; Sirin 2005; Bol, Werfhorst 2013]. Образовательные реформы во многих странах направлены на создание таких институциональных условий, при которых выбор траектории не зависел бы от социального происхождения и семейного капитала учащихся, и, в частности — на обеспечение доступности престижных образовательных траекторий представителям разных социальных классов. Однако многочисленные эмпирические и теоретические исследования говорят о том, что, несмотря на все осуществляемые меры, неравенство продолжает сохраняться на разных ступенях образования [Hearn 1988; Raftery, Hout 1993; Lucas 2001; Константиновский 2008; Boliver 2013; Бессуднов, Малик 2016].

Одной из классических теорий воспроизводства социальной структуры является теория о соответствии социального положения родителей социальному положению детей [Blau, Duncan 1967]. Однако данная теория не объясняет, как функционирование образовательной системы способствует (или не способствует) этому воспроизводству. Среди множества объяснений механизмов сохранения неравенства внутри образовательной системы существуют две взаимосвязанные теории. Первая — теория максимально поддерживаемого неравенства (МПН) — показывает, что для преодоления неравенства на конкретной ступени обучения государство должно увеличить количество мест на ней до размера соответствующей возрастной когорты, то есть до полного удовлетворения спроса со стороны населения [Raftery, Hout 1993]. Однако когда данная ступень станет доступной всем социальным классам, неравенство перейдет на следующую, более высокую ступень образования.

Вторая теория, объясняющая причины сохранения неравенства, была дополнением теории МПН и получила название «эффективно поддерживаемое неравенство» (ЭПН) [Lucas 2001]. Согласно этой теории, несмотря на обеспечение всеобщего доступа к определённому уровню образования, не-

равенство может воспроизводиться *внутри* него в результате качественных отличий получаемого образования. Например, внутри школы классы могут различаться глубиной изучаемой программы.

В последние десятилетия в России произошли значительные изменения в высшем образовании. Наряду с увеличением почти вдвое количества вузов в стране (с 514 в 1990 г. до 969 в 2013 г.) возросло и количество студентов (с 2824,5 тыс. чел. в 1990 г. до 5453,9 тыс. чел. в 2013 г.) [Федеральная служба государственной статистики 2017]. Параллельно с этим растёт и доля выпускников старшей школы, которые поступают в государственные вузы: 40% в 1995 г. против 71% в 2010 г. [Константиновский et al. 2015]. Подчёркивается (см.: [Бессуднов et al. 2017]), что статистика послешкольного распределения учеников по вузам не учитывает, что около 40% учеников завершают школьное образование после 9-го класса и переходят в учреждения начального и среднего профессионального образования; лишь небольшая доля затем переходит в систему высшего образования. В работе А. Р. Бессуднова и его коллег опровергается распространённое заблуждение о 100%-ной доступности и аномальной массовизации высшего образования в России, однако также приводятся данные о расширении доступа к нему.

Другими словами, можно предположить, что уровень высшего образования действительно стал более открытым, а неравенство на ступени послешкольного образовательного перехода снизилось. В этом случае, согласно теории МПН, социально-экономическое неравенство переходит на следующий уровень. Однако уровень высшего образования фактически является максимальным из получаемых, поэтому неравенство, скорее, пойдёт по пути, предложенному в рамках теории ЭПН, то есть сложится новое неравенство внутри системы высшего образования. Если это так, то роль характеристик семьи проявляется в большей степени не при выборе высшего образования как такового, а при поступлении в самые узнаваемые и селективные вузы.

Целью данной работы является проверка действия теории ЭПН на уровне высшего образования в России через оценку относительной роли социально-экономического положения (СЭП) семьи, образовательных результатов и школьных характеристик при выборе послешкольного образования. Рассматриваются две ситуации образовательного выбора: (1) между высшим и средним профессиональным образованием и (2) между селективным и неселективным вузами.

Далее будут подробно описаны теория ЭПН и её эмпирические подтверждения в разных странах. Затем представлена методология исследования, включающая теоретическую модель связи образовательного выбора, СЭП и академической успеваемости, а также статистические подходы для оценки этой связи, используемые данные и подходы к определению основных понятий. После этого будут представлены результаты исследования и их обсуждение.

Теории максимально поддерживаемого неравенства и эффективно поддерживаемого неравенства

Проявление неравенства в образовании на уровне целой когорты описано теорией максимально поддерживаемого неравенства (МПН) [Raftery, Hout 1993]. Изучая данные о средней школе за 1950–1970-е гг. в Ирландии, авторы исследования предложили аксиому: при экспансии некоторого уровня образования связь социального происхождения с шансами достигнуть этот уровень ослабевает, но одновременно с этим увеличивается для следующего уровня. Предположим, что на некоторой ступени образования увеличилось количество доступных мест. В первую очередь дополнительные места займут представители более высоких социально-экономических классов. И только после того, как все представители данного класса удовлетворят свой спрос на данный уровень образования, учащиеся из менее привилегированных семей смогут также претендовать на него. Когда данный уровень станет доступен всем социальным слоям, неравенство на нём уменьшится, однако одновременно с этим оно сместится на следующий, более высокий уровень.

Позднее была предложена альтернативная теория эффективно поддерживаемого неравенства (ЭПН) [Lucas 2001]. Эта теория описывает процесс, при котором неравенство внутри определённого уровня может сохраняться, даже если насыщение спроса на данном уровне образования было достигнуто. Проанализировав данные американских школьников, обучающихся в выпускных классах, были сделаны выводы о том, что, несмотря на свободный доступ в старшие классы школы в целом, учащиеся с разным социальным происхождением выбирают различные дисциплины для освоения. Курсы с углублённым изучением, как правило, выбирают учащиеся из семей с высоким СЭП. В дальнейшем именно такие курсы позволяют учащимся поступить в университеты. Другими словами, неравенство складывается внутри уровня школьного образования даже если внешне спрос групп разного социального происхождения удовлетворён: все учащиеся независимо от семейных характеристик могут посещать старшие классы школы. Теория ЭПН демонстрирует, что социальное неравенство проявляется внутри систем как с вертикальной, так и с горизонтальной дифференциацией в образовании и оба вида неравенства могут существовать одновременно.

Теория ЭПН находит подтверждение и на современных данных. Например, исследование высшего образования в США показало, что поступление в университеты стало доступнее для учащихся как с низким, так и с высоким социально-экономическим положением. Тем не менее именно учащиеся с высоким СЭП чаще поступают в высокоселективные университеты, в то время как учащиеся с низким СЭП, но с высокой успеваемостью реже используют свои возможности для поступления в такие университеты [Andrew 2017]. В Великобритании также, несмотря на экспансию высшего образования в 1960-х гг., в вузы поступали представители преимущественно высших социальных классов. Ситуация продолжалась до 1990-х гг., пока данная группа не удовлетворила в полной мере свой спрос на высшее образование, после чего представители других классов также начали вовлекаться в высшее образование. Однако одновременно с этим доступ в самые престижные университеты продолжает оставаться прерогативой учащихся с высоким СЭП [Boliver 2011]. В Германии разные по уровню образовательные программы университетов не в одинаковой мере привлекают абитуриентов с низким и высоким СЭП, что свидетельствует о начале формирования нового типа неравенства на этапе высшего образования [Weiss, Schindler 2017]. Похожие результаты были получены в Корее, где успеваемость играет роль в выборе как уровня, так и типа послешкольного образования, но всё равно не стирает границы между учениками из разных социальных слоёв. Таким образом, теория ЭПН подтверждается на данных Кореи. Причём неравенство сильнее проявляется именно при выборе уровня вуза [Yun, Park 2017]. На данных Австралии, США и Англии было также показано, что дети из семей с более высоким профессиональным статусом родителей имеют более высокие академические достижения и на основании этого чаще поступают в более престижные и селективные вузы [Jerrim, Chmielewski, Parker 2015]. Кроме того, эффект семьи ещё и напрямую проявляется в том, что представители низкого СЭП недопредставлены в такого рода вузах, невзирая на успеваемость. Ещё одно исследование, демонстрирующее более сильное воздействие профессионального статуса родителей по сравнению с успеваемостью при выборе высшего образования в США, также косвенно подтверждает теорию ЭПН [Morgan, Spiller, Todd 2013].

Методология исследования

Модель связи образовательного выбора, академической успеваемости и социально-экономического положения семьи

С теоретической точки зрения связь выбора послешкольной траектории, характеристик семьи и академических достижений может выглядеть в соответствии с моделью, предложенной французским социологом Р. Будоном, который разделял эффекты СЭП на первичные и вторичные [Boudon 1974]. До Будона исследователи оценивали связь СЭП и выбора траектории в общем. Будон же показал, что

такой подход приводит к серьёзной недооценке характеристик семьи, а следовательно, и к недооценке социально-экономического неравенства. Вместо общего эффекта СЭП необходимо учитывать *первичный эффект* семьи, который действует на выбор траектории через успеваемость, так как школьники из семей с более высоким СЭП, как правило, имеют более высокие академические достижения, что даёт им преимущества при поступлении в вуз. *Вторичный эффект* СЭП семьи характеризуется прямым воздействием на выбор послешкольной траектории: более образованные семьи, с более высоким уровнем СЭП придают большую ценность высшему образованию [Boudon 1974; Jackson 2013].

Регрессионный анализ и декомпозиция эффектов

Теоретическая модель Будона нашла отражение в группе статистических методов, позволяющих оценить как первичный, так и вторичный эффекты СЭП в ситуации выбора образовательных траекторий — декомпозиционный анализ *KHB* (назван так по первым буквам фамилий авторов) [Karlson, Holm, Breen 2012]. Метод производит декомпозицию эффекта СЭП на первичный и вторичный через оценку серии регрессионных уравнений.

Модель 1 оценивает эффект СЭП и успеваемости, очищенный от эффекта СЭП, на успеваемость:

$$\text{Logit}(Y) = v + \delta * X + \rho + \tilde{Z} + \pi,$$

где Y — образовательный переход,

v — константа,

X — индикатор СЭП,

\tilde{Z} — остатки линейной регрессии, где образовательные результаты выступали зависимой переменной,

а СЭП — предиктором,

π — ошибка.

Модель 2:

$$\text{Logit}(Y) = \alpha + \beta * X + \gamma * Z + \varepsilon,$$

где Y — образовательный переход,

α — константа,

X — индикатор СЭП,

Z — образовательные результаты,

ε — ошибка.

Прямой эффект социального происхождения на образовательный переход определяется как β / δ , а непрямой эффект, который действует через образовательные результаты теста, — как разница между общим (β) и прямым эффектами. Анализ проводился в программе Stata с использованием специально разработанной функции для исследования первичных и вторичных эффектов *KHB* [Breen, Karlson, Holm 2013].

Данные

В работе используются данные лонгитюдного исследования «Траектории в образовании и профессии» (ТрОП). Исследование началось в 2011 г. и продолжается до настоящего времени². Его стартом было участие российских восьмиклассников в Международном сравнительном исследовании качества мате-

² См. подробнее: <http://trec.hse.ru>

матического и естественнонаучного образования (Trends in Mathematics and Science Study — TIMSS)³. Размер выборки: 4893 ученика, 210 школ.

Затем, в 2012 г., та же группа школьников, но уже учащихся 9-го класса, была опрошена в рамках Международной программы по оценке образовательных достижений учащихся (Programme for International Student Assessment — PISA)⁴. Размер выборки: 4399 чел., 208 школ.

После этого учащиеся были опрошены осенью и весной 2013–2014 учебного года, когда часть из них обучалась в 11-м классе старшей школы, а другая часть — в учреждениях профессионального образования. Размер выборки: 4138 и 4244 чел. соответственно.

Следующие две волны сбора данных прошли летом 2014 г., по окончании 11-го класса (размер выборки: 2923 чел.), и осенью 2015 г. (размер выборки: 3618 чел.), когда многие респонденты обучались в вузах и учреждениях профессионального образования.

Изначально выборка TIMSS строилась в соответствии с правилами международного исследования как трёхступенчатая кластерная выборка, с учётом типа населённого пункта и типа школы. Выборка репрезентативна по России для когорты восьмиклассников 2011 г. Уровень отклика в последующих волнах составлял не менее 80%. Для каждой волны проводится оценка случайности осыпания выборки и рассчитываются поправочные весовые коэффициенты [Martin, Mullis 2012; Бессуднов et al. 2014].

Данные о социально-экономическом положении семьи и успеваемости в средней школе взяты из волн TIMSS и PISA. Данные о послешкольной траектории и баллах ЕГЭ доступны в волне 2015 г.

Переменные

Зависимые переменные

Выбор между высшим образованием (закодированным как 1) и средним профессиональным образованием (закодированным как 0) является зависимой переменной в модели 1. В модели 2 зависимая переменная определялась как селективный вуз (1) и неселективный (0). Селективность вузов определялась по среднему баллу зачисленных абитуриентов. В случаях, когда он был более 70, вуз относился к селективному; если менее 70 — к неселективному [Добрякова, Кузьминов 2016].

Независимые переменные

Академические достижения учащихся представлены в данных в нескольких формах:

- исследование TIMSS включает тесты по математике, физике, химии, биологии и географии. Причём содержание теста во многом соответствует российской школьной программе по данным предметам [Mullis et al. 2009];
- исследование PISA включает тест по тем же предметам, что и TIMSS, и дополнительно тест на умение работать с информацией и функциональное чтение. В отличие от TIMSS, тесты PISA как по математике и естественнонаучным предметам, так и по чтению, не похожи на школьную программу и проверяют умения применять знания в незнакомых контекстах [OECD 2013];

³ См. подробнее: <https://timss.bc.edu/>

⁴ См. подробнее: <http://www.oecd.org/pisa/>

— в последующих волнах у учеников спрашивали баллы ОГЭ и ЕГЭ.

Таким образом, исследование предоставляет широкую информацию об академических достижениях учащихся.

В работе подробно представлены результаты, где в качестве академической успеваемости использованы баллы ЕГЭ по русскому языку. Во-первых, тестирования TIMSS и PISA были проведены в средней школе, в 8-м и 9-м классах соответственно, и к 11-му классу роль этих достижений может ослабевать. Во-вторых, из двух обязательных экзаменов ЕГЭ по русскому языку учитывается при поступлении в вуз на все специальности, в то время как результаты ЕГЭ по математике не требуются при зачислении на ряд направлений (например, юриспруденция, филология, философия и др.). В связи с этим мотивация и усилия, направленные на подготовку к сдаче ЕГЭ по математике, могут сильно различаться у школьников, поступающих на разные специальности.

Баллы TIMSS, PISA представлены в 1000-балльной шкале; баллы ЕГЭ — в 100-балльной. Однако в анализе использовались стандартизованные значения образовательных результатов для всех моделей.

Социально-экономическое положение семьи было измерено через наивысший профессиональный статус родителей. В качестве индикатора использовалась переменная, отражающая международный социально-экономический индекс (International Socio-Economic Index — ISEI), при построении которого учитываются престижность профессии, требуемый для неё уровень образования и уровень оплаты труда. Таким образом, ISEI является интегральным индексом СЭП, учитывающим его различные аспекты [Ganzeboom, Treiman 2003; Connelly, Gayle, Lambert 2016]. Индекс принимает значения от 1 до 89. Чем выше значение, тем выше профессиональный статус [OECD 2014]. Для анализа все наблюдения были разделены на три равно наполненные группы, соответствующие низкому, среднему и высокому профессиональному статусу⁵.

Кроме того, во всех моделях принимается во внимание пол учащегося (женский — (1); мужской — (0)), тип школы (гимназии и лицеи — (1), обычные школы — (0)), тип населённого пункта, в котором расположена школа (городские школы — (1), сельские школы — (0)), а также факт платного обучения в вузе (обучение на бюджетной основе — (1), обучение на платной основе — (0)). Другими словами, контролируются переменные, которые также могут быть связаны с решением об образовательном переходе.

Описательная статистика по переменным и анкетные вопросы представлены в таблице П1.1. Приложения 1 и в приложении 2.

Результаты

Выбор между высшим и средним профессиональным образованием

Через год после окончания школы около 80% выпускников обучались в вузах⁶, 12% продолжили образование в учреждениях профессионального образования, 8% нигде не учились. При любом уровне успеваемости учащиеся из семей с более высоким профессиональным статусом родителей чаще выби-

⁵ Статистические модели были также построены с использованием других классических индикаторов СЭП: уровень образования родителей и количество книг в доме. Эти индикаторы показали аналогичные результаты, которые не приводятся для краткости.

⁶ Это несколько смещённая оценка, так как, согласно официальной статистике, около 70% выпускников школ поступают в вузы. Однако это смещение не мешает правильной оценке первичного и вторичного эффектов СЭП семьи, что является основной целью исследования.

рали продолжение учёбы в вузе (см. рис. 1), особенно явно это проявляется при низкой успеваемости (52% против 73%).

Кроме того, необходимо учитывать, что к этому моменту неравенство уже накопилось, так как после 9-го класса из школы ушли гораздо больше учеников с низким СЭП семей, чем их одноклассников из более привилегированных слоёв [Бессуднов, Малик 2016]. Иначе говоря, на данном образовательном переходе та часть учеников из семей с невысоким уровнем СЭП, которая перешла после 9-го класса в старшую школу, всё же отказывается от прямого пути в вуз и продолжает учёбу в учреждениях профессионального образования или выходит на рынок труда. Неравенство и разница в ресурсах семьи могли проявиться и при подготовке к ЕГЭ. Достаточно высокая успеваемость после 9-го класса мотивировала школьников продолжить учёбу в школе. Однако, поскольку подготовка к ЕГЭ требует больших усилий и ресурсов семьи, к 11-му классу ситуация могла поменяться.

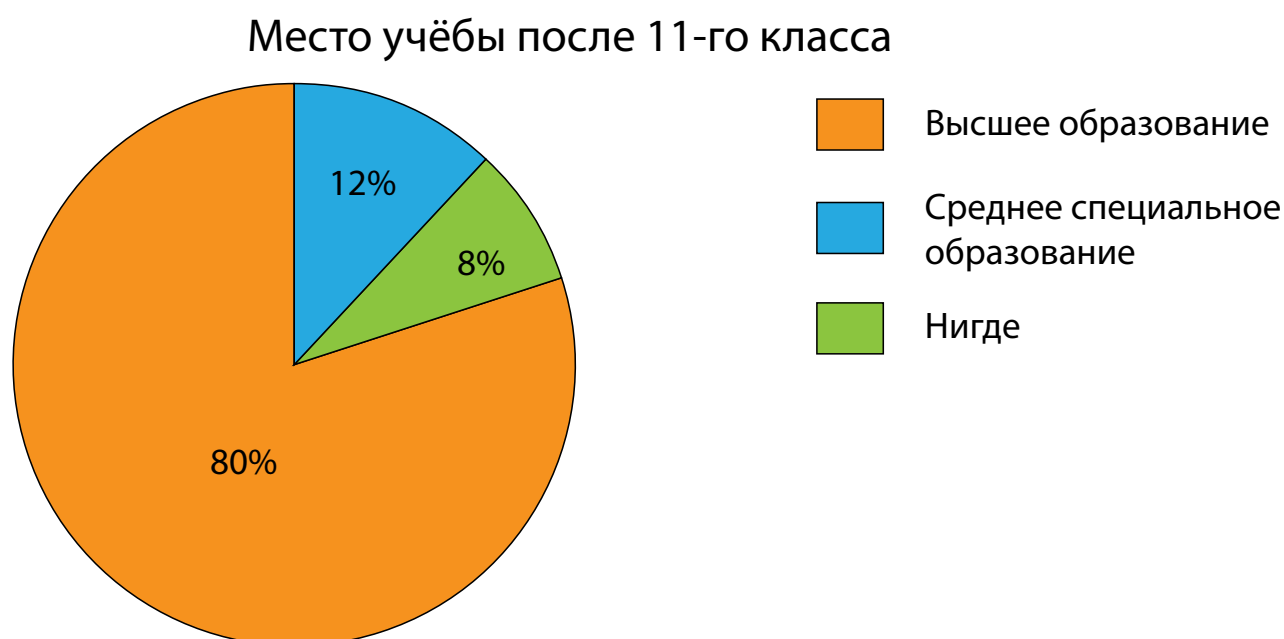

Рис. 1. Распределение учащихся по месту обучения после 11-го класса школы

Регрессионные коэффициенты при переменной, обозначающей ЕГЭ, показывают, что при контроле школьных и семейных характеристик успеваемость как таковая не повышает готовность учащихся выбрать поступление в вуз, а не в учреждение профессионального образования (см. табл. 1). Это объясняется тем, что СЭП играет более значимую роль при выборе траектории, и различия выявляются именно в случаях, когда учащиеся отличны по семейным характеристикам. Например, когда респонденты обучаются в одинаковых школах и имеют схожие семейные характеристики, при выборе между профессиональным и высшим образованием после 11-го класса результаты ЕГЭ не будут для них ключевыми детерминантами, и с большой вероятностью они выберут одинаковую траекторию.

Декомпозиция эффекта СЭП показала, что статистически значимые различия в первичных и вторичных эффектах СЭП наблюдаются только между группами учеников с высоким СЭП и низким СЭП (референтная группа), тогда как для учеников из семей со средним СЭП его роль такая же, как у учеников из семей с низким СЭП. Вторичный эффект высокого профессионального статуса равен 2,19, то есть при одинаковой успеваемости учащиеся из таких семей имеют примерно в два раза больше шансов выбрать поступление в вуз как послешкольную траекторию, чем учащиеся из семей с низким про-

фессиональным статусом родителей. Первичный эффект высокого СЭП семьи также высокий — 1,63. Следовательно, то обстоятельство, что ученики из таких семей достигают более высоких академических достижений, также увеличивает их шансы на поступление в вуз. Такие ученики действительно получают преимущество при выборе академической траектории за счёт ресурсов семьи. Это происходит двумя путями: благодаря более высоким академическим достижениям (первичный эффект) и напрямую (вторичный эффект). Тогда как у высокоуспевающих детей из семей с низким СЭП отсутствует прямой эффект действия семьи.

Выбор траектории после 11-го класса (%)

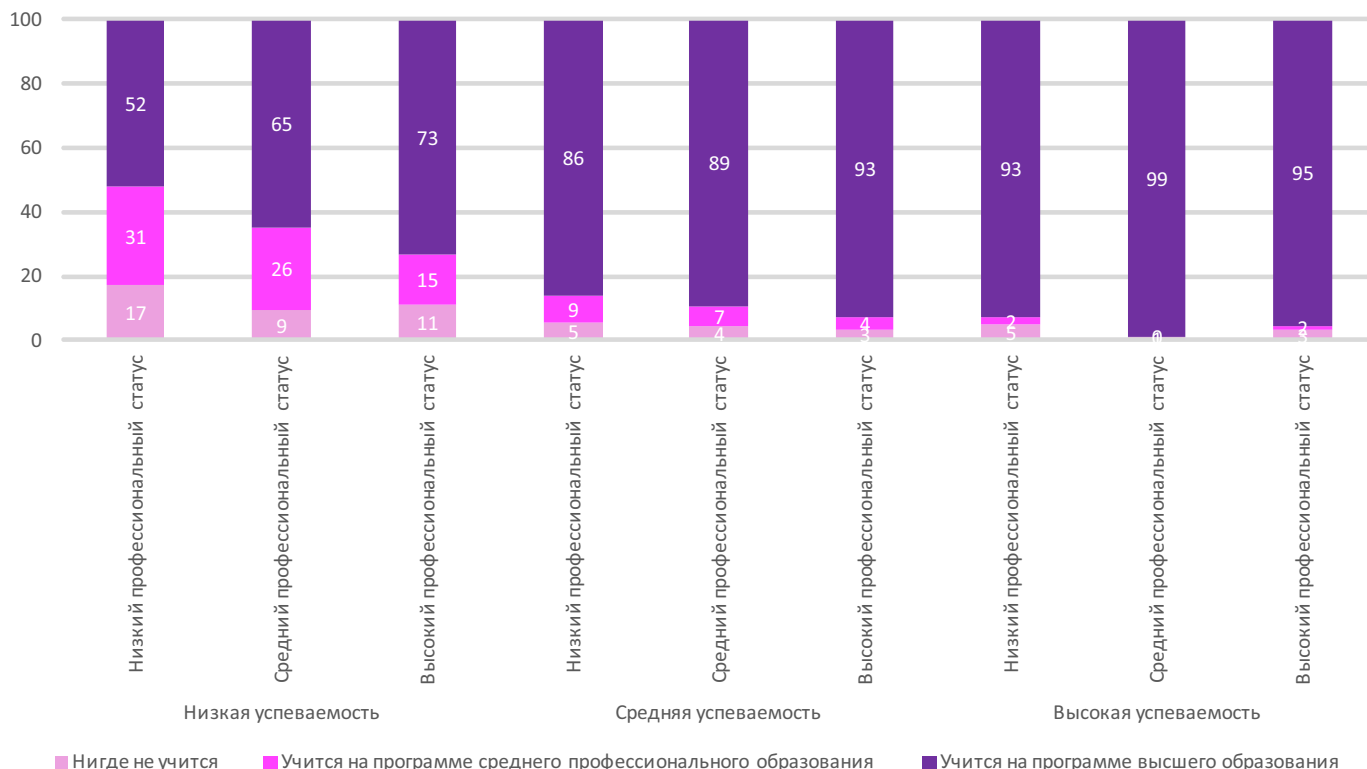

Рис. 2. Распределение учащихся по месту обучения после 11-го класса школы в зависимости от успеваемости и социально-экономического положения (СЭП) семьи

Можно выделить ряд причин, объясняющих такие результаты. Например, ценность высшего образования у разных социальных классов различная. Семьи с высоким уровнем СЭП рассматривают получение высшего образования как обязательный элемент образовательной траектории. Кроме того, для таких семей переход в высшее образование не связан с большими рисками, в отличие от семей с низким СЭП. Семьи с высоким социальным статусом уверены, что высшее образование предоставит больше возможностей в последующей профессиональной траектории. Наконец, родители, обладая собственным опытом получения высшего образования, могут оказать большую информационную поддержку, предвидеть сложности и знать, как их избежать. Именно поэтому роль успеваемости менее важна. Эти семьи не ориентируются на неё, выбирая уровень послешкольного образования. Напротив, для семей, где ни один из родителей не имеет высшего образования или его имеет только один из родителей, ценность высшего образования не столь очевидна, ощущаемые риски больше и ниже осведомлённость как о критериях выбора, так и о процессе получения образования [Косякова, Ястребов, Янбарисова, Куракин 2016]. В таком случае успеваемость играет большую роль и является более важным сигналом. Однако большая часть низкоуспевающих учеников из таких семей уже совершили выбор в пользу профессионального образования после 9-го класса, то есть в 11-м классе обучаются только те, кто достаточно высоко успевают.

Тип школы, который окончили учащиеся, в большинстве случаев не играет статистически значимой роли. Однако это объясняется тем фактом, что гимназии и лицеи обычно расположены в городах и эффект типа школы не проявляется, когда учитывается тип населённого пункта, и наоборот. В целом можно заметить, что выпускники городских школ, гимназий и лицеев чаще поступают в университеты, нежели в учреждения профессионального образования после 11-го класса. Это связано как с неслучайным распределением учеников по школам (особенно это касается гимназий и лицеев, где заметно выше социально-экономическое положение учащихся), так и с тем, что выпускникам городских школ университеты более доступны территориально [Константиновский 2008]. Для выпускников в сельской местности переезд связан с дополнительными сложностями и затратами, что является ещё одним барьером и может сделать поступление в вуз ещё менее привлекательным [Константиновский et al. 2006]. Всё это приводит к тому, что при одинаковых успеваемости, типе школы и гендерной принадлежности ресурсы и установки семьи по-прежнему играют значимую роль, повышая шансы учащихся из семей с высоким СЭП поступить в университет.

Таблица 1

Результаты логистической регрессии и декомпозиционного анализа с разложением эффекта социально-экономического положения семьи на прямые и непрямые

Независимые переменные	Модель 1. Выбор между средним профессиональным образованием (0) и высшим образованием (1)	Модель 2. Выбор между неселективным (0) и селективным вузами (1)
Балл ЕГЭ по русскому языку	1,10***	1,07***
Пол (девушки)	0,56***	1,05
Тип школы (гимназии, лицеи)	1,48	1,03
Тип населённого пункта (городские школы)	2,28***	1,52
Обучение на бюджетной основе в вузе	—	0,92
Средний профессиональный статус (вторичный эффект)	1,38	1,65**
Средний профессиональный статус (первичный эффект)	1,31	1,2
Высокий профессиональный статус (вторичный эффект)	2,19***	2,13***
Высокий профессиональный статус (первичный эффект)	1,63***	1,36**
Константа	0,01***	0,00***
Количество наблюдений	1628	1436

Примечания: *** p < 0,01; ** p < 0,05; * p < 0,1.

Представленные коэффициенты — отношения шансов. Референтная группа — учащиеся из семей с низким социально-экономическим положением..

Выбор между селективным и неселективным вузами

В селективные вузы после окончания 11-го класса школы переходят 27% учащихся (см. рис. 3). Доли учащихся из семей с разным уровнем СЭП не в равной степени представлены в селективных вузах даже при одинаковой успеваемости. В большей степени эти различия проявляются при высоких образовательных результатах, где среди учеников из семей с низким СЭП 28% выбирают селективные уни-

верситеты, тогда как среди представителей высокого СЭП этот показатель составляет 50% (см. рис. 4). В группах учащихся с низкой и средней успеваемостью эти различия проявляются в меньшей степени, однако и там выпускники с высоким СЭП чаще других выбирают селективные университеты. Группа семей со средним уровнем СЭП в случаях низкой и средней успеваемости детей ведёт себя аналогично группе с низким СЭП. Однако, когда ученики получают действительно высокие баллы по ЕГЭ, семьи рассматривают вариант поступления в селективный вуз более серьёзно и чаще идут по этому пути.

Выбор типа вуза

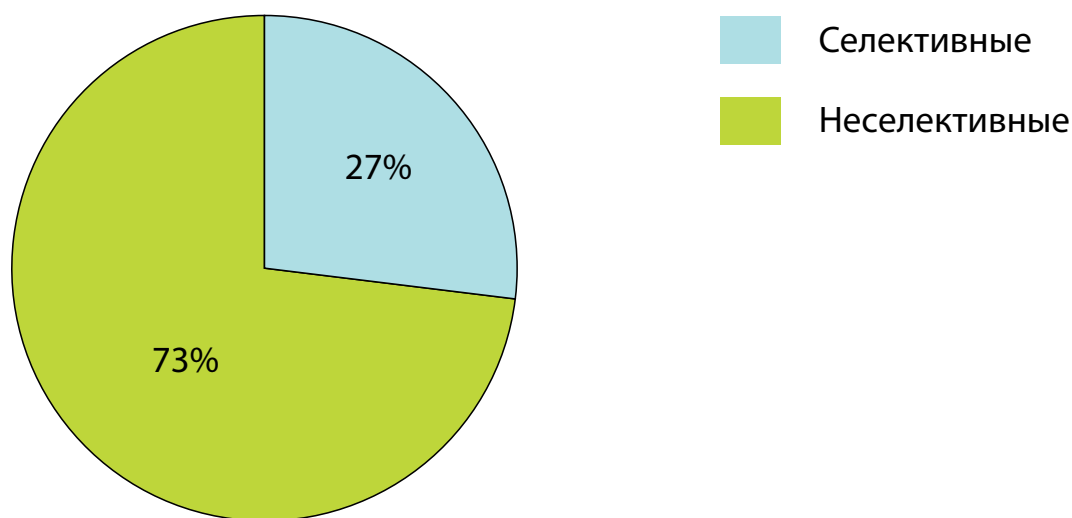

Рис. 3. Распределение учащихся, выбравших высшее образование, по селективным и неселективным вузам

Баллы ЕГЭ по русскому языку не играют ключевой роли при выборе между селективным и неселективным вузами. Это объясняется тем, что на этапе выбора вуза, и в особенности селективности вуза, остаются только ученики с достаточно высокой успеваемостью, поскольку более слабые переходят в профессиональное образование после 11-го класса. Следовательно, выборка нашего исследования в данном образовательном переходе довольно гомогенна с точки зрения успеваемости. Как и в ситуации предыдущего образовательного выбора, характеристики семьи оказываются весомее по сравнению с результатами ЕГЭ, и эффект успеваемости как таковой оказывается едва значимым.

Декомпозиция эффекта СЭП показала, что вторичный эффект играет более значимую роль, чем первичный. Причём проявляется вторичный эффект не только для высокого профессионального статуса родителей, но и для среднего. Коэффициент при вторичном эффекте (1,65) показывает, что семьи со средним СЭП чаще напрямую подталкивают своих детей к поступлению в селективный университет, чем семьи, где СЭП низкое. Тогда как первичный эффект, то есть действие семьи через успеваемость, статистически значим только при сравнении низкого СЭП с высоким. Следовательно, с точки зрения действия семьи через успеваемость учащиеся с низким и средним профессиональным статусом родителей не различаются. В целом выпускники с низким и средним СЭП реже реализуют свой высокий академический потенциал. Имея такие же высокие баллы ЕГЭ они выбирают средне- или низкоселективные вузы. Семьи с низким и средним СЭП, как правило, в силу отсутствия опыта обучения в вузе

или низкого образовательного и культурного капитала в меньшей степени ориентируются в пространстве выбора вузов, а также эти семьи по разным причинам избегают обучения в сильных вузах.

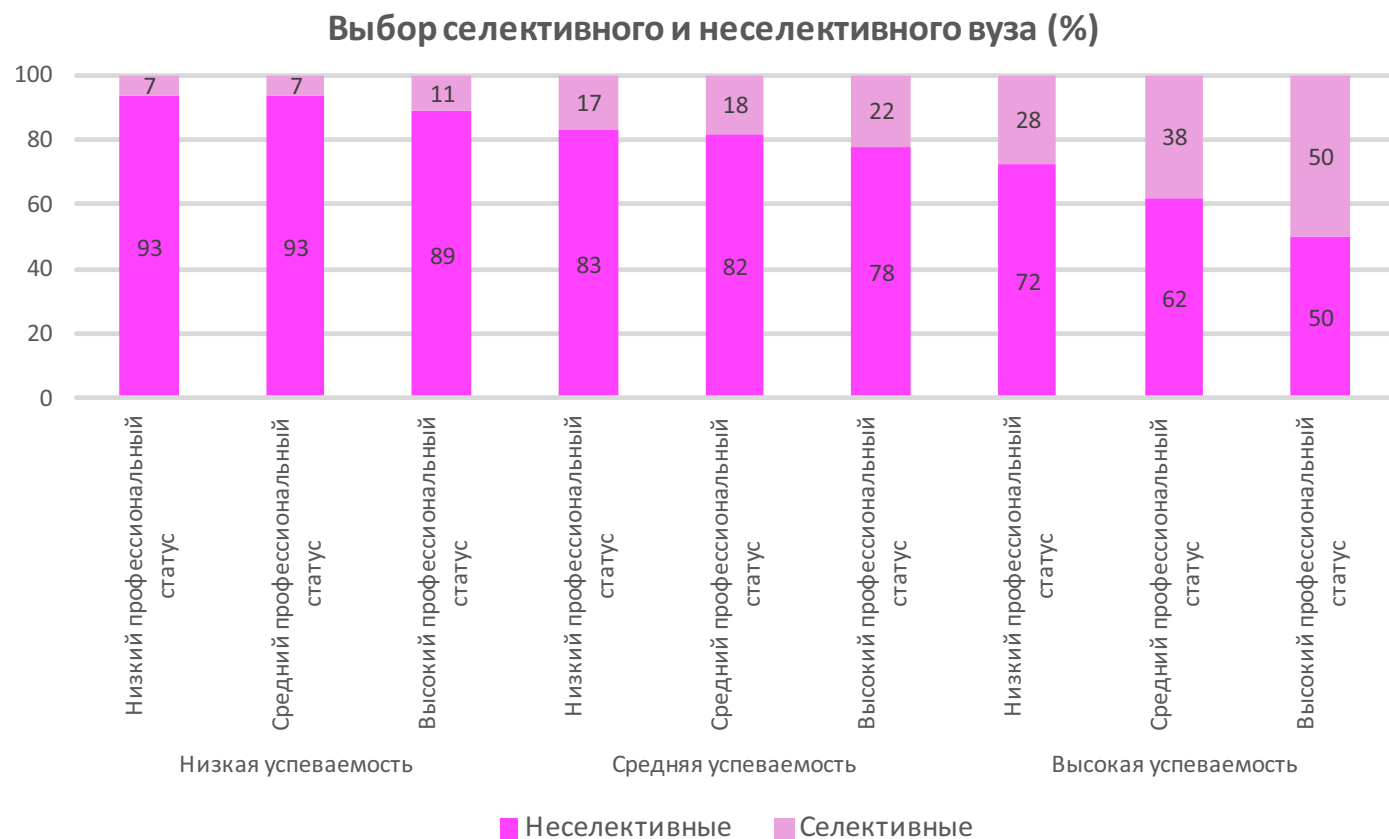

Рис. 4. Распределение учащихся, выбравших высшее образование, по селективным и неселективным вузам в зависимости от успеваемости и социально-экономического положения

Первичный и вторичный эффекты для семей с высоким СЭП говорят о том, что эти семьи используют больше преимуществ по сравнению с семьями с низким и средним статусом. В данном случае оба эффекта статистически значимы, семьи с высоким профессиональным статусом действуют сразу несколькими способами для максимизации своих преимуществ при поступлении в селективные вузы. В частности, такие семьи значительно больше вкладываются в высокую успеваемость (таким образом, проявляются первичные эффекты). Также эти семьи напрямую воздействуют на выбор более селективных университетов. Суммарное действие двух эффектов приводит к тому, что выбор селективного вуза наиболее характерен именно для учеников с высоким СЭП. Нацеленность на селективный вуз может объясняться несколькими причинами. Вероятна изначальная стратегия, которая сопровождалась заблаговременной подготовкой к высоким академическим результатам. Причиной может быть и проживание семей с высоким СЭП — как правило — в крупных городах, где расположены селективные вузы. В таких семьях высоко ценятся учебные заведения с высоким качеством образования, и именно от таких учащихся ожидается поступление в высокоселективные университеты. Семьи располагают ресурсами, которые готовы задействовать, что также повышает шансы детей: например, информированность и опыт родителей, возможность и мотивация к подготовке и к высоким результатам ЕГЭ. Наконец, отдача от обучения в селективном вузе способна обернуться и большими по сравнению с возможностями менее обеспеченных сверстников выгодами.

Также отличительной чертой образовательного перехода на уровне выбора вуза является то, что эффект обучения в гимназиях и лицеях, также как и эффект типа населённого пункта, оказался статистически

незначим. Во-первых, это может быть следствием того, что в селективные вузы попадают преимущественно выпускники школ повышенного статуса и жители городов [Рощина 2006]. Во-вторых, выбор вуза, как правило, лежит за пределами влияния школы; это решение семья принимает полностью самостоятельно. Учителя и другие агенты в школе обычно имеют общее представление о преимуществах высшего образования перед средним специальным или его престижности. Однако они не всегда ориентируются во всём многообразии вузов и имеют чёткое представление о достоинствах того или иного вуза.

Анализ устойчивости результатов

Для проверки устойчивости найденных закономерностей [Chatterjee, Nadi 2009; Frank et al. 2013] в качестве показателей успеваемости в дополнение к результатам ЕГЭ были рассмотрены результаты TIMSS по математике, PISA по математике, а также ЕГЭ по математике. Как и в случае с результатами ЕГЭ по русскому языку, автономный эффект успеваемости на выбор траектории крайне мал.

В качестве альтернативных показателей социально-экономического положения были рассмотрены количество книг дома и уровень образования матери. Различия во вторичных и первичных эффектах между группами учащихся с низким и высоким СЭП были значимы во всех случаях. Различия между группами со средним и низким СЭП проявлялись эпизодически. В целом можно заключить, что разного рода индикаторы успеваемости и характеристик семьи показывают согласованные результаты и свидетельствуют о надёжности наших выводов.

Выводы и дискуссия

Изучение на данных России образовательных траекторий выпускников школ свидетельствует в пользу действия теории эффективно поддерживаемого неравенства на этапе послешкольного образования. Фактически сложилась система двух разных высших образований: более и менее селективного, имеющего разную ценность для разных социальных слоёв. Эти результаты созвучны с полученными ранее в других странах, когда университеты разделены на более и менее селективные [Jerrim, Chmielewski, Parker 2015; Byun, Park 2017]. Российские исследования также говорят о существенной дифференциации вузов и фиксируют их неоднородность по внешним характеристикам. Однако в них не анализируются состав студентов с точки зрения СЭП и равенство доступа в вузы разных групп [Платонова 2015].

Несмотря на то что успеваемость в старшей школе и итоговые баллы ЕГЭ напрямую определяют доступные альтернативы в послешкольной образовательной траектории для выпускников, сам выбор учебного заведения в первую очередь зависит от характеристик семей учащихся. Так, после 11-го класса выбор между профессиональным и высшим образованием в большой степени детерминирован именно СЭП семей учащихся. Причём ученики из семей с высоким СЭП получают преимущество не только потому, что они лучше учатся, но и в результате прямого действия семейных ценностей, установок и мотивации получения образования. Даже при одинаковой успеваемости со сверстниками с неблагоприятным СЭП такие ученики чаще делают выбор в пользу высшего образования.

Если рассматривать выбор между селективными и неселективными университетами, оказывается, что характеристики семьи играют значимую роль не только при сравнении групп с высоким и низким профессиональным статусом родителей, но и при сравнении среднего и низкого СЭП. Иначе говоря, селективные университеты преимущественно выбирают учащиеся с более высоким социальным статусом. Тогда как ученики из семей с низким статусом в значительной мере избегают обучения в селективных вузах даже при достаточной для этого высокой успеваемости.

Таким образом, несмотря на относительное уменьшение дефицита мест на ступени высшего образования и теоретически ожидаемое снижение социально-экономического неравенства, выбор траектории происходит не по меритократическим принципам. Образовательный выбор в большей мере связан с социально-экономическим положением семьи учащихся. Уровень высшего образования неоднороден, внутри него сложилась горизонтальная дифференциация, при которой разделение на менее и более селективные потоки происходит не на основе образовательных результатов, а на основе СЭП семей учащихся.

Несмотря на то что высокая успеваемость даёт больше возможностей для выбора академической траектории, семьи со средним и низким СЭП не реализуют их в полной мере. Ситуацию, когда выпускники школ поступают в университеты с меньшей селективностью, чем позволяют их академические достижения, принято называть академическим несоответствием (*academic undermatch*) [Deutschlander 2017]. Многочисленные исследования показывают, что выбор не соответствующего успеваемости вуза свойствен именно представителям семей с низким СЭП [Roksa, Deutschlander 2015; Prakhov, Sergienko 2017].

В такой ситуации реформы, направленные на снижение неравенства в системе образования, должны быть ориентированы не только на повышение качества образования и успеваемости учащихся с низким социально-экономическим положением, но и на устранение других необразовательных причин, препятствующих выбору академических траекторий. Например, на информирование об особенностях получения того или иного уровня образования и о возможностях для продолжения обучения после окончания школы, на помощь в определении мотивации и склонностей и т. д. Результатом таких мер может быть более эффективная реализация человеческого капитала у учащихся с бóльшим академическим потенциалом. Действие такого рода мер подтверждено в ряде исследований [Hoxby, Turner 2015].

Также среди причин неравномерного выбора нельзя не упомянуть о территориальной доступности и финансовых затратах на обучение вне своего места проживания. По данным исследований, в 29 регионах России нет селективных вузов, что значительно ограничивает возможности учащихся реализовать свой образовательный потенциал [Громов et al. 2016]. При этом исследование, построенное на данных Московского региона, показывает довольно высокий уровень соответствия между успеваемостью и выбранным вузом, то есть доступность разнообразных по качеству вузов позволяет школьникам больше ориентироваться именно на успеваемость, нежели на неакадемические критерии [Prakhov, Sergienko 2017]. Сопутствующие получению высшего образования расходы при отсутствии развитой инфраструктуры и механизмов поддержки студентов из семей с невысоким доходом, что во многом совпадает с невысоким профессиональным статусом родителей, фактически блокируют возможность получения качественного высшего образования.

Настоящее исследование продемонстрировало наличие существенных барьеров в получении высшего образования, связанных с низким СЭП семей. Однако как инфраструктурные, так и личностные причины происходящего и механизмы преодоления барьеров требуют дальнейшего изучения.

Приложение 1

Описательная статистика используемых в анализе переменных

Таблица III.1

Описательная статистика используемых в анализе переменных

Зависимые и независимые переменные	Категории зависимых и независимых переменных	Модель 1. Выбор между средним профессиональным образованием (СПО) и высшим образованием (ВО)		Модель 2. Выбор между неселективным и селективным вузами	
		N	%	N	%
Траектория после 11-го класса	СПО	233	13	—	—
	ВО	1921	87	—	—
Выбор вуза	Неселективный вуз	—	—	1366	73
	Селективный вуз	—	—	555	27
Профессиональный статус родителей	Низкий профессиональный статус	499	30	361	26
	Средний профессиональный статус	557	31	471	32
	Высокий профессиональный статус	749	39	665	42
Пол	Девушки	1308	56	1095	57
	Юноши	1032	44	826	43
Тип школы	Обычные школы	1635	75	1278	72
	Гимназии, лицеи	670	25	614	28
Тип населённого пункта	Село	456	28	288	22
	Город	1884	72	1633	78
Обучение в вузе	На бюджетной основе	—	—	1079	59
	На коммерческой основе	—	—	753	41

Приложение 2

Вопросы анкеты, на основе которых измерялись переменные, использованные в анализе

1. Профессиональный статус родителей

В качестве показателя профессионального статуса был взят индекс *HISEF*, который кодируется ОЭСР (Организация экономического содействия и развития) на основании следующих вопросов:

Какую должность занимает Ваша мать или женщина, которая её заменяет, на основном месте работы? (Например: школьный учитель, помощник повара, продавец.)

⁷ См. подробнее: <https://www.oecd.org/pisa/keyfindings/PISA2012-Vol3-AnnexA.pdf>

(Если она сейчас не работает, назовите, пожалуйста, её должность на последней основной работе.)

Напишите название должности: _____

Какую должность занимает Ваш отец или мужчина, который его заменяет, на основном месте работы? (Например, школьный учитель, помощник повара, продавец.)

(Если он сейчас не работает, назовите, пожалуйста, его должность на последней основной работе.)

Напишите название должности: _____

2. Результаты ЕГЭ

Напишите, пожалуйста, Ваши результаты ЕГЭ по следующим предметам:

русский язык; оценка _____ баллов из 100.

3. Академический статус

Вы сейчас где-либо учитесь или нигде не учитесь? Если учитесь, то в каком учебном заведении? (Если Вы только поступили и начнёте учиться с осени, отметьте, где именно. Один ответ.)

1. Нигде не учусь.
2. Учусь в техникуме, колледже, училище, профессиональном лицее.
3. Учусь в высшем учебном заведении.
4. Другое (напишите, где именно).
5. Образовательная траектория

Перечислите, пожалуйста, в хронологическом порядке названия всех учебных заведений, в которых Вы учились после школы, независимо от того, окончили Вы их (получили диплом) или нет, включая те, в которых Вы учитесь или будете учиться с осени этого года. Укажите, сколько времени Вы там учились⁸.

Название учебного заведения: _____

Название населённого пункта: _____

Уровень образования: _____

Название факультета: _____

Форма обучения: _____

Образование: (1) платное; (2) бесплатное

Годы обучения: _____

Итог обучения _____

4. Характеристики школ

Информация о типе школ, а также о типе населённого пункта, в котором расположена школа (данные из административных ресурсов).

⁸ Средний балл зачисленных в вуз был взят из данных Мониторинга качества приёма в вузы (см.: <https://ege.hse.ru/rating/2014/53497368/gos/>).

Литература

- Бессуднов А. Р. et al. 2014. *Бюллетень Российского лонгитюдного панельного исследования образовательных и трудовых траекторий. Национальная панель: первая волна (2011–2012)*. М.: Изд. дом ВШЭ.
- Бессуднов А. Р., Куракин Д. Ю., Малик В. М. 2017. Как возник и что скрывает миф о всеобщем высшем образовании. *Вопросы образования*. 3: 83–109.
- Бессуднов А. Р., Малик В. М. 2016. Социально-экономическое и гендерное неравенство при выборе образовательной траектории после окончания 9-го класса средней школы. *Вопросы образования*. 1: 135–167.
- Громов А. Д. et al. 2016. *Доступность высшего образования в регионах России*. М.: Изд. дом ВШЭ.
- Добрякова М. С., Кузьминов Я. И. 2016. *Качество приёма в российские вузы – 2015*. М.: Изд. дом ВШЭ.
- Константиновский Д. Л. 2008. *Неравенство и образование: опыт социологических исследований жизненного старта российской молодёжи (1960-е годы — начало 2000-х)*. М.: Центр социального прогнозирования и маркетинга.
- Константиновский Д. Л. et al. 2006. Доступность качественного общего образования в России: возможности и ограничения. *Вопросы образования*. 2: 186–201.
- Константиновский Д. Л. et al. 2015. *Новые смыслы в образовательных стратегиях молодёжи: 50 лет исследования*. М.: Центр социального прогнозирования и маркетинга.
- Косякова Ю., Ястребов Г., Янбарисова Д., Куракин Д. 2016. Воспроизводство социального неравенства в российской образовательной системе. *Журнал социологии и социальной антропологии*. 19 (5): 76–97.
- Платонова Д. П. 2015. Горизонтальная и вертикальная дифференциация системы высшего образования в России. *Университетское управление: практика и анализ*. 4: 19–30.
- Рощина Я. М. 2006. Чьи дети учатся в российских элитных вузах? *Вопросы образования*. 1: 347–369.
- Тривенти М. et al. 2016. Дифференциация в среднем образовании и социальное неравенство образовательных возможностей: результаты крупномасштабного международного сравнения. *Журнал социологии и социальной антропологии*. 19 (5): 54–75.
- Федеральная служба государственной статистики. 2017. *Образовательные организации высшего образования*. URL: http://www.gks.ru/free_doc/new_site/population/obraz/vp-obr1.htm
- Andrew M. 2017. Effectively Maintained Inequality in US Postsecondary Progress: The Importance of Institutional Reach. *American Behavioral Scientist*. 61 (1): 30–48.
- Blau P. M., Duncan O. D. 1967 *The American Occupational Structure*. New York: John Wiley & Sons Inc.

- Bol T., Werfhorst H. G. van de. 2013. Educational Systems and the Trade-Off between Labor Market Allocation and Equality of Educational Opportunity. *Comparative Education Review*. 57 (2): 285–308.
- Boliver V. 2011. Expansion, Differentiation, and the Persistence of Social Class Inequalities in British Higher Education. *Higher Education*. 61 (3): 229–242.
- Boliver V. 2013. How Fair is Access to More Prestigious UK Universities? *The British Journal of Sociology*. 64 (2): 344–364.
- Boudon R. 1974. *Education, Opportunity, and Social Inequality: Changing Prospects in Western Society*. New York: John Wiley & Sons, Inc.
- Breen R., Karlson K. B., Holm A. 2013. Total, Direct, and Indirect Effects in Logit and Probit Models. *Sociological Methods & Research*. 42 (2): 164–191.
- Byun S. Y., Park H. 2017. When Different Types of Education Matter: Effectively Maintained Inequality of Educational Opportunity in Korea. *American Behavioral Scientist*. 61 (1): 94–113.
- Chatterjee S., Hadi A. S. 2009. *Sensitivity Analysis in Linear Regression*. New York: John Wiley & Sons Inc.
- Coleman J. 1966. *Equality of Educational Opportunity*. Washington, DC: NCES.
- Connelly R., Gayle V., Lambert P. S. 2016. A Review of Occupation-Based Social Classifications for Social Survey Research. *Methodological Innovations*. 9: 1–14.
- Deutschlander D. 2017. Academic Undermatch: How General and Specific Cultural Capital Structure Inequality. *Sociological Forum*. 32 (1): 162–185.
- Frank K. A. et al. 2013. What Would It Take to Change an Inference? Using Rubin's Causal Model to Interpret the Robustness of Causal Inferences. *Educational Evaluation and Policy Analysis*. 35 (4): 437–460.
- Ganzeboom H. B. G., Treiman D. J. 2003. Three Internationally Standardised Measures for Comparative Research on Occupational Status. In: Hoffmeyer-Zlotnik J. H. P., Wolf Ch. (eds) *Advances in Cross-National Comparison. A European Working Book for Demographic and Socio-Economic Variables*. New York: Kluwer Academic/Plenum Publishers; 159–193.
- Hearn J. C. 1988. Attendance at Higher-Cost Colleges: Ascribed, Socioeconomic, and Academic Influences on Student Enrollment Patterns. *Economics of Education Review*. 7 (1): 65–76.
- Hoxby C. M., Turner S. 2015. What High-Achieving Low-Income Students Know About College. *American Economic Review*. 105 (5): 514–517.
- Jackson M. (ed.) 2013. *Determined to Succeed? Performance versus Choice in Educational Attainment*. Stanford: Stanford University Press.
- Jerrim J., Chmielewski A. K., Parker P. 2015. Socioeconomic Inequality in Access to High-Status Colleges: A Cross-Country Comparison. *Research in Social Stratification and Mobility*. 42: 20–32.
- Karlson K. B., Holm A., Breen R. 2012. Comparing Regression Coefficients Between Same-sample Nested Models Using Logit and Probit: A New Method. *Sociological Methodology*. 42 (1): 286–313.

- Lucas S. R. 2001. Effectively Maintained Inequality: Education Transitions, Track Mobility, and Social Background Effects. *American Journal of Sociology*. 106 (6): 1642–1690.
- Martin M. O., Mullis I. V. 2012. *Methods and Procedures in TIMSS and PIRLS 2011*. Chestnut Hill, MA, USA: TIMSS & PIRLS International Study Center; Boston College.
- Morgan S. L., Spiller M. W., Todd J. J. 2013. Class Origins, High School Graduation, and College Entry in the United States. In: Jackson M. (ed.). *Determined to Succeed? Performance versus Choice in Educational Attainment*. Stanford, California: Stanford University Press; 284–305.
- Mullis I. V. et al. 2009. *TIMSS 2011 Assessment Frameworks*. Amsterdam, The Netherlands: International Association for the Evaluation of Educational Achievement (IEA); TIMSS & PIRLS International Study Center Lynch School of Education, Boston College.
- OECD. 2013. *PISA 2012 Assessment and Analytical Framework*. Paris: OECD Publishing.
- OECD. 2014. *PISA 2012 Technical report*. Paris: OECD Publishing.
- Prakhov I., Sergienko D. 2017. Matching between Students and Universities: What are the Sources of Inequalities of Access to Higher Education? *SSRN Scholarly Paper*. 3075029. Rochester, NY: Social Science Research Network.
- Raftery A. E., Hout M. 1993. Maximally Maintained Inequality: Expansion, Reform, and Opportunity in Irish Education, 1921–1975. *Sociology of Education*. 66 (1): 41–62.
- Roksa J., Deutschlander D. 2015. *Applying to College: The Role of Family Resources in Academic Undermatch*. Conference Paper. Presented at the Center for Education Policy Analysis, Stanford University, Palo Alto, CA, USA.
- Sirin S. R. 2005. Socioeconomic Status and Academic Achievement: A Meta-Analytic Review of Research. *Review of Educational Research*. 75 (3): 417–453.
- Weiss F., Schindler S. 2017. EMI in Germany: Qualitative Differentiation in a Tracked Education System. *American Behavioral Scientist*. 61 (1): 74–93.

BEYOND BORDERS

Tatiana Khavenson, Tatiana Chirkina

Effectively Maintained Inequality

The Choice of Postsecondary Educational Trajectory in Russia

KHAVENSON, Tatiana — Research Fellow, International Laboratory for Educational Policy Analysis, Institute of Education, National Research University “Higher School of Economics”. Address: 20 Myasnitskaya str., Moscow, 101000, Russian Federation.

Email: tkhavenson@hse.ru.

CHIRKINA, Tatiana — Research Assistant, International Laboratory for Educational Policy Analysis, Institute of Education, National Research University “Higher School of Economics”. Address: 20 Myasnitskaya str., Moscow, 101000, Russian Federation.

Email: tchirkina@hse.ru.

Abstract

Because of a number of social and demographic changes in recent years, the amount of available places at the level of higher education has significantly increased, and at the same time, the number of applicants for them has decreased. Theoretically, this could lead to an increase in the equality of access to higher education for different social classes. In the paper, using Russian data for the first time, the theory of effectively maintained inequality is tested. According to this theory, the increase in the number of places at a specific level of education may not lead to a decrease in socioeconomic inequality on this level. This is because inequality will be maintained at the level due to the qualitative difference in the received education. Using data from the longitudinal project, “Trajectories in Education and Profession,” two postsecondary educational choices are examined: (1) the choice between vocational and higher education and (2) the choice between going to a selective or non-selective university. Following R. Boudon’s theory, the effect of the family’s socio-economic background on the choice of an educational trajectory is estimated directly and indirectly (through academic achievement). The results show that after finishing school, the direct effect of the socio-economic background is more important for moving to a more academic trajectory than the family’s

efforts to improve academic performance. Even with high educational achievements, students from families with low social status make a choice in favor of vocational education rather than a university. When choosing between selective and non-selective higher education institutions, the impact of the family through academic achievement weakens even more. The characteristics of the family directly affect the choice of the trajectory becoming a key predictor.

Keywords: choice of educational trajectory; effectively maintained inequality; R. Boudon; primary and secondary effects; socio-economic inequality; education system differentiation.

Acknowledgements

The article was prepared within the framework of the Basic Research Program at the National Research University Higher School of Economics (NRU HSE) and supported by a subsidy from the Russian Academic Excellence Project ‘5-100’.

References

Andrew M. (2017) Effectively Maintained Inequality in US Postsecondary Progress: The Importance of Institutional Reach. *American Behavioral Scientist*, vol. 61, no 1, pp. 30–48.

- Bessudnov A. R., Kurakin D. Y., Malik V. M., Yanbarisova D. M. (2014) *Byulleten Rossiyskogo longitudnogo panelnogo issledovaniya obrazovatelnykh i trudovykh traektoriy. Natsionalnaya panel: pervaya volna (2011–2012)* [Bulletin of the Russian Longitudinal Panel Study of Educational and Labor Trajectories National Panel: The First Wave (2011–2012)], Moscow: HSE Publishing House (in Russian).
- Bessudnov A. R., Kurakin D. Yu., Malik V. M. (2017) Kak vznik i chto skryivaet miph o vseobschem vyisshem obrazovanii [The Myth about Universal Higher Education: Russia in the International Context]. *Voprosy obrazovaniya = Educational Studies*, no 3, pp. 83–109 (in Russian).
- Bessudnov A. R., Malik V. M. (2016) Sotsialno-ekonomicheskoe i gendernoe neravenstvo pri vybore obrazovatelnoy traektorii posle okonchaniya 9-go klassa sredney shkoly [Socio-Economic and Gender Inequalities in Educational Trajectories upon Completion of Lower Secondary Education in Russia]. *Voprosy obrazovaniya = Educational Studies*, no 1, pp. 135–167 (in Russian).
- Blau P. M., Duncan O. D. (1967) *The American Occupational Structure*, New York: John Wiley & Sons, Inc.
- Bol T., Werfhorst H. G. van de. (2013) Educational Systems and the Trade-Off between Labor Market Allocation and Equality of Educational Opportunity. *Comparative Education Review*, vol. 57, no 2, pp. 285–308.
- Boliver V. (2011) Expansion, Differentiation, and the Persistence of Social Class Inequalities in British Higher Education. *Higher Education*, vol. 61, no 3, pp. 229–242.
- Boliver V. (2013) How Fair is Access to More Prestigious UK Universities? *The British Journal of Sociology*, vol. 64, no 2, pp. 344–364.
- Boudon R. (1974) *Education, Opportunity, and Social Inequality: Changing Prospects in Western Society*, New York: John Wiley & Sons, Inc.
- Breen R., Karlson K. B., Holm A. (2013) Total, Direct, and Indirect Effects in Logit and Probit Models. *Sociological Methods & Research*, vol. 42, no 2, pp. 164–191.
- Byun S. Y., Park H. (2017) When Different Types of Education Matter: Effectively Maintained Inequality of Educational Opportunity in Korea. *American Behavioral Scientist*, vol. 61, no 1, pp. 94–113.
- Chatterjee S., Hadi A. S. (2009) *Sensitivity Analysis in Linear Regression*, New York: John Wiley & Sons, Inc.
- Coleman J. (1966) *Equality of Educational Opportunity*, Washington, DC: NCES.
- Connelly R., Gayle V., Lambert P. S. (2016) A Review of Occupation-Based Social Classifications for Social Survey Research. *Methodological Innovations*, vol. 9, pp. 1–14.
- Deutschlander D. (2017) Academic Undermatch: How General and Specific Cultural Capital Structure Inequality. *Sociological Forum*, vol. 3, no 2, pp. 162–185.
- Dobryakova M. S., Kuzminov Ya. I. (2016) Kachestvo priema v rossiyskie vuzy – 2015 [Quality of Admission to Russian Universities – 2015], Moscow: HSE Publishing House (in Russian).

- Federalnaya sluzhba gosudarstvennoy statistiki. Obrazovatelnyie organizatsii vysshego obrazovaniya* [Federal Service of State Statistics. Educational Organizations of Higher Education]. Available at: URL: http://www.gks.ru/free_doc/new_site/population/obraz/vp-obr1.htm (accessed 26 November 2017) (in Russian).
- Frank K. A., Maroulis S. J., Duong M. Q., Kelcey B. M. (2013) What Would It Take to Change an Inference? Using Rubin's Causal Model to Interpret the Robustness of Causal Inferences. *Educational Evaluation and Policy Analysis*, vol. 35, no 4, pp. 437–460.
- Ganzeboom H. B. G., Treiman D. J. (2003) Three Internationally Standardised Measures for Comparative Research on Occupational Status. In: Hoffmeyer-Zlotnik J. H. P., Wolf Ch. (eds) *Advances in Cross-National Comparison. A European Working Book for Demographic and Socio-Economic Variables*, New York: Kluwer Academic/Plenum Publishers, pp. 159–193.
- Gromov A. D., Platonov D. P., Semenov D. S., Pyrova T. L. (2016) *Dostupnost' vysshego obrazovaniya v regionakh Rossii* [Accessibility of Higher Education in the Regions of Russia], Moscow: HSE Publishing House (in Russian).
- Hearn J. C. (1988) Attendance at Higher-Cost Colleges: Ascribed, Socioeconomic, and Academic Influences on Student Enrollment Patterns. *Economics of Education Review*, vol. 7, no 1, pp. 65–76.
- Hoxby C. M., Turner S. (2015) What High-Achieving Low-Income Students Know About College. *American Economic Review*, vol. 105, no 5, pp. 514–517.
- Jackson M. (ed.) (2013) *Determined to Succeed? Performance versus Choice in Educational Attainment*, Stanford: Stanford University Press.
- Jerrim J., Chmielewski A. K., Parker P. (2015) Socioeconomic Inequality in Access to High-Status Colleges: A Cross-Country Comparison. *Research in Social Stratification and Mobility*, vol. 42, pp. 20–32.
- Karlson K. B., Holm A., Breen R. (2012) Comparing Regression Coefficients Between Same-sample Nested Models Using Logit and Probit: A New Method. *Sociological Methodology*, vol. 42, no 1, pp. 286–313.
- Konstantinovskiy D. L. (2008) *Neravenstvo i obrazovanie: opyt sotsiologicheskikh issledovaniy zhiznennogo starta rossiyskoy molodezhi (1960-e godyi — nachalo 2000-h)* [Inequality and Education: The Experience of Sociological Research on the Life Start of Russian Youth (1960s — Early 2000s)], Moscow: Center of Social Forecasting and Marketing (in Russian).
- Konstantinovskiy D. L., Abramova M. A., Voznesenskaya E. D., Goncharova G. S., Kostyuk V. G., Popova Ye. S., Cherednichenko G. A. (2015) *Novyie smysly v obrazovatelnykh strategiyakh molodezhi: 50 let issledovaniya* [New Meanings in the Educational Strategies of Youth: 50 Years of Research], Moscow: Center of Social Forecasting and Marketing (in Russian).
- Konstantinovskiy D. L., Vakhshayn V. S., Kurakin D. Yu., Roshchina Y. M. (2006) Dostupnost kachestvennogo obshchego obrazovaniya v Rossii: vozmozhnosti i ogranicheniya [Access to Quality General Education in Russia: Opportunities and Limitations]. *Voprosy obrazovaniya = Educational Studies*, no 2, pp. 186–202 (in Russian).
- Kosyakova J., Yastrebov G., Yanbarisova D., Kurakin D. (2016) Vosproizvodstvo sotsialnogo neravenstva v rossiyskoy obrazovatelnoy sisteme [Reproduction of social inequality in the Russian educational system].

Zhurnal sotsiologii i sotsialnoy antropologii = The Journal of Sociology and Social Anthropology, vol. 19, no 5, pp. 76–97 (in Russian).

Lucas S. R. (2001) Effectively Maintained Inequality: Education Transitions, Track Mobility, and Social Background Effects. *American Journal of Sociology*, vol. 106, no 6, pp. 1642–1690.

Martin M. O., Mullis I. V. (2012) *Methods and Procedures in TIMSS and PIRLS 2011*, Chestnut Hill, MA, USA: TIMSS & PIRLS International Study Center; Boston College.

Morgan S. L., Spiller M. W., Todd J. J. (2013) Class Origins, High School Graduation, and College Entry in the United States. *Determined to Succeed? Performance versus Choice in Educational Attainment* (ed. M. Jackson), Stanford, California: Stanford University Press, pp. 284–305.

Mullis I. V., Martin M. O., Ruddock G. J., O'Sullivan C. Y., Preuschoff C. (2009) *TIMSS 2011 Assessment Frameworks*, Amsterdam, The Netherlands: International Association for the Evaluation of Educational Achievement (IEA); TIMSS & PIRLS International Study Center Lynch School of Education, Boston College.

OECD. (2013) *PISA 2012 Assessment and Analytical Framework*, Paris: OECD Publishing.

OECD. (2014) *PISA 2012 Technical Report*, Paris: OECD Publishing.

Platonova D. P. (2015) Gorizontal'naya i vertikal'naya differentsiatsiya sistemy vysshego obrazovaniya v Rossii [Horizontal and Vertical Differentiation of Higher Education System in Russia]. *Universitetskoye upravleniye: praktika i analiz = The Journal University Management: Practice and Analysis*, no 4, pp. 19–30 (in Russian).

Prakhov I., Sergienko D. (2017) Matching between Students and Universities: What are the Sources of Inequalities of Access to Higher Education? *SSRN Scholarly Paper*, no 3075029, Rochester, NY: Social Science Research Network.

Raftery A. E., Hout M. (1993) Maximally Maintained Inequality: Expansion, Reform, and Opportunity in Irish Education, 1921–1975. *Sociology of Education*, vol. 66, no 1, pp. 41–62.

Roksa J., Deutschlander D. (2015) *Applying to College: The Role of Family Resources in Academic Undermatch*. Conference Paper. Presented at the Center for Education Policy Analysis, Stanford University, Palo Alto, CA, USA.

Roshchina Ya. M. (2006) Chi deti uchatsya v rossiyskikh elitnykh vuzakh? [Whose Children Study in Elite Russian Colleges?]. *Voprosy obrazovaniya = Educational Studies*, no 1, pp. 347–369 (in Russian).

Sirin S. R. (2005) Socioeconomic Status and Academic Achievement: A Meta-Analytic Review of Research. *Review of Educational Research*, vol. 75, no 3, pp. 417–453.

Triventi M., Skopek J., Kulic N., McMullin P., Buchholz S., Blossfeld H.-P. (2016) Differentsiatsiya v srednem obrazovanii i sotsialnoe neravenstvo obrazovatelykh vozmozhnostey: rezultaty krupnomasshtabnogo mezhdunarodnogo sravneniya [Differentiation in Secondary Education and Social Inequality of Educational Opportunities: Results of Large-Scale International Comparison]. *Zhurnal Sotsiologii i Sotsialnoy Antropologii = The Journal of Sociology and Social Anthropology*, vol. 19, no 5, pp. 54–75 (in Russian).

Weiss F., Schindler S. (2017) EMI in Germany: Qualitative Differentiation in a Tracked Education System. *American Behavioral Scientist*, vol. 61, no 1, pp. 74–93.

Received: February 26, 2018

Citation: Khavenson T., Chirkina T. (2018) Effektivno podderzhivaemoe neravenstvo. Vybory obrazovatel'noy traektorii posle 11-go klassa shkoly v Rossii [Effectively Maintained Inequality: The Choice of Postsecondary Educational Trajectory in Russia]. *Journal of Economic Sociology = Ekonomicheskaya sotsiologiya*, vol. 19, no 5, pp. 66–89. doi: 10.17323/1726-3247-2018-5-66-89 (in Russian).

ДЕБЮТНЫЕ РАБОТЫ

И. С. Баранов

Конструирование доверия на российском рынке криптовалют

БАРАНОВ Игнат Сергеевич — независимый исследователь. Адрес: Австралия, штат Виктория, г. Мельбурн, Радьярд-стрит, д. 10/2, 3165.

Email: Ignatexorby@gmail.com

Существенное увеличение денежной стоимости биткоина в начале 2017 г. привело к повышению интереса людей к криптовалютам. Особенность данного вида денег состоит в том, что передача средств происходит только при одобрении участников сети и сами средства находятся вне контроля какого-либо государства. Правительство РФ в лице Министерства финансов не одобряло новый вид денег до 2018 г.

Главная цель данного исследования — выявить механизмы формирования доверия у участников рынка криптовалюты.

На основе информационной базы в виде 15 полуструктурированных интервью с активными участниками рынка криптовалюты была произведена типология пользователей криптовалюты, рассмотрены способы управления рисками при взаимодействии с рынком и представления участников о роли государства в этом рынке. Людей, использующих криптовалюту, можно разделить на тех, кто делает это для потребления различной категории товаров (включая запрещённые на территории РФ), и тех, кто стремится извлечь для себя финансовую выгоду из текущей ситуации на рынке. Хотя обе эти группы существуют в одном рынке, они имеют разные ожидания от него: потребители стремятся к тому, чтобы курс криптовалют оставался стабильным, в то время как другая группа надеется на длительный промежуток высокой волатильности курса, что увеличит их заработок. Главным источником информации о криптовалютах является Интернет, поэтому степень владения навыками интернет-безопасности играет ключевую роль для участников рынка криптовалют. Позиция, занимаемая государством, является важным фактором доверия для каждой из представленных групп. Рынок криптовалют находится на начальной стадии своего существования. Несмотря на то что цена криптовалют пошла на спад, на рынке до сих пор присутствует большое количество людей, которые хотят выиграть на существующих недостатках рынка. Когда ситуация наладится, рынок криптовалют может перейти на новую стадию своего развития.

Ключевые слова: криптовалюты; деньги; доверие; платёжная система; доверие пользователей; технология «блокчейн»; восприятие инноваций; электронные деньги.

Введение

Всё большей популярностью пользуются электронные платёжные системы. Некоторые из них осуществляют передачу средств методом *peer-to-peer* (P2P)¹. К таким средствам можно отнести криптовалюты, самым известным представителем которых является Bitcoin. Это подтверждает исследование, проведённое аналитическим центром НАФИ, в рамках которого более трети участников заявили о том, что слышали о криптовалютах [Криптовалюты... 2017].

Создателем системы P2P является интернет-пользователь с псевдонимом *Satoshi Nakamoto*. Система изначально задумывалась как альтернатива существующим поддерживаемым государством фиатным деньгам и была представлена в 2008 г. [Бабкин et al. 2017].

Уже сейчас исследователи отмечают множество способов использования криптовалюты. Помимо возможности генерировать новые единицы криптовалюты, люди рассматривают данную систему как новое средство оплаты. Более того, некоторыми людьми данный вид денег воспринимается как перспективное направление инвестиций для приумножения своих накоплений. Также криптовалюта активно используется на протяжении нескольких лет как основная мера расчёта на так называемом чёрном рынке, где реализуются наркотики, оружие и видео сексуального характера. Широко известна история сайта Silk Road, на котором можно было приобрести наркотики по всему миру, оплачивая покупку биткоинами [Алексеева 2013].

Минфин РФ с 2014 г. отказывался принимать криптовалюты в качестве денежных средств [Аношин 2017]. Однако в 2018 г. Минфин планировал рассмотреть возможность легализации криптовалюты и увеличения, таким образом, контроля за сделками, которые происходят в рамках этих платёжных систем [Шмырова 2017]. При наблюдении за тем, как менялось мнение у представителей власти, возникает вопрос: а как люди воспринимают эту инновацию?

С одной стороны, криптовалюты и технология «блокчейн» являются новым взглядом на то, как может происходить транзакция на рынке. Множество источников информации содержат рассуждения на данные темы и о преимуществах криптовалют [Будущее криптовалют... 2016]. Криптовалюты предоставляют людям возможность более выгодных трансграничных переводов, прозрачную систему и безопасность транзакций [Преимущества и недостатки криптовалют... 2017].

С другой стороны, среди населения существует мнение о том, что данная форма денег является новой версией уже существовавших ранее финансовых пирамид [Сонин 2017]. Это говорит о том, что отношение людей к криптовалютам неоднозначное.

Тем не менее, несмотря на большой спектр мнений о криптовалюте, представленный в различных источниках информации, количество людей, которые пользуются криптовалютами, растёт высокими темпами [Suberg 2017]. Таким образом, ключевыми вопросами данного исследования являются следующие:

- как формируется доверие к криптовалютам?
- что мотивирует прийти на этот рынок новых людей?
- при каких условиях человек идёт на риск использования криптовалют в ситуации, когда государство не оказывает этому рынку какую-либо поддержку?

¹ При использовании метода передачи данных *peer-to-peer* (P2P) отсутствует сервер, который хранит информацию о произошедших транзакциях; данные передаются непосредственно между участниками сети [Гуркин, Семёнов 2006].

В качестве задач исследования можно обозначить такие:

- построение типологии способов использования криптовалюты;
- выявление механизма управления существующими рисками при взаимодействии с рынком криптовалют;
- определение роли, которую участники рынка криптовалют отводят государству.

Обзор подходов к изучению криптовалют

Криптовалюты и технология «блокчейн»

Рассмотрим подробнее форму денег, которая смогла стать новым денежным суррогатом в современном мире. Основой существующих криптовалют является система блокчейн (*Blockchain*), которая представляет собой новый тип хранения данных. Данные в этой системе хранятся последовательно в блоках, которые содержат временную метку и информацию о предшествующем блоке.

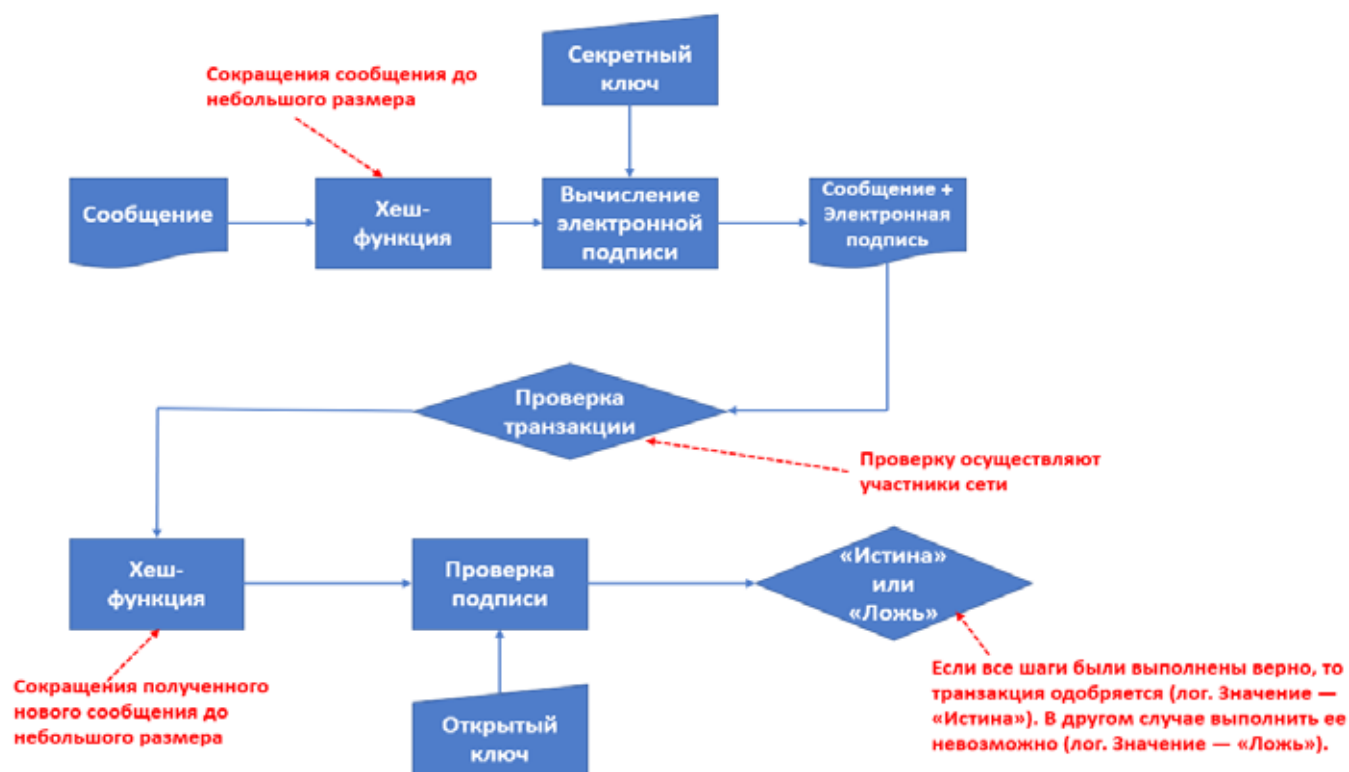
В своих рассуждениях относительно криптовалют Е. И. Трубникова сравнивает их принцип работы с валютой «фей», которая была обнаружена на Каролинских островах. Фей — это известниковые диски от 30 см. диаметром до 3,5 м. Они использовались в качестве средства обмена; вес одного диска мог быть более тонны. Для того чтобы передать эти деньги другому человеку, не нужно их относить к нему домой или давать в руки; достаточно написать на этом диске имя нового владельца, а сам диск остаётся на своём прежнем месте [Трубникова 2014].

Аналогично приведённому примеру биткоин или любая другая криптовалюта не перемещается к кому-то в физическом пространстве. Биткоин представляет собой файл, который хранит в себе информацию обо всех предыдущих транзакциях с этим блоком. В него лишь добавляется новая транзакция.

Как же происходит операция передачи криптовалюты между участниками сети? Обратимся для этого к схеме, изображённой на рисунке 1. Помимо самих денег, человек, который приобрёл криптовалюту, обладает и цифровой подписью. Данная подпись представляет собой набор ключей — открытого и закрытого. Закрытый ключ является основным прибором для предоставления безопасности транзакции: он производит случайную подпись, которая является единственно верной в момент сделки. Этот ключ находится в распоряжении только у владельца электронной подписи. Открытый ключ находится в свободном доступе для всех участников сети и является определённым инструментом, который позволяет подтверждать подлинность сгенерированной подписи закрытым ключом. Владелец денежных средств объявляет о производимой транзакции между участниками сети, используя свою электронную подпись и открытый ключ нового владельца. После этого данная операция должна пройти одобрение в сети [Что такое Blockchain... 2018].

Одобрением занимаются определённые узлы в сети, каждый из которых собирает все объявленные транзакции за определённый промежуток времени и проверяет их. Проверка происходит благодаря хеш-функции, которая позволяет объединить текущую транзакцию со всеми предыдущими в блоке и определить, насколько владелец обладает правами на пользование деньгами и были ли они переданы куда-то ранее. В случае успешной проверки транзакция одобряется и в криптовалюту добавляется новая запись о сменившемся владельце [Береснева 2016].

Уязвимость системы заключается в способе хранения электронных подписей. Люди используют электронные кошельки для хранения подобных подписей. При утере данных аккаунта о кошельке безвозвратно будут утрачены и все деньги. Иначе говоря, данная система обеспечивает безопасность исполь-

Источник: рисунок автора статьи на основе материалов работы: [Береснева 2016].

Рис. 1. Схема проверки транзакции криптовалюты

зования биткоина, однако никак не гарантирует безопасности его хранения. Тем не менее существует целая индустрия, направленная на предоставление безопасности хранения ключей в электронных кошельках [Маланов 2017].

Что же касается тех узлов, которые проверяют транзакции, то они получают вознаграждение за подобную деятельность. Раз в 10 минут генерируются новые биткоины, которые делятся между теми, кто осуществляет проверку транзакций. Иначе эти узлы называются «майнеры».

Ещё одной особенностью криптовалюты является её ограниченность. При создании каждой криптовалюты объявляется о том, какое предельное её количество будет выпущено, что гарантирует ситуацию дефицита, а также предотвращение инфляции. Если рассматривать случай биткоина, то максимальное количество биткоинов, которое может быть выпущено, равняется 21 млн, и, по математическим оценкам, последний биткоин будет добыт к 2140 г. [Просто и наглядно... 2017]. Это объясняется тем, что в саму криптовалюту заложен механизм, который сокращает вознаграждение майнерам после 210 тыс. операций с блоками данных, и, таким образом, количество выпускаемых биткоинов будет постепенно уменьшаться.

Нужно понимать, что такая система не гарантирует полной анонимности. Во многом это сопряжено со сложностями конвертирования криптовалюты в фиатные деньги. Только несколько из существующих криптовалют можно обменять на бумажные деньги. Именно в пунктах обмена криптовалюты на фиатные деньги происходит деанонимизация личности, потому что деньги получает конкретный человек на определённый счёт. После того как деньги вывели из системы блокчейн, их владелец теряет инкогнито [Маланов 2017].

Обзор эмпирических исследований криптовалют

Исследователи из разных областей уже обратили внимание на криптовалюты и рассмотрели данную денежную систему с точки зрения своей компетенции.

Достаточно большое количество исследований проведено экономистами с целью изучения выгоды использования новой формы денег для человека. Одним из таких людей является представитель Университета Флориды Джон Каррик, который изучал роль биткоина на рынках с валютами развивающихся рынков. Роль криптовалюты он видит не в альтернативе уже прижившимся формам денег, а в дополнении к ним с целью улучшения ситуации на рынке. Он также отследил некоторые факторы, способные влиять на доверие к биткоинам. Так, на основе множественного сравнения биткоина с международными валютами Каррик выделяет высокую волатильность криптовалюты [Carrick 2016]. Тот факт, что биткоины имеют более плавающий курс, вызывает определённые риски пользователей, которые будут ожидать возможность обвала курса криптовалюты. Это, в свою очередь, может привлечь внимание спекулянтов в краткосрочном периоде, которые постараются извлечь из данных изменений максимальную выгоду.

С иного ракурса к вопросу криптовалюты подошёл Томас Ким из американского Университета Талсы. Целью этого исследователя было сравнить транзакционные издержки биткоина с другими валютами. В своей работе Т. Ким отмечает, что преимущества биткоина по сравнению с международными валютами кроются не столько в функционировании в «серой зоне», сколько в том, как сам биткоин продаётся на бирже. Используя данные по всем валютным курсам и курсу биткоина за несколько лет, Ким отмечает, что разница между ценами продажи и покупки (то есть спред) составляет до 2% в пользу криптовалют, что говорит о более приятных обменных курсах [Kim 2017]. Благодаря этому, по его расчётам, конвертировать одну национальную валюту в другую становится дешевле, если промежуточным звеном цепи будет биткоин. Более того, этот курс может оказаться даже выгоднее прямого обмена.

Каррик тоже не оставил без внимания транзакционные издержки и произвёл похожее сравнение с мировыми валютами. Только он сравнивал международные переводы со счёта на счёт и аналогичную операцию через биткоин. В результате стоимость выполнения транзакции через криптовалюты может быть до 10 раз дешевле, чем банковский перевод, из-за существующей банковской комиссии [Carrick 2016].

В связи с тем что криптовалюты, в том числе и биткоин, являются децентрализованным видом денег, где отсутствует третья сторона, и вся система зависит от пользователей этой системы, Дэвид Гарсия вместе со своими коллегами утверждает, что динамика криптовалюты в данном случае обусловлена социальными факторами, которые включают взаимодействие между участниками рынка [Garcia et al. 2014].

Эти исследователи выделяют два цикла, описывающих связь криптовалюты со взаимодействием участников рынка. Первый цикл состоит из связи между объёмом поиска информации о биткоинах и ценой на него (Гарсия и его коллеги называют это социальным циклом). Вторым циклом, который называют циклом принятия пользователя, включает связь объёмов поиска информации с количеством новых пользователей и ценой криптовалюты [Garcia et al. 2014].

С точки зрения исследователей, социальный цикл объясняет межличностное влияние в решении приобрести биткоины. Например, чем более популярна криптовалюта, тем больше о ней говорят; следовательно, больше людей покупают биткоины. В итоге цены поднимаются, интерес утихает и объём поиска сокращается. Вторым циклом является в дополнение к первому. Исследователи также выяснили, что

пользователи раньше рынка реагируют на негативные события, которые могут привести к снижению цены [Garcia et al. 2014].

Теперь перейдём от рассмотрения технических преимуществ криптовалюты к другим характеристикам данной формы денег и её пользователей. Американские исследователи Башир, Б. Стрикланд и Д. Бор видели цель своей совместной работы в том, чтобы определить мотивацию людей к использованию биткоинов. На основе количественного опроса более чем 2000 студентов были выделены некоторые характеристики, присущие владельцам криптовалюты. В результате исследования были выделены гендерная принадлежность и социальное окружение как основные предпосылки к использованию биткоинов. Таким образом, по мнению авторов, мужчины более склонны к изучению IT-технологий, что может влиять на степень освоения механизма работы криптовалюты. Что касается социального окружения, то наличие друзей, владеющих биткоинами, статистически увеличивает шанс того, что сам респондент будет владеть криптовалютой [Bashir, Strickland, Bohr 2016].

Изучением доверия к криптовалютам занимались исследователи С. Ахангама и Д. Чианг Чунг Пу из Сингапура. Они применили модель вероятности сознательной обработки информации (Elaboration Likelihood Model — ELM) для криптовалюты с целью оценки формирования доверия к этой системе [Ahangama, Chiang Choon Poo 2016]. ELM описывает то, как может формироваться доверие к объекту на основе различного представления информации о нём. Так, выделяется два пути обработки сообщения — центральный и периферийный. Центральный путь сообщения используется в тех случаях, когда человек разбирается в данной сфере. Для того чтобы принять решение, ему необходима дополнительная информация (детали), на основе которой он оценивает преимущество подобной системы. Периферийный путь обработки информации используется в том случае, когда знаний по данной тематике недостаточно. Тогда человек обращает внимание на отношение третьих источников к этому объекту [Ahangama, Chiang Choon Poo 2016].

В ходе исследования социологов из Сингапура были выделены с помощью количественного опроса студентов университета несколько дополнительных характеристик, которые могут влиять на доверие к криптовалютам. Так, определённое влияние на доверие человека к криптовалютам оказывает уровень владения новыми технологиями. Этими результатами авторы подтвердили некоторые наблюдения их американских коллег. Большое влияние на доверие оказывает репутация криптовалюты, однако самым значимым признаком являются гарантии, предоставляемые государством [Ahangama, Chiang Choon Poo 2016]. Сейчас правительства многих стран пытаются внедрить меры по контролю за оборотом криптовалюты в своих странах, что позитивно сказывается на доверии людей к данному денежному суррогату.

Также была предпринята попытка произвести типологизацию пользователей криптовалюты. Австралийский исследователь Х. Сидики изучал ситуацию возникновения хаоса на рынке биткоинов. В рамках своей работы он различал пользователей криптовалюты, разделяя их на следующие смысловые категории: те, кто стремится извлечь доход из этой системы, и те, кто использует эту сеть в целях экономики на ряде издержек [Siddiqi 2015].

И. Хайруддин и его коллеги из Университета Ланкастера в Великобритании провели исследование, целью которого было выявление основных мотиваций пользователей биткоинов. В рамках данного исследования были проведены девять интервью с активными пользователями криптовалюты, которые были найдены через различные интернет-форумы. Удалось выявить три основных мотива использования биткоина [Khairuddin et al. 2016]. Первым мотивом является представление этих денег как валюты будущего. В этом случае пользователи доверяют новой системе и инвестируют в «валюту нового поколения». Вторым мотивом можно назвать расширение возможностей и свободы человека, потому что

влияние внешних лиц на принятие решения об использовании криптовалюты ниже. И третий мотив — реальная стоимость биткоина, то есть люди видят биткоины как источник дохода и используют их исключительно для того, чтобы увеличить финансовый капитал путём игры на валютной бирже, или для майнинга [Khairuddin et al. 2016].

Таким образом, исследователями было рассмотрено множество аспектов криптовалюты. Благодаря усилиям некоторых исследователей существует предварительное описание характеристик группы людей, использующих криптовалюты. Отмечается низкая стоимость транзакций по сравнению с фиатными деньгами. Более того, многие исследователи предложили разнообразные варианты типологии пользователей криптовалют.

Тем не менее речь не идёт о полном превосходстве этих денег над другими формами. Если рассматривать технические характеристики, то за низкую стоимость транзакционных издержек человек должен платить повышенным риском кражи, а также скоростью выполнения операции. Более того, анонимность транзакций, о которой многие говорят на просторах Сети, работает строго до того момента, когда деньги необходимо вывести из блокчейн-сети.

Одним из этапов освоения новой технологии, по Э. Роджерсу, является решение относительно того, собирается ли человек принимать или отклонять инновацию [Hoffman 2007]. Именно в этот момент человек взвешивает риски использования нового продукта. Так как криптовалюты представляют собой новую форму денег, обращение к связано с это определённым риском.

В данном исследовании будет рассмотрено доверие в контексте существующих рисков работы с электронными деньгами. Если человек считает, что может доверять криптовалютам, значит, он уверен в будущей реакции рынка на происходящие события или в технологии.

Методология исследования

Схема выборки

В рамках данного исследования использовался метод полуструктурированного интервью. Этот метод позволяет в ходе беседы оперативно реагировать на информацию, которую предоставляет человек, и с помощью дополнительных вопросов найти глубинный смысл его действий. Во время таких интервью можно узнать не только об основных способах использования криптовалюты, но и о том, почему выбор респондента пал именно на этот способ. Возможен также более подробный разговор о существующих рисках пользователей и о том, как информант реагирует на них в ходе принятия решений.

В рамках формирования выборки основным критерием отбора информанта являлось наличие у человека опыта пользования криптовалютой. В данном исследовании в качестве информантов выступали исключительно те люди, которые в последний год использовали криптовалюту любым из возможных способов. Стоит отметить, что люди, которые много знают о криптовалютах, но при этом не имели опыта взаимодействия с ними, не попадали в выборку исследования, потому что именно взаимодействие с криптовалютами позволяет сформировать своё отношение к работе технологии, а также выделить её положительные и отрицательные стороны, существующие на данный момент.

Поиск информантов происходил через несколько точек выхода на рынок криптовалют. Так, была возможность поговорить с определённым количеством людей, которые занимаются производством криптовалюты — майнингом. Также были и те, кто активно инвестирует в различные криптовалюты и пытается извлечь выгоду из часто меняющегося курса на биржевых торгах. Дополнительным выходом

в поле были представители рынка криптовалюты, которые используют её как средство оплаты на нелегальном рынке наркотических веществ.

Эмпирические данные

Таким образом, в ходе исследования были собраны 15 интервью с представителями рынка криптовалют. Информанты, вошедшие в базу исследования, отличаются по способу использования криптовалюты. Так, для восьми человек криптовалюта — это способ инвестиций, три человека занимаются майнингом криптовалют, два приобретают нелегальные товары с помощью криптовалют и ещё два человека оплачивают криптовалютой разные категории товаров, которые не запрещены на территории страны. Отметим, что три человека из тех, кто занимается в данный момент инвестициями, на первых этапах своей деятельности занимались майнингом на рынке.

Если говорить о социально-демографических характеристиках информантов, то все они были представители мужского пола. Почти все, с кем удалось провести интервью, проживают в Московском регионе, однако было несколько представителей из другой части России. Два представителя данной информационной базы — студенты; все остальные уже закончили университет. Среди тех, кто уже не обучается в университете, часть людей работают в сфере IT, другие не трудоустроены в какой-либо компании, но имеют заработок, получаемый за счёт криптовалют. В целях анонимности данных не все информанты рассказали о своём возрасте, поэтому предположительный возраст людей в выборке 18–35 лет.

Ограничения исследования

Исследование имело ряд ограничений. Во-первых, поскольку использовался метод полуструктурированных интервью, данные, которые были получены в ходе исследования, нельзя экстраполировать на всю существующую совокупность пользователей. Благодаря полученным данным можно произвести описание существующих механизмов и практик, но не генерализацию результатов.

Ещё одним ограничением являлась сложность исследовательского поля. Большинство людей, которые пользуются криптовалютами, предпочитают оставаться анонимами и не дают своих реальных контактов. Проблема также заключалась в том, что в силу тех или иных обстоятельств встретиться вживую с информантами было невозможно.

Поэтому было принято решение проводить интервью не вживую, а с использованием аудиоустройств. Так, интервью проводились через различные интернет-сервисы: Skype, Telegram, What'sApp и др. Из-за таких допущений, как отсутствие живого контакта с информантом и невозможность установить имя и возраст информанта, приходилось в определённой степени жертвовать качеством полученных данных. В то же время избранный способ интервьюирования обеспечивает бóльшую анонимность потенциальным участникам исследования, поскольку они понимают, что их имена не будут указаны, никто не увидит их самих. Всё это может стать стимулом для того, чтобы дать больше информации по теме интервью.

В ходе сбора данных было большое количество отказов. Это связано с тем, что многие потенциальные информанты не уверены в законности своих действий, предпочитают не раскрывать свою личность даже при гарантии анонимности. Также, из-за того что основная коммуникация происходила через Интернет, люди не доверяли незнакомцам, пытающимся поговорить на сензитивные для них темы. Для решения проблемы отказов проводились предварительные беседы с потенциальными информантами, в ходе которых они получали информацию о проводимом исследовании; им объяснялось, что все по-

лученные данные будут анонимными. Ещё одним способом решения проблемы отказов являлись рекомендации информантов, которые уже дали интервью. Такие рекомендации служат гарантией того, что исследователю можно доверять.

Схема анализа данных

Результатом полевого этапа исследования являлись 15 аудиозаписей интервью с людьми, которые согласились на участие в исследовании. Было произведено транскрибирование всех интервью для того, чтобы можно было провести качественный анализ текстовых вариантов интервью. Это позволяло делать пометки, выделять ключевые слова, а также возвращаться при необходимости к любому фрагменту интервью.

Для большего удобства полученные 15 транскриптов интервью были сгруппированы в один Excel-файл, где каждому интервью соответствовал свой лист. На отдельном листе каждая реплика (вопрос интервьюера и ответ информанта) находится в своей ячейке. Второй и следующие столбцы используются для пометок и комментариев.

Основным способом качественного анализа данных этих интервью является двухэтапное кодирование. В ходе работы с каждым интервью заметки приобретают формат специальных кодов, которые выделяют важные идеи, высказанные информантами. Эти коды называются первичными. Далее на основе первичных кодов выделяются глубинные смыслы, общие для некоторого количества заметок. Так образуются коды второго уровня.

После присвоения первичных кодов они были сгруппированы по способу использования криптовалюты. В результате образовались три дополнительных листа Excel-файлов для трёх способов использования криптовалюты: инвестиции, майнинг и потребление. Этот последний способ использования включает потребление как легальных, так и нелегальных товаров. Данное допущение было сделано исходя из того, что при оплате криптовалютами люди проходят одинаковые этапы вне зависимости от цели покупки. Ещё одним допущением является тот факт, что те информанты, которые сейчас занимаются инвестициями, а начинали свою деятельность в майнинге, представлены на обоих листах — инвестиции и майнинг. Это сделано потому, что информация, которую они предоставляют, может иметь общие черты с обоими группами.

Также существует отдельный лист с первичными кодами всех интервью, на котором происходил поиск общих закономерностей, не являющихся особенными для какого-то способа использования криптовалюты.

Всё это позволило составить результаты, свойственные для профильных групп пользователей, и найти информацию, которая будет актуальной для каждой группы.

Таким образом, в качестве итоговых результатов будут представлены вторичные коды, составленные на основе различных способов группировки информантов. Данные коды позволят произвести интерпретацию результатов исследования, а также сопоставление с существующими работами на данную тематику.

Типология способов использования криптовалюты

На основании интервью были выделены две смысловые категории пользователей: (1) те, кто использует криптовалюту в потребительских целях (потребители), и (2) те, кто использует её как источник дохода

(инвесторы и майнеры). Полученные категории идентичны по смыслу с теми, о которых в своей работе говорил австралийский исследователь Х. Сидики, разделяющий пользователей на тех, кто извлекает доход из криптовалют, и тех, кто с её помощью экономит [Siddiqi 2015]. Даже покупку нелегальных товаров можно рассмотреть как экономию транзакционных издержек: легче найти продавца, который готов предложить товар через эту систему; меньше расход на сокрытие самой операции и проч.

Криптовалюта как способ оплаты потребительских товаров

Итак, рассмотрим пользователей, для которых криптовалюта — это способ приобрести какие-либо товары либо перевести деньги другому лицу. На первый взгляд любого человека, который взаимодействует с криптовалютой, можно отнести к этой группе. Однако главной отличительной чертой этой группы является отсутствие желания заработать на данной технологии. Если инвесторы и майнеры видят в криптовалюте способ получения определённого дохода, то для потребителей это новый способ оплаты за определённые группы товаров.

На основе полученных результатов потребителей можно разделить на две смысловые группы: энтузиасты и заложники ситуации. Главным различием этих групп является мотив, который движет людьми при оплате: энтузиасты выбирают криптовалюты как средство расчёта по своему собственному желанию; заложники ситуации используют криптовалюты из-за навязывания данного метода продавцом.

Интуитивно становится понятным, что к числу заложников ситуации относятся те люди, которые приобретают запрещённые вещества. Криптовалюты предоставляют возможность такой оплаты товаров, не легализованных на территории РФ, которая позволяет избежать личного контакта продавца и покупателя.

Люди данной категории используют криптовалюты только для оплаты определённых товаров; они не выбирают, в какой криптовалюте производить расчёт. Возможна ситуация, когда человек, участвующий в таких сделках, оказывается вовлечённым в процесс использования криптовалюты и в дальнейшем прибегает к ней за пределами рынка запрещённых товаров.

Неизвестно, кто отправил платёж, кто его получит, поэтому, собственно, власти не могут отслеживать ничего <...> В этом плане биткоин достаточно полезен для людей, которые занимаются не совсем законной правовой деятельностью (информант 1)².

Теперь обратимся к другой группе людей, которые ранее были названы энтузиастами. Это люди, которые заинтересованы в криптовалюте как способе оплаты; пользование криптовалютой не диктуется им желанием продавца, инициаторами являются они сами. Таких людей привлекает открытость системы, а также существенное сокращение транзакционных издержек (низкие комиссии, время обработки транзакции и проч.).

Стоит отметить, что энтузиасты склонны к тому, чтобы использовать большой ассортимент криптовалют. По сравнению с заложниками ситуации у них есть возможность оценить ассортимент существующих криптовалют и выбрать именно ту, которая соответствует требованиям индивида. Повышенный интерес к технологии и существующему рынку криптовалют располагает к тому, что человек часто использует криптовалюту в качестве расчётного средства и постоянно взаимодействует с данной технологией.

² Характеристики информантов см. в приложении и табл. П.1.

Криптовалюта как способ инвестирования

Рассмотрим самых активных участников рынка криптовалют, то есть тех, кто инвестирует свои средства в криптовалюты. Инвесторов стоит разделить на условные группы по количеству криптовалют, в которые человек вкладывает деньги, то есть на тех, кто инвестирует в большое количество криптовалют, и тех, кто инвестирует в несколько криптовалют.

Данные группы различает подход к инвестированию. Люди, которые инвестируют только в несколько валют, приобретают те из них, которые входят в список наиболее популярных. Это означает, что человек сокращает свои риски, жертвуя при этом определённой прибылью, которую можно было бы получить при вложении в менее известные валюты. Более того, люди данной категории не часто покупают криптовалюту; их действия выглядят как разовая покупка и ожидание того момента, когда курс криптовалюты будет таким, чтобы ее можно было выгодно продать:

Если пользоваться, то топ-10, это которые я лично покупал, которые у меня в портфеле лежат на бирже или на холодном хранении, в кошельках <...> Всё остальное — это скам³. Очень много проектов, которые кроме как фигой не назовёшь (информант 9).

Обратимся теперь к тем, кто вкладывает в большое количество криптовалют. Такие люди инвестируют часто и всё время находятся в поисках проекта, которому можно доверить свои средства. В данном случае человек выбирает то, во что ему следует вкладывать, на основе личного опыта и собранной информации:

Я знакомился с проектами, которые стоят за этими криптовалютами. То есть не просто типа «какие-то быстрорастущие монеты» и прочее (информант 6).

Получение дохода с помощью майнинга

Данный подраздел посвящён тому типу использования криптовалют, при котором человек использует вычислительные мощности компьютера для обработки транзакций в сети блокчейн и получает криптовалюту в качестве вознаграждения. Таких людей можно назвать майнерами. Индивиды, принадлежащие к этой группе, имеют постоянное место работы. Для них процесс майнинга криптовалюты воспринимается как дополнительный источник заработка и может трактоваться как хобби:

Прекрасная идея о пассивном заработке, как мне тогда казалось. И да, это было интересно, это было свежо. Заработок какой-то, то есть ничего не делая практически, просто живя в постоянном шуме и жаре. Но тем не менее денежки капали (информант 5).

Однако майнинг утрачивает свою былую актуальность. Обработка транзакций сейчас требует больших технических мощностей, чем когда-либо ранее. Это связано с развитием данного рынка: появляются крупные компании, которые с помощью дорогого оборудования могут «майнить» огромное количество криптовалюты, уменьшая вознаграждение для других.

Сложившаяся ситуация приводит к тому, что майнинг из дополнительного заработка переходит в своеобразное хобби и (или) привычку. Определённая группа майнеров, которая не делала особых вложений в оборудование для майнинга, готова уйти с рынка в тот момент, когда это перестанет приносить прибыль. Другие же майнеры, вложившие в данную деятельность определённую сумму денег, или те, кто

³ Фальшивые криптовалюты.

проникся интересом к работе с криптовалютой, рассматривают возможность участия на рынке криптовалют в качестве трейдеров или инвесторов.

Таким образом, майнинг становится промежуточным этапом между интересом к криптовалютам и активным их использованием для некоторых трейдеров или инвесторов, в то время как для других людей он является временным увлечением, которое позволило получить определённый доход.

Как человек управляет существующими рисками при взаимодействии с рынком криптовалют

После рассмотрения всех выделенных в ходе интервью способов использования криптовалюты имеет смысл обратить внимание на то, как формируется доверие у людей, которые приходят на этот рынок.

Некоторые этапы входа на рынок похожи для разных способов использования. Так, необходимость заводить кошелек и выбирать способы ввода и вывода средств является общей для каждой группы людей. Однако рассмотрим по порядку все ситуации, в рамках которых формируется доверие, — от начала интереса к криптовалюте до вывода средств в фиатные деньги.

Начнём с той ситуации, когда человек решил, что будет использовать криптовалюты. Это могло произойти как по собственному желанию, на основе рекомендаций других людей или СМИ, так и вынужденно — желаемый продукт можно приобрести только таким способом. В обоих случаях человек взвешивает риски и выгоды использования этой технологии.

Предположим, что в результате индивид оказывает доверие именно системе криптовалют, то есть он ожидает, что операция пройдёт без каких-либо последствий. В таком случае следует говорить о доверии к абсолютным системам у Э. Гидденса [Барсукова 2009: 125], ведь человек полагается на обезличенную систему. Однако П. Штомпка писал о том, что если речь идёт о доверии технологии, то человек доверяет её создателю [Штомпка 2015: 70]. Хотя у криптовалют и технологии есть создатель, он давно уже не занимается развитием технологии. Теперь это делает инициативная группа людей, которые активно вовлечены в этот рынок с момента его образования. В данном случае поэтому лучшее объяснение предоставляет Э. Гидденс.

Стоит отдельно выделить ситуацию, когда доверие основано не на системе, а на продавце, который выбирает данный способ расчёта. Тут речь идёт всё же о доверии не к криптовалютам, а к человеку или магазину, который предлагает данный способ оплаты. Человек решает совершить оплату в криптовалюте, потому что уверен: раз этот способ использует данный продавец, то и он может им воспользоваться.

Почему именно криптовалюта? Потому что сайт, на котором я это всё покупал, принимал только биткоин как основное средство платежа. Собственно, вот почему (информант 10).

Первым шагом для входа на рынок криптовалют является выбор валюты, которую необходимо приобрести, и кошелька для хранения. Выбор кошелька и выбор криптовалюты очень схожие между собой процессы: человеку необходимо остановиться на одном из множества возможных вариантов, большая часть которых ему до этого была совершенно неизвестна.

Уместно напомнить о трёх базовых основаниях доверия, о которых говорил П. Штомпка: репутация; рекомендация и референция [Штомпка 2015: 182]. Поскольку человек первый раз сталкивается с таким выбором, у него нет никакой возможности обратиться к репутации криптовалюты. Более того, прошло не столько времени с момента создания рынка, чтобы можно было судить о репутации многих валют.

Решение о выборе поэтому чаще всего опирается на рекомендации. Основными источниками данных рекомендаций являются знакомые, а также система рейтингов и отзывов в Интернете. При рекомендации знакомых определяющим оказывается доверие к такому человеку. Что касается рейтингов, то доверие к ним гораздо более противоречиво. Рейтинги о криптовалютах составляются не официальными учреждениями, которые имеют поддержку государства, а различными интернет-СМИ или интернет-сообществами. Прежде чем доверять рейтингам этих ресурсов, необходимо определить, доверяет ли человек самому ресурсу. Существует множество способов «накручивания» положительных отзывов для различных целей. Относительно сторонним примером может являться ситуация с платформой Steam. Данная интернет-платформа предлагает своим пользователям игры, о которых можно оставлять отзывы. Несмотря на то что Steam является крупнейшей сетью по распространению компьютерных игр (что означает высокий уровень доверия у пользователей), «накручивание» пользовательских рейтингов происходит постоянно [Зобин 2016]. Если платформе, существующей уже более 10 лет, не чужда такая ситуация, то у сайтов, связанных с аккумулярованием оценок криптовалют, могут возникнуть такие же проблемы.

Если серьёзнее подходить, то есть проверенные биржи, которые работают не один год. Они работают 6–7 лет <...> То есть достаточно старые. Есть проверенные обменники, то есть у них понятная схема монетизации: берут комиссию за конвертацию, и всё. Нужно основываться на каком-то личном опыте, либо на статистике в Интернете и прочих описаниях, если такого опыта мало (информант 13).

Аналогичная ситуация может происходить и с интернет-сообществами. Не стоит отрицать, что есть сообщества, которые честно сообщают о возможных опасностях и потенциально интересных криптовалютах. Это рынок с волатильным активом, поэтому некоторые сообщества используют неопытность людей, чтобы выиграть на асимметрии информации.

Если произвести типологию отмеченных информантами рисков, то обнаруживаются три из четырёх типов, выделенных польским социологом П. Штомпкой [Штомпка 2015: 90]. Так, существует риск, что сторона, которой оказывается доверие (интернет-ресурс), поведёт себя вопреки ожиданиям и нарушит обязательства, то есть не будет предоставлять релевантные отзывы о кошельках и криптовалютах. Ещё одним риском является то, что доверие оказано ресурсу, который на самом деле его не заслуживает. На открытой лекции «Современная реальность: блокчейн, алгоритмы, кибербезопасность» (Культурный центр ЗИЛ, 16 мая 2018 г., Москва) Ярослав Рабоволук высказал мнение, что Интернет — это изначально небезопасная среда [Рабоволук 2018]. Данное соображение как раз согласуется с тем обстоятельством, что доверие к ресурсу может быть неоправданным. Третьим риском является доверие чего-то материального и представляющего ценность другому человеку или системе. Очевидно, что те деньги, которые люди собираются перевести в криптовалюту, или те средства, что должны храниться на кошельках, представляют ценность для их владельца, и риск потерять их ставит под вопрос доверие к криптовалюте и кошельку, в котором хранятся эти средства.

Не узнаешь никогда, кто за ними стоит, и довериться такой конторе трудно (информант 4).

Следующим этапом формирования доверия к криптовалютам для тех, кто инвестирует в них, является выбор того, во что вкладывать, а также — для сторонников дополнительного заработка — выбор того, что майнить. Рассмотрим каждый из этих процессов предпочтения.

При выборе того, какую криптовалюту использовать для майнинга, человек может прибегнуть к нескольким стратегиям, среди которых обращение к отзывам в Интернете и применение специальных

программ. Первая из упомянутых стратегий была оценена выше; вторая же требует дополнительного пояснения. Речь идёт о специальных программах, имеющих собственный алгоритм анализа рынка, на основе чего производится добыча той валюты, которая наиболее выгодна на конкретный момент времени. Здесь уместно использовать трактовку доверия П. Штомпки. Напомним, что он объясняет доверие к технологии как доверие к её создателю [Штомпка 2015: 70]. Такие программы не распространяются централизованно, поэтому человек для использования программы должен довериться сайту, который её предлагает:

Для того чтобы майнить хорошо, можно написать такой небольшой скрипт, который будет рассчитывать стоимость, какую криптовалюту сейчас выгоднее всего майнить, и майнить её. Так что это меньше зависит от меня, это больше зависит от скрипта, их было десятка два тогда, когда я их брал (информант 14).

Обратимся теперь к выбору наиболее выгодного проекта для инвестиции. Здесь также уместно несколько способов поиска оснований для доверия. Одна из существующих теорий объясняет причины формирования доверия при сборе информации. Как уже говорилось в разделе «Обзор эмпирических исследований криптовалют», существует несколько путей обработки сообщения. Они зависят от компетенции человека в рассматриваемой сфере деятельности. Так, центральный путь обработки информации используется, когда человек сам собирает информацию и формирует мнение, а периферийный путь — когда человек владеет недостаточными знаниями, чтобы самому сформировать мнение, поэтому он обращается к третьим лицам (отзывы, знакомые и т. п.) [Ahangama, Chiang Choon Poo 2016]. Пример поиска выгодного вложения хорошо иллюстрирует различие в этих путях. Для достижения своей цели люди используют различные методы: кто-то активно инвестирует в проекты, о которых говорят различные сообщества, но есть те, кто собирает всю информацию сам. Данный механизм применим и к другим указанным ранее случаям возникновения доверия.

В целом тут, скорее, все 1000 криптовалют, токены, прочее, не прочитаешь, поэтому я смотрел по тому, которые сейчас в топе по капитализации, а во-вторых, про кого в сети много информации. То есть обычно люди, которые имеют опыт в ICO, во всех этих запусках, они имеют опыт и в раскручивании в большом Интернете (информант 11).

Большая роль в формировании доверия на рынке криптовалют отводится интернет-сообществам, посвящённым этой тематике. Это связано с тем, что этот рынок всё ещё не признан во всём мире. На данный момент основную информацию о криптовалютах можно получить исключительно в соответствующих сообществах. Во многом изначальное доверие к криптовалютам возникает на основе доверия к информации, которую предоставляют данные сообщества. Стоит поэтому говорить о том, что доверие к этой системе (имеется в виду обезличенное доверие по Э. Гидденсу) влияет на дальнейшее участие человека на рынке криптовалют.

Роль государства на рынке криптовалют

В рамках данного исследования с информантами обсуждалась роль государства на рынке криптовалют. Исходя из материалов интервью можно говорить о разных взглядах на государство в связи с рынком криптовалют:

- *государство не должно вмешиваться в рынок.* В этом сценарии пользователи криптовалют во многом сохраняют свою возможность проводить анонимно собственные транзакции. К тому же может образоваться «демократический рынок», на котором будет происходить саморегуляция. Поскольку государство не сможет облагать налогом пользователей, транзакционные издержки

будут существенно меньше. Тем не менее отсутствие регулирующего органа означает увеличение риска девиантного поведения, когда человек может стать жертвой мошенничества и потерять свои средства;

- *государство должно регулировать рынок, но не контролировать его.* В такой ситуации увеличивается безопасность транзакций с криптовалютой благодаря определённым действиям со стороны государства, однако теряется определённый уровень анонимности на рынке. Криптовалюты обретают законный статус, перестают считаться нелегальными, что увеличивает доверие населения к этому виду денег;
- *государство полностью контролирует рынок.* При реализации такого сценария государство берёт на себя ответственность за абсолютную безопасность транзакций и взаимодействия на рынке, однако компенсирует это определённым уровнем налогообложения. В этой ситуации происходит принятие государством перспективной технологии, которая в дальнейшем может использоваться в других сферах. Однако пользователи, пришедшие на этот рынок для того, чтобы получить высокую анонимность, будут искать уязвимости в контроле государства и в дальнейшем избегать его всеми возможными способами.

Вопрос об участии государства на рынке криптовалют является достаточно важным. Ведь именно государство может выступать источником доверия для людей, которые на данный момент не используют криптовалюты. Однако в потенциальной погоне за большим количеством пользователей рынок рискует потерять тех, кто приходил в него для того, чтобы уйти от государства.

Не исключено, что современный рынок криптовалют может разделиться на подконтрольный государству и на неподконтрольный. Тот рынок, который останется неподконтрольным государству, будет использовать криптовалюты, дающие наибольшие возможности для сохранения анонимности. На этом рынке будут взаимодействовать люди, предпочитающие оставаться в неформальном секторе и скрывать свои расходы от государства. Подконтрольный рынок будет менее анонимным, зато в нём будет осуществляться поддержка государства, которая добавит этому рынку безопасность.

И будут такие два мира: мир криптовалют, который не под контролем, где существуют валюты полностью анонимные, которые, естественно, будут пользоваться своим спросом всегда. Ну, и будет мир, в котором не будет анонимных криптовалют, где будут биржи, которые будут получать лицензии, платить официально налоги, будут инвесторы все платить налоги (информант 8).

Заключение

В рамках данного исследования были рассмотрены процессы, предшествующие вхождению человека на рынок криптовалют. На примере двух различных целей и четырёх видов использования криптовалют было продемонстрировано, насколько по-разному могут проходить эти процессы, и показано разное отношение к этой технологии и разное доверие к ней.

Прежде всего, стоит отличать цели, которые преследуют люди, начинающие пользоваться криптовалютами. Так, те, кто ищет в криптовалютах способ заработать денег на новом растущем рынке, ориентируются на высокую волатильность криптовалют. Их доверие криптовалютам связано с тем, что они считают: цены на эти деньги и дальше будут меняться с большой амплитудой. Следовательно, для них основным риском является обратная ситуация, то есть такая, когда стоимость криптовалют будет стагнировать или весь рынок обвалится. В этом случае они потеряют деньги. В свою очередь, эти люди

пытаются определённым образом осуществлять манипуляции существующим риском, выбирая размер вложений и количество криптовалют: те, кто вкладывает много денег во много криптовалют, рискуют больше, но их доход будет гораздо выше, чем у тех, кто предпочитает вложить небольшие суммы в несколько криптовалют.

Совсем иная ситуация у тех, кто использует криптовалюты для оплаты и видит в этой технологии сокращение ряда транзакционных издержек. В их случае доверие криптовалюте означает, что операция по передаче денег от одного лица к другому произойдёт и при этом не будет никаких неполадок. Рисками тогда становятся большое разнообразие способов кражи криптовалюты, а также высокая волатильность цены.

Помимо различий между этими группами, существует ещё множество практик и процессов, в которых человек участвует вне зависимости от мотива использования криптовалюты. Так, индивид, применяющий эту форму денег, столкнётся с необходимостью выбора способа их хранения, зачисления или вывода и т. п. В подобных случаях человек выбирает из множества возможных вариантов и ему приходится полагаться на те источники информации, которые существуют.

Основой получения информации для участников сети блокчейн является Интернет — именно там пишут о том, где лучше обменять криптовалюту, какие проекты являются фальшивыми, какие существуют дополнительные меры безопасности. На основе различных рейтингов люди принимают множество решений, связанных с криптовалютой. Однако интернет-среда является источником ряда угроз, поэтому человек может стать жертвой мошенничества. Среди ресурсов, созданных для помощи владельцам криптовалюты, существуют и те, которые пытаются извлечь выгоду из асимметрии информации.

Одним из ключевых навыков, позволяющих уменьшить риски использования криптовалюты, является криптограмотность, то есть знание о том, как функционирует технология, какие существуют возможные способы кражи криптовалюты, и осведомлённость о базовых принципах выбора для вложения своих денег и о том, как их вывести. Поскольку сама технология завязана на интернет-соединении, принципы криптограмотности идентичны базовым принципам интернет-безопасности.

Государство является одним из главных потенциальных игроков рынка криптовалюты. Вне зависимости от решения правительства о роли государства на рынке криптовалют, именно государство будет определять доверие текущих пользователей к системе, а также потенциальную новую аудиторию. Тем не менее ситуация противоречива: если государство будет регулировать рынок, то это привлечёт новых игроков, но опытные пользователи среагируют на это негативно. Получается, что система либо будет поддерживать доверие уже находящихся на ней пользователей, либо пожертвует их доверием ради увеличения рынка.

Криптовалюты находятся ещё на раннем этапе развития. На данный момент на этом рынке присутствует достаточное количество людей, которые пытаются монетизировать слабости, существующие сейчас. Со временем ситуация на рынке криптовалют стабилизируется, и тогда может наступить качественно иной этап его развития.

Я думаю, что это как примерно будет с Интернетом начала 2000-х или раньше, когда шума была очень много, появлялся пузырь дотнетов, после чего только несколько компаний реально стали крупными и изменили мир: Yahoo, Google. То есть тут, скорее, то же самое будет: то есть какие-то компании, которые действительно приносят пользу людям и экономикам, они получают большую долю рынка (информант 9).

После стремительного роста криптовалют в 2017 г. данный рынок привлёк к себе внимание общественности, что ведёт к увеличению числа пользователей. Уже сейчас существует большое количество сервисов, которые предлагают свои услуги для начинающих пользователей криптовалют. Рынок криптовалют преодолел множество барьеров, но люди, которые не пользуются активно пользуются Интернетом, все ещё боятся применять эту технологию в качестве формы оплаты.

Сейчас оно (Рынок криптовалют. — И. Б.) резко выросло, скажем так — по экспоненте, а потом вышло на плато, где уже сложно что-то придумать новое в плане сервиса, потому что уже идут ограничения по недостаточности нашего законодательства в этой области (информант 6).

Приложение

Таблица П.1

Характеристики информантов

Порядковый номер информанта	Пол	Род деятельности	Способ использования криптовалюты	Длительность интервью (мин.)
1	Мужской	Студент	Покупка запрещённых веществ	23:05
2	Мужской	Несколько бизнесов в криптовалюте	Потребление, инвестиции	26:12
3	Мужской	Владелец криптообменника	Инвестиции, бизнес	35:44
4	Мужской	Не трудоустроен	Потребление, инвестиции	40:39
5	Мужской	Работник сферы IT	Майнинг	29:20
6	Мужской	Свой блог, создатель фонда инвестирования в криптовалюты	Инвестиции	45:36
7	Мужской	Фрилансер	Майнинг	38:01
8	Мужской	Работник сферы IT	Инвестиции	34:32
9	Мужской	Не трудоустроен	Инвестиции	36:07
10	Мужской	Студент	Покупка запрещённых веществ	31:59
11	Мужской	Работник сферы IT	Инвестиции	39:43
12	Мужской	Работник сферы IT	Майнинг	20:15
13	Мужской	Работник сферы IT	Инвестиции	28:18
14	Мужской	Студент	Майнинг, инвестиции	26:52
15	Мужской	Студент	Инвестиции	22:12

Литература

Алексеева Н. 2013. Bitcoin — анонимная валюта для анонимных дел *Pravda.ru*. URL: <https://www.pravda.ru/economics/finance/27-11-2013/1183626-bitcoin-0>

Аношин И. 2017. Минфин счёл создание криптовалюты для расчётов уголовным преступлением. *РБК*. URL: <https://www.rbc.ru/money/06/12/2017/5a27de8b9a7947626e50c839>

- Бабкин А. В. et al. 2017. Криптовалюта и блокчейн-технология в цифровой экономике: генезис развития. *Научно-технические ведомости СПбГПУ*. 5: 9–22. URL: https://economy.spbstu.ru/userfiles/files/articles/2017/5/01_babkin_burkaltseva_pshenichnikov_tyulin.pdf
- Барсукова С. Ю. 2009. *Неформальная экономика. Курс лекций*. М.: Изд. дом ВШЭ.
- Береснева А. 2016. Гайд по криптографии. *Хакер*. URL: <https://xakep.ru/2016/12/15/crypto-part5>
- Будущее криптовалют через 20 лет. 2016. *Cryptonovosti*. URL: <http://cryptonovosti.com/budushhee-kriptovalyut-cherez-20-let>
- Гуркин Ю. Н., Семенов Ю. А. 2006. Файлообменные сети P2P: основные принципы, протоколы, безопасность. *Сети и системы связи*. URL: http://ccc.ru/magazine/depot/06_11/read.html?0302.htm
- Зобин С. 2016. Стало известно, сколько платят геймерам за положительные обзоры игр в Steam. *Gamebomb*. URL: <http://gamebomb.ru/gbnews/15470>
- Криптовалюты: ещё не деньги будущего, но уже модное явление. 2017. *НАФИ*. URL: <https://nafi.ru/analytics/kriptovalyuty-eshchye-ne-dengi-budushchego-no-uzhe-modnoe-yavlenie/>
- Маланов А. 2017. Шесть мифов о блокчейне и Биткойне, или Почему это не такая уж эффективная технология. *Habr*. URL: <https://habr.com/company/kaspersky/blog/336036>
- Преимущества и недостатки криптовалют. 2017. *Utmagazine.ru*. URL: <https://utmagazine.ru/>
- Просто и наглядно: почему количество биткоинов конечно. 2017. *Golos.io* URL: <https://golos.io/ru--bitkoin/@uanix>
- Рабоволоук Я. 2018. Основы личной кибербезопасности. *Открытые лектории ВШЭ*. URL: <https://hselectorium.timepad.ru/event/689406>
- Сонин К. 2017. Биткоин как финансовая пирамида. *Ведомости*. 30 июля. URL: <https://www.vedomosti.ru/opinion>
- Трубникова Е. И. 2014. Криптовалюта: инструмент теневых схем или денежная система свободного общества. *Вестник СамГУ. Управление и экономика*. 6(117): 151–158. URL: <http://vestnik.samsu.ru>
- Что такое Blockchain (блокчейн)? Технология, платформа, транзакции. 2018. *Mining-cryptocurrency.ru*. URL: <https://mining-cryptocurrency.ru/>
- Шмырова В. 2017. Минфин: В 2018 г. в России легализуют биткоины. *Cnews.ru*. URL: <http://www.cnews.ru/news/>
- Штомпка П. 2015. *Доверие — основа общества*. Перев. с пол. Н. В. Морозовой. М.: Логос.
- Ahangama S., Chiang Choon Poo D. 2016. Credibility of Algorithm Based Decentralized Computer Networks Governing Personal Finances: The Case of Cryptocurrency. In: Nah Fiona F.-H., Tan Chuan-Hoo Tan (eds). *HCI in Business, Government, and Organizations: eCommerce and Innovation*. Third International Conference, HCIBGO 2016, Held as Part of HCI International 2016, Toronto, Canada, July 17–22, 2016, Proceedings, Part I. Cham, Switzerland: Springer International Publishing; 165–176.

- Bashir M. N., Strickland B. Bohr. J. 2016. What Motivates People to Use Bitcoin? In: Ahn Y-Y., Spiro E. (eds). *Social Informatics*. 8th International Conference, SocInfo 2016, Bellevue, WA, USA, November 11–14, 2016, Proceedings, Part II. Cham, Switzerland: Springer International Publishing; 347–367.
- Carrick J. 2016. Bitcoin as a Complement to Emerging Market Currencies *Emerging Markets Finance & Trade*. 52 (10): 2321–2334. URL: <https://www.tandfonline.com/loi/mree20>
- Garcia D. et al. 2014. The Digital Traces of Bubbles: Feedback Cycles between Socio-Economic Signals in the Bitcoin Economy. *Journal of The Royal Society Interface*. 11 (99). URL: <http://rsif.royalsocietypublishing.org/>
- Khairuddin I. E. et al. 2016. *Exploring Motivations among Bitcoin Users*. Paper presented at the ACM CHI Conference, May 7, San Jose.
- Kim T. 2017. On the Transaction Cost of Bitcoin. *Finance Research Letters*. 23: 300–305. URL: <https://www.journals.elsevier.com/finance-research-letters>
- Hoffmann V. 2007. Five Editions (1962–2003) of Everett Rogers’s Diffusion of Innovations, Book Review. *The Journal of Agricultural Education and Extension*. 13 (2): 147–158.
- Siddiqi H. 2015. The Routes to Chaos in the Bitcoins Market. *Review of Business and Economics Studies*. 3 (3): 32–39.
- Suberg W. 2017. Bitcoin User Base Doubling Every 12 Months: Google Trends. *Cointelegraph*. URL: <https://cointelegraph.com/news>

DEBUT STUDIES

Ignat Baranov

Creation of Trust in the Russian Cryptocurrency Market

BARANOV, Ignat —

Independent Researcher.

Address: 2/10 Rudyard Street, 3165, Melbourne, VIC, Australia.

Email: ignatexorby@gmail.com

Abstract

A significant increase in the cash value of Bitcoin in the beginning of 2017 led to growth in people's interest in cryptocurrency. The uniqueness of this type of money is that the transaction occurs only with the approval of a network of participants, and the funds themselves are beyond the control of any state. At the same time, the Russian government, represented by the Ministry of Finance, did not approve a cryptocurrency until 2018.

Despite the large number of studies that reveal the main advantages and disadvantages of cryptocurrency, as well as the motivation of the participants, the issue of building trust in cryptocurrencies remains relevant. The main goal of this study is to identify the mechanisms of trust building among the participants of the cryptocurrency market.

The research information base was based on 15 semi-structured interviews with active participants of the cryptocurrency market. Based on collected data, a typology of cryptocurrency users was made, and ways of managing risks in interacting with the market and insight into the role of the state in this market were examined. Cryptocurrency users can be divided into those who use it for consumption of various goods (including those who are prohibited in the territory of the Russian Federation) and those who seek to derive financial benefit from the current market situation. Although both groups exist in the same market, they have different expectations: consumers strive to ensure that the cryptocurrency exchange rate remains stable, whereas the other group hopes for a long period of high exchange-rate volatility to increase their own earnings. The position that the local state should take is an important factor of trust for each of the groups represented.

Cryptocurrencies are still at an early stage of development. A large group of people on the market is trying to monetize the weaknesses that exist at the moment. Over time, the situation on the cryptocurrency market stabilizes, and it can then move to a qualitatively different stage of development.

Keywords: Cryptocurrencies; money; trust; payment system; user trust; blockchain technology; perception of innovations; electronic money.

References

Ahangama S., Chiang Choon Poo D. (2016) Credibility of Algorithm Based Decentralized Computer Networks Governing Personal Finances: The Case of Cryptocurrency. *HCI in Business, Government, and Organizations: eCommerce and Innovation* (eds. Fiona F.-H. Nah, Chuan-Hoo Tan). Third International Conference, HCIBGO 2016, Held as Part of HCI International 2016, Toronto, Canada, July 17–22, 2016, Proceedings, Part I, Cham, Switzerland: Springer International Publishing, pp. 165–176.

Alekseeva N. (2004) Bitcoin — anonimnaya valyuta dlya anonimnykh del [Bitcoin — An Anonymous Currency for Anonymous Transactions]. *Pravda.ru* (News Website). Available at: <https://www.pravda.ru/economics/finance/27-11-2013/1183626-bitcoin-0> (accessed 1 November 2018) (in Russian).

- Anoshin I. (2017) Minfin schel sozdaniye kriptovalyuty dlya raschetov ugovolnym prestupleniyem [The Ministry of Finance Considered the Creation of Cryptocurrency for Settlement as a Criminal Offense]. *RBC* (Business News Website). Available at: <https://www.rbc.ru/money/06/12/2017/5a27de8b9a7947626e50c839> (accessed 1 November 2018) (in Russian).
- Babkin A., Burkaltseva D., Pshenichnikov V., Tyulin A. (2017) Kriptovalyuta i blokcheyn-tekhnologiya v tsifrovoy ekonomike: genezis razvitiya [Cryptocurrency and Blockchain Technology in the Digital Economy: The Genesis of Development]. *Nauchno-technicheskie vedomosti SPBGPU*, no 5, pp. 9–22. Available at: https://economy.spbstu.ru/userfiles/files/articles/2017/5/01_babkin_burkaltseva_pshenichnikov_tyulin.pdf (accessed 1 November 2018) (in Russian).
- Barsukova S. (2009) Neformal'naya ekonomika. Kurs lektsiy [Informal Economy. Lecture Course], Moscow: HSE Publishing House (in Russian).
- Bashir M. N., Strickland B., Bohr J. (2016) What Motivates People to Use Bitcoin? *Social Informatics* (eds. Y.-Y. Ahn, E. Spiro). 8th International Conference, SocInfo 2016, Bellevue, WA, USA, November 11–14, 2016, Proceedings, Part II. Cham, Switzerland: Springer International Publishing, pp. 347–367.
- Beresneva A. (2016) Gayd po kriptografii [Cryptocurrency Guide]. *Xaker* (IT News Website). Available at: <https://xakep.ru/2016/12/15/crypto-part5> (accessed 1 November 2018) (in Russian).
- Budushcheye Kriptovalyut Cherez 20 Let [The Cryptocurrency Future in 20 Years]. *Cryptonovosti* (Cryptocurrency News Website). Available at: <http://cryptonovosti.com/budushchee-kriptovalyut-cherez-20-let> (accessed 1 November 2018) (in Russian).
- Carrick J. (2016) Bitcoin as a Complement to Emerging Market Currencies. *Emerging Markets Finance & Trade*, vol. 52, iss. 10, pp. 2321–2334. Available at: <https://www.tandfonline.com/doi/abs/10.1080/1540496X.2016.1193002> (accessed 1 November 2018).
- Chto takoye Blockchain (blokcheyn)? Tekhnologiya, platforma, tranzaktsii [What is Blockchain? Technology, Platform, Transactions] (2018) *Mining-cryptocurrency.ru* (Cryptocurrency News Website). Available at: <https://mining-cryptocurrency.ru/blockchain> (accessed 1 November 2018) (in Russian).
- Garcia D., Tessone C. J., Mavrodiev P., Perony N. (2014) The Digital Traces of Bubbles: Feedback Cycles between Socio-Economic Signals in the Bitcoin Economy. *Journal of the Royal Society Interface*, vol. 11, iss 99. Available at: <http://rsif.royalsocietypublishing.org/> (accessed 1 November 2018).
- Gurkin Y., Semenov Y. (2006) Fayloobmennyye seti P2P: osnovnyye printsipy, protokoly, bezopasnost' [P2P File Exchange Networks: Basic Principles, Protocols, Security]. *Seti i Sistemy Svyazi* (IT News Website). Available at: http://ccc.ru/magazine/depot/06_11/read.html?0302.htm (accessed 1 November 2018) (in Russian).
- Hoffmann V. (2007). Five Editions (1962–2003) of Everett Rogers's Diffusion of Innovations, Book Review. *The Journal of Agricultural Education and Extension*, vol. 13, no 2, pp. 147–158.
- Kriptovalyuty: yeshcho ne den'gi budushchego, no uzhe modnoye yavleniye [Cryptocurrencies: Still Not the Money of the Future, but Already a Fashionable Phenomenon] (2017) *NAFI* (Analytical Center). Available at: <https://nafi.ru/analytics/kriptovalyuty-eshchye-ne-dengi-budushchego-no-uzhe-modnoe-yavlenie/> (accessed 1 November 2018) (in Russian).

- Khairuddin I., Sas C., Clinch S., Davies N. (2016) *Exploring Motivations among Bitcoin Users*. Paper presented at the ACM CHI Conference, May 7, San Jose.
- Kim T. (2017) On the Transaction Cost of Bitcoin. *Finance Research Letters*, vol. 23, pp. 300–305. Available at: <https://www.journals.elsevier.com/finance-research-letters> (accessed 1 November 2018).
- Malanov A. (2017) *Shest' mifov o blokcheyne i Bitkoynе, ili pochemu eto ne takaya uzh effektivnaya tekhnologiya* [6 Myths about Bitcoin and Blockchain or Why This Technology Is Not So Effective]. *Habr* (Internet Forum). Available at: <https://habr.com/company/kaspersky/blog/336036> (accessed 1 November 2018) (in Russian).
- Preimushchestva i nedostatki kriptovalyut [Cryptocurrency Advantages and Disadvantages] (2017) *Utmagazine.ru* (Cryptocurrency News Website). Available at: <https://utmagazine.ru/posts/21202-preimushchestva-i-nedostatki-kriptovalyut> (accessed 1 November 2018) (in Russian).
- Prosto i naglyadno: Pochemu kolichestvo bitkoinov konechno [Simple and Clear: Why the Number of Bitcoins is Limited] (2017) *Golos.io* (Cryptocurrency News Website). Available at: <https://golos.io/ru--bitkoin/@uanix/prosto-i-naglyadno-pochemu-kolichestvo-bitkoinov-konechno> (accessed 1 November 2018) (in Russian).
- Rabovoluk Y. (2018) *Osnovy lichnoy kiberbezopasnosti* [The Basics of Cybersecurity]. Presented at HSE Open Lecture Hall at 16th of May, 2018 in Lecture Hall “Zil”. Available at: <https://hselectorium.timepad.ru/event/689406> (accessed 1 November 2018) (in Russian).
- Shmirova V. (2017) *Minfin: v 2018 godu v Rossii legalizuyut bitkoiny* [The Ministry of Finance: Russia Will Legalize Bitcoins in 2018]. *Cnews.ru* (Cryptocurrency News Website). Available at: http://www.cnews.ru/news/top/2017-04-12_v_2018_g_v_rossii_legalizuyut_bitkoiny (accessed 1 November 2018) (in Russian).
- Siddiq H. (2015) The Routes to Chaos in the Bitcoins Market. *Review of Business and Economics Studies*, vol. 3, no 3, pp. 32–39.
- Sonin K. (2017) *Bitkoin kak finansovaya piramida* [Bitcoin as a Financial Pyramid]. *Vedomosti* (News Website). 30 July. Available at: <https://www.vedomosti.ru/opinion/columns/2017/07/31/727052-bitkoin-piramida> (accessed 1 November 2018) (in Russian).
- Suberg W. (2017) *Bitcoin User Base Doubling Every 12 Months: Google Trends*. *Cointelegraph* (Cryptocurrency News Website). Available at: <https://cointelegraph.com/news/bitcoin-user-base-doubling-every-12-months-google-trends> (accessed 1 November 2018).
- Sztompka P. (2015) *Doveriye — osnova obshchestva* [Trust — The Basis of Society] (rus. transl. from polish by N. Morozova), Moscow: Logos (in Russian).
- Trubnikova E. (2014) *Kriptovalyuta: instrument tenevykh skhem ili denezhnaya sistema svobodnogo obshchestva* [Cryptocurrency: A Tool for Shadow Schemes or the Monetary System of a Free Society]. *Vestnik SGU. Upravleniye i ekonomika = Vestnik of Samara University. Economics and Management*, no 6 (117). Available at: <http://vestnik.samsu.ru> (accessed 1 November 2018) (in Russian).

Zobin S. (2016) Stalo izvestno, skol'ko platyat geimeram za polozhitel'nyye obzory igr v Steam [Information Revealed about How Much Gamers are Paid for Positive Reviews of Games in Steam]. *Gamebomb* (Gaming News Website). Available at: <http://gamebomb.ru/gbnews/15470> (accessed 1 November 2018) (in Russian).

Received: October 17, 2018

Citation: Baranov I. (2018) Konstruirovaniye doveriya na rossiyskom rynke kriptovalyut [Creation of Trust in the Russian Cryptocurrency Market]. *Journal of Economic Sociology = Ekonomicheskaya sotsiologiya*, vol. 19, no 5, pp. 90–112. doi: 10.17323/1726-3247-2018-5-90-112 (in Russian).

ПРОФЕССИОНАЛЬНЫЕ ОБЗОРЫ

Л. В. Земнухова

Социальные исследования технологий: эволюция и взаимодействие подходов¹

ЗЕМНУХОВА Лилия Владимировна — кандидат социологических наук, научный сотрудник Центра исследований науки и технологий (The Center for Science and Technology Studies — STS) Европейского университета в Санкт-Петербурге, старший научный сотрудник Социологического института РАН — филиала Федерального научно-исследовательского социологического центра (ФНИСЦ) РАН. Адрес: Россия, 190005, Санкт-Петербург, 7-я Красноармейская ул., д. 25/14.

Email: l.zemnukhova@gmail.com

Цифровые технологии внедряются в практику пользователей, сталкиваясь на своём пути с множественными барьерами. Процесс производства и распространения технологий и инноваций находится в фокусе внимания двух дисциплинарных направлений — исследования инноваций (innovation studies — IS) и исследования науки и технологий (science and technology studies — STS). Ранние IS концентрировались на изучении диффузии, то есть распространения, инноваций, пересматривая моделирование этого процесса от линейной к интерактивной перспективе, основываясь на количественных данных и принимая во внимание институциональные взаимодействия. STS как зонтичное направление социальных исследований технологий и технонауки предлагали несколько разных подходов, помогающих выявить основные напряжения и препятствия в этом процессе. Например, направление, ставшее известным как социальное конструирование технологий (Social Construction of Technology — SCOT), концентрировало своё внимание на роли пользователей и групп в вопросах производства и развития технологий, исходя из реципрокности их взаимодействия (Тревор Пинч, Вибе Бейкер). Сторонники акторно-сетевой теории (Actor-Network Theory — ANT) разрабатывали концепции социотехнических систем и фреймов, чтобы выявить детали использования и «путешествия» технических объектов в сложных сетях отношений (Мадлен Акриш, Патрис Флиши). На пересечениях IS и STS рождаются более комплексные модели и концепции, такие как социотехнические конфигурации, где социальные отношения придают смысл технологическим артефактам (Ари Рип, Рене Кемп). В данном обзоре представлены примеры и классических работ этих дисциплинарных направлений, и конкретных попыток концептуализировать социотехнические аспекты распространения инноваций.

Ключевые слова: исследования науки и технологий; исследования инноваций; распространение инноваций; пользователи; социотехнические конфигурации; технологическое развитие.

Введение

Социальные эффекты развития технологий становятся всё более актуальной темой исследований. В России это связано не только с повсеместным распространением технологий среди пользователей, но и с национальной научно-технической повесткой — переходом на цифровую экономику. Про-

¹ Статья написана при поддержке гранта Российского научного фонда (проект РНФ № 17-78-20164) «Социотехнические барьеры внедрения и использования информационных технологий в современной России: социологический анализ».

цесс цифровизации, с одной стороны, происходит технически, материально, но с другой стороны — дискурсивно: стало общим местом подчёркивать тот факт, что мы уже давно живём в цифровом мире и цифровой среде. На практике «оцифровывание» происходит очень медленно и сложно. Так называемая цифровая революция — это неравномерный процесс с большим количеством чёрных ящиков и непредсказуемых последствий, в котором пользователи играют важную роль. Чем более распространёнными эти технологии становятся, тем больше возникает социальных ситуаций и взаимодействий, в которых технологии оказываются непосредственными участниками. Один из возможных способов изучения цифровизации состоит в том, чтобы деконструировать процесс распространения технологий и инноваций. Эта статья представляет собой обзор методологических перспектив, которые позволяют охватить комплексность этого процесса.

Социальные исследования развития и распространения технологий укоренены в традициях двух дисциплин, которые очень по-разному подходят к предмету и преследуют разные задачи, — это исследования инноваций (*innovation studies* — IS), которые главным образом использовались для обоснования политических решений, и исследования науки и технологий (*science and technology studies* — STS), которые объединили направления, изучающие взаимодействие науки и технологий и общества. IS опираются на ресурсы экономики и экономической социологии, используют экономическое моделирование, изучая большие системы производства и распространения инноваций. IS включают и более социологические подходы, которые рассматривают инновации в контексте социальной структуры и её влияния на инновационную деятельность [Sharif 2005]. При этом акторами могут быть не только люди, но и компании, сети и институты. В свою очередь, STS предпринимают попытки более подробного изучения создания и трансфера знаний и артефактов.

В данной работе я представлю, как развивались социальные исследования технологий и инноваций и какие подходы возникли в результате междисциплинарных взаимодействий. Основное внимание уделено эволюции области IS, поскольку именно эти исследования влияли на научно-техническую политику в зависимости от представлений о том, как происходит распространение инноваций. Задача данного обзора состоит в том, чтобы проследить, как в повестке IS появлялись социальные аспекты развития технологий, как фокус смещался в сторону акторов. Не претендуя на полноценное описание IS, я представлю те концепции, которые помогают реконструировать общую логику исследований инноваций, в которой постепенно появляются пользователи, а инновации становятся социотехническим процессом. Одним из выходов стала интеграция привычных экономических моделей и антропологически ориентированных социальных исследований технологий, которые активно развивались в традиции STS со свойственным этому направлению вниманием к деталям и пользователям. Я приведу лишь несколько примеров того, какие возникали гибридные исследования технологий, объединяющие разные идеи IS и STS. Логика повествования связана с задачей показать примеры и классических работ в дисциплинарных направлениях, и конкретных попыток концептуализировать социотехнические аспекты.

Ранние исследования инноваций

IS как сложившееся направление по вопросам экономики, политики и управления инновациями закрепили за собой право отвечать на вопросы о том, как происходит технологическое развитие. Я не ставлю перед собой задачу детального описания эволюции дисциплины, но постараюсь показать, как и почему IS стали основными монополистами в этих объяснениях, а также какими ограничениями характеризуется их подход. Исследователи инноваций в попытках преодолеть эти ограничения использовали ресурсы из смежных областей, в том числе из экономической социологии. IS сегодня представляют собой набор сосуществующих подходов и направлений — какие-то пересекаются, какие-то развиваются параллельно. Идеи и модели, которыми пользуются исследователи, постоянно пересматриваются и обретают новые прочтения. В данной части мы рассмотрим доминирующие направления в области

IS — теории, уровни, подходы, некоторые особенности их использования, а также практический выход, поскольку исследования этой области часто ложатся в основу рекомендаций для формирования научно-технологической политики. Для контраста обратимся далее к примерам подходов STS с отличающим их вниманием к пользователям.

Линейное развитие инноваций

Первыми конкурирующими теориями в исследованиях инноваций стали две модели — *science-push* (научный толчок, или предложение научных результатов) и *market-pull* (рыночный спрос) [Kamien, Schwartz 1975; Nelson, Winter 1977; Freeman 1979; Rothwell 1992; Hacking 2013]. Обе модели представляют инновационное развитие как линейный процесс. Сторонники модели *science-push*, которую также называют *technology-push* (технологический толчок), считают, что появление, распространение и массовое производство технологий обеспечиваются открытиями и разработками в научной сфере. Ориентируясь на такое представление о технологическом развитии, исследователи уделяют внимание академической мобильности, финансированию исследований и разработок в академии и снижению налогов на такую деятельность в индустрии.

Модель рыночного спроса — *market-pull*, или *demand-pull* — также является линейной и рассматривает рынок или спрос в качестве основного двигателя развития. В центре внимания исследователей оказываются правовые и экономические аспекты технологического развития через усиление рыночных механизмов: защита интеллектуальной собственности, кредиты и налоговые льготы для потребителей, особое регулирование, усиление конкуренции.

Критика обеих теорий сводилась к тому, что представление о научно-техническом развитии как линейном процессе существенно ограничивает возможности анализа того, как действительно распространяются инновации. Так, в инновационном развитии одновременно имеют значение и научные разработки, и рыночный спрос, но процесс усложняется из-за других, нелинейных факторов, таких как действия и конфликты акторов и групп интересов, организации и коалиции, неравномерность развития по разным регионам, секторам. При пересмотре этих направлений первая модель (*science-push*) быстро столкнулась с ограничениями, а вторая (*market-pull*), наоборот, стала использоваться как элемент новых, более сложных концепций — о них речь пойдёт в следующем разделе.

Идея рассмотренных двух моделей состояла в том, чтобы найти общие объяснения тому, как работает наука, куда идут инновации и кто отвечает за технологическое развитие. Ранние исследователи инноваций, скорее, определяли направления их развития, которые выходят из академии или же зависят от рыночного спроса. Однако более поздние исследования показали, что недостаточно концептуализировать технологическое развитие как линейный процесс [Godin, Lane 2013], поскольку инновации — это результат множественных взаимодействий разных типов акторов [Dosi 1982]. Поворот к интерактивности ознаменовал появление следующего поколения моделей инновации [Nicolov, Vadulescu 2012].

Интерактивные модели развития инноваций

Вместо линейного рассмотрения инновационного процесса возникли новые направления, связанные в первую очередь с масштабами и разными участниками инновационной деятельности. Основными масштабами, по поводу которых ведётся исследовательский и политический спор, стали национальный, региональный, секторальный и технологический. Следует отметить, что разные подходы сосуществуют параллельно и имеют в большей степени прикладное значение для формирования и реализации научно-технической политики в области инноваций.

На уровне государства речь идёт о *национальной* инновационной системе (НИС; National Systems of Innovation — NSI), в которой внимание уделяется национальным преимуществам и возможностям [Lundvall 1992; Niosi et al. 1993]. НИС включает сеть институтов публичной и частной сфер. Эти институты участвуют в производстве и распространении новых технологий, способствуют их модификации [Freeman 1987; Nelson 1993; Edquist 1997]. Иначе говоря, институтами могут оказываться и образовательные учреждения, и бизнес, и государственные структуры [Archibugi, Michie 1997]. В России, например, в эту систему входят, среди прочего, институты развития и пространства вроде инкубаторов. Эта модель, развитая в 1990-х гг., постоянно пересматривается и подстраивается под каждый новый национальный аспект [Nelson 1993]. Но она не является самодостаточной, поскольку инновационный процесс представляет собой не только ту область деятельности, которая контролируется и стимулируется государством. В этом подходе исключаются микровзаимодействия и те решения, которые принимаются за пределами государственного регламента и распознаваемой на официальном уровне инновационной инфраструктуры.

Национальные инновационные системы далеко не всегда объясняют, что происходит в отдельных регионах, почему где-то инновации развиваются лучше, а где-то хуже, и как вообще складываются локальные системы с успешными или провальными попытками создать инновационную экосистему. Одним из ответов на эти ограничения стала концепция *региональных* инновационных систем (РИС) — Regional Systems of Innovation (RSI), в которых фокус делается на более мелких, чем на национальном уровне, игроках [Cooke 1992; Varaczyk, Heidenreich 1996]. Здесь рассматриваются инициативы, которые поддерживают системы на разных стадиях развития, но в масштабах регионов. Упор делается на объединения и коалиции игроков, особенно в отсутствие чёткой правовой базы для инновационного развития, но которые, например, поддерживали бы доступную налоговую систему и региональные политики, вовлекали местные институты и индивидуальных игроков научно-технической сферы [Acs 1999]. В формировании РИС поддерживаются предпринимательские инициативы и эксперименты, локальная политика способствует стратегическому развитию и приоритетным направлениям в регионах, но в фокус внимания не попадают различия по разным направлениям научного и технологического производства, то есть инновационная система воспринимается как комплексная и равномерная вне зависимости от рыночных направлений.

Не всегда, однако, можно объяснить инновационное развитие, опираясь на происходящее в регионах. *Секторальные* системы инноваций (ССИ) — Sectoral Systems of Innovation (SSI) были предложены в качестве альтернативы, как более работающие системы, где складываются особые условия для последующего инновационного производства [Carlsson 1995]. Инвестиционная политика в этом случае поддерживает промышленные направления — от научных исследований в определённых направлениях до прикладных разработок, включая попытки интеграции знаний из академической сферы [Breschi, Malerba 1997]. Кроме того, исследователи делают ставку не только на сами технологические процессы, но и на нетехнологические инновации — развитие инновационной культуры, укрепление горизонтальных связей по кластерам в рамках тех же или смежных областей производства. Ограничения этой перспективы заключаются в том, что в рамках одного сектора у акторов могут быть разные степени вовлечённости в производство инноваций, причём их роль зависит от конфигурации локальных и региональных игроков с их интересами.

Во всех предыдущих моделях практически не учитываются общество и последствия развития инноваций для социального развития, а также роль пользователей в создании и распространении инноваций или даже повседневность учёных и инженеров. Технологический и экономический детерминизм привёл к необходимости пересмотреть базовые модели инновационных систем, и в качестве новой альтернативы были предложены *технологические* инновационные системы (ТИС) — Technological Innovation Systems (TIS), которые предполагают, скорее, точечные инициативы [Carlsson 1995]. Распространение

знания и инноваций, поддержка новых экспериментов и приложений, попытка развития стандартов требуют новых политик для фирм по поддержке исследований и образования. Институционализированная в рамках исследований инноваций в 1990-е гг. в Швеции концепция ТИС означала «сети агентов, взаимодействующих в специфической технологической сфере в условиях конкретной институциональной инфраструктуры в целях создания, распространения и использования технологий» [Carlsson, Stankiewicz 1991: 21]. Важный аспект этого подхода был в том, что развитие технологий вызывают социальные изменения на любых уровнях — политики, промышленности, пользовательских практик [Hekkert et al. 2007]. В подходе акцент делается на том, что в технологическом процессе и в процессе разработки новых технологий следует учитывать институциональные изменения и потребности пользователей, их вовлечённость в процесс производства и распространения технологий [Jacobsson, Johnson 2000].

Внимание к пользователям в исследованиях науки и технологий

Пока IS занимались конструированием объяснительных моделей через обезличенные и абстрактные понятия (такие как рынок, наука, институты), исследования науки и технологий (STS) уделяли внимание разработчикам, пользователям, их взаимодействиям на разных этапах производства и распространения технологий. Так, исследователи направления «социальное конструирование технологий» (Social Construction of Technology — SCOT) дали голос пользователям в разработке технологий, показав их влияние, участие, преобразование конкретных технологий даже после их стабилизации. Исследователи SCOT обращаются к разным категориям пользователей, таким как релевантные группы, активные пользователи, потребители, граждане и даже не-пользователи [Oudshoorn, Pinch 2003]. Каждая из этих категорий накладывает определённую перспективу на развитие технологий, выделяя специфические политические, экономические, культурные и социальные черты. Переопределение пользователей через эти контексты помогает определить нужды, позиции, навыки, обратную связь пользователей и их практики. Соединение пользователей и производителей — ещё один шаг в сторону понимания того, как работают вещи в технологическом развитии. Взаимное оформление технологий, участие пользователей на ранних этапах, быстрая обратная связь и кооперация — это элементы социотехнических ансамблей [Bijker 1995], где вырабатываются общее понимание, придание смысла, понимание значения и координации усилий.

Некоторые аспекты этих продолжающихся взаимодействий пользователей и технологий также развиваются в рамках акторно-сетевой теории (Actor-Network Theory — ANT). Инновации как социотехническая система очень гетерогенны и направлены на установление отношений между разными элементами [Akrich 1992]. ANT предлагает понятие «инскрипция» для определения того, что уже заложено в артефакт, и для понимания того, как артефактом пользоваться. Это помогает распознать барьеры на ранних этапах производства технологий и анализировать встроенные модели, их возможности и ограничения. Более того, есть определённые способы, которыми производители пытаются дисциплинировать будущих пользователей [Thévenot 1993]. Например, они не просто навязывают нормы лучшего использования, но и проектируют артефакт с материальными ограничениями и устанавливают препятствия для неправильного использования. Постепенно внимание к пользователям вошло в исследовательскую повестку и стало значимым для принятия не только технологических, но и политических решений.

Гибридные исследования технологий

Интерес к социальным последствиям технологического развития усилился в 1990-х гг. на фоне ресурсных кризисов и экологических проблем. В центре внимания оказалась концепция устойчивого развития [Kemp, Soete 1992; Freeman 1996]. Появились модели инноваций в системах, или систем инноваций (*Systems Innovation*), которые теперь основывались на концепции устойчивых трансформаций

(*sustainability transitions*) [Hacking 2013]. Это направление исследований родилось на стыке IS и STS, сформировав гибридное представление о том, что такое инновационное развитие и как «должны» развиваться технологии. В результате некоторые исследователи, а именно Рене Кемп (René Kemp), Ари Рип (Arie Rip), Йохан Шот (Johan Schot), Франк Джилс (Frank Geels), включили идеи STS в развитие концепций социотехнических трансформаций [Martin 2013]. Хотя такие идеи были восприняты не сразу, поскольку предполагали принципиально иные принципы построения моделей с учетом многих мало прогнозируемых и почти не квантифицируемых факторов, возник широкий резонанс на тему социального воздействия технологий, и теперь деятельность разработчиков требовала публичной отчётности, ответственных инноваций, открытого принятия решений, возможности вовлечения разных сообществ и участников, даже не имеющих прямого отношения к области производства инноваций [Hellström 2003]. Так, например, сформировалось направление, известное как ELSI (Ethical, Legal and Social Issues) — этические, юридические и социальные последствия развития инноваций [Stirling 2012], хотя в последнее время его также критикуют за технократическое использование, скорее, для легитимации своей деятельности, а не действительной реализации социальной ответственности. Исследователи инноваций сегодня призывают кооперироваться со специалистами STS, то есть направления, в котором есть более проработанная и обоснованная традиция включения участников и пользователей на самых ранних этапах производства инноваций.

Парадигма устойчивых трансформаций включила те направления, где определённое внимание уделялось, в первую очередь, социальным, а не технологическим аспектам инновационного развития [Panetti et al. 2018] — управлению ими [Raven 2007; Grin, Rotmans, Schot 2010; Loorbach 2010] и приданию им смысла [Smith, Stirling, Berkhout 2005; Geels, Schot 2007]. Экономические, технологические, пользовательские, рыночные аспекты в прикладном аспекте учитывались в новых направлениях, таких как менеджмент стратегических ниш (Strategic Niche Management — SNM), менеджмент трансформаций (Transition Management — TM) и многоуровневый подход (Multi-Level Perspective — MLP), которые стали знаковыми для объединения эвристических ресурсов STS и IS и востребованными в академическом сообществе и среди практиков и чиновников.

Менеджмент стратегических ниш (Strategic Niche Management — SNM)

SNM стал известен как модель Кемпа—Джилса [Hacking 2013] — эволюционного экономиста Рене Кемпа и историка и философа науки Франка Джилса, которые в дальнейшем развивали менеджмент трансформаций и многоуровневый подход соответственно. Модель SNM сформулировал в 1990-е гг. в Нидерландах Ари Рип. Его целью было переместить фокус инновационных исследований от общего процесса к более глубокому взгляду на технологическое развитие как результату взаимодействия технологий и общества, в котором сталкиваются и сосуществуют разные акторы [Panetti et al. 2018]. Во главу угла становятся технологические *режимы* с их переходами и переключениями. Условия, при которых эти переходы становятся возможными, включают взаимосвязи между техническим развитием, социальными аспектами и менеджментом, позитивное восприятие технологий пользователями, технические изменения в смежных областях новой технологии, ожидания относительно рыночного потенциала технологии [Kemp, Schot, Hoogma 1998: 183]. Распространение новых технологий в повседневности пользователей постепенно влияет на структурные и институциональные изменения, что приводит к закреплению их востребованности на рынке и в повестке научно-технологического развития, это, в свою очередь, позволяет развивать дополнительные и смежные технологии и менять управленческие принципы практики [Kemp, Schot, Hoogma 1998]. Чтобы ниши влияли на изменение режимов, необходимо было добиваться участия гражданского общества и опираться на его возможности по части сопровождения устойчивых трансформаций [Smith 2007; Seyfang, Haxeltine 2012; Berry, Davidson, Saman 2013; Slayton, Spinardi 2016]. В этой модели между производством и использованием технологий предполагается баланс, который уравнивается благодаря таким типам деятельности,

как обучение и легитимация. Отдельные усилия направляются на социополитическую и когнитивную работу по легитимации технологии [Park 2007], то есть переключения режимов происходят через изменения ниш, в которых распространяются социотехнические практики [Schot, Hoogma, Elzen 1994; Hoogma et al. 2002; Smith 2007; Schot, Geels 2008; Quitzau, Hoffmann, Elle 2012].

В инновационном процессе участвуют разные социотехнические структуры и акторы, и между ними возникают конфликты. В задачи SNM входит выявление таких потенциальных конфликтов при внедрении новых технологий, особенно когда речь идёт о радикальных нововведениях. Важную роль здесь играют научно-технологическая политика и её возможности создавать защищённые условия для инноваций [Kemp, Schot, Hoogma 1998]. Таким образом, появляются и развиваются новые ниши, часть из них может в дальнейшем создавать условия для развития технологических режимов, которые предполагают широкую пользовательскую аудиторию, её адаптацию к новым технологиям.

Менеджмент трансформаций (Transition Management — TM)

Модель TM также развивалась в Нидерландах Рене Кемпом, который делал фокус на инструментах технической политики, чтобы повлиять на более устойчивые траектории изменений [Kemp 1994]. TM основан на многоуровневой модели, но, в отличие от SNM, которая принимает технологию в качестве отправной точки, первичными в этом случае оказываются социетальные системы. Так, центральным понятием становится «транзитная зона». Именно в ней складываются особые условия для облегчения взаимодействия разных участников технологического развития, стимулируются обмен знаниями и обучение. Это нишевая структура, где через процессы обучения и экспериментирования формируются операциональные элементы и развивается повестка [Loorbach 2010; Voß 2014]. В рамках этой концепции решения принимаются через создание и распространение стратегии развития и дорожных карт с использованием методов структурирования противоречивых систем взглядов, которые приводят к формированию и укреплению технологических режимов. Типичные стратегии — это оценки рисков, технологические оценки и мониторинг эффектов для снижения неопределённостей, связанных с долгосрочными эффектами технологий. Модель направлена на преодоление социотехнических барьеров, связанных в первую очередь с необходимостью привносить новые типы технологических изменений и последующую нормативность. Итоговая цель — поддержание устойчивого развития [Kemp 1994].

Многоуровневый подход (Multi-Level Perspective — MLP)

Франк Джилс предлагает ещё более проработанную теорию, которая предполагает глубокое понимание технологических изменений и переходов, включая и техноэкономические и социальные аспекты [Geels 2004]. MLP развивалась в Твенте (Нидерланды) на стыке эволюционной теории экономического развития и STS. Большое внимание в этом подходе уделяется нестабильности режимов и усилению ниш. На дестабилизацию режима могут оказывать влияние социально-экономические и политические факторы, которые позволяют новым нишам получить новые возможности и претендовать на смену режима [Kern 2012]. Также на общие тенденции в инновационной политике и инвестиционном климате влияют внутренние технические проблемы и их отношения с пользователями. Если обнаруживаются внешние эффекты (связанные, например, с негативным влиянием на здоровье или экологию), то пользователи могут воздействовать на дестабилизацию режима и смену повестки в области регулирования, что меняет пользовательские практики [Geels 2002] и вызывает более масштабные социотехнические трансформации [Geels, Schot 2010]. Кроме того, пользователи имеют возможность менять своё потребительское поведение в зависимости от макроэкономических факторов или политической ситуации. В укреплении же режимов способны активно участвовать отдельные компании, привлекающие сторонников в целях инновационного развития [Geels 2004]. Ниши развиваются, если инновации захватывают доли рынка, стабилизируется соотношение цены и качества, формируется круг заинтересо-

ванных участников, возникают ожидания дальнейшего развития и внедряются практики по обучению новым технологиям [Geels, Schot 2007]. В стимулирующие условия развития новых технологий входят не только традиционные экономические факторы или внешнеполитические обстоятельства, но и социотехнические драйверы, которые предполагают, например, усиление обратной связи между нишами, соотношение возможностей и ограничений технологий [Geels 2005].

Во всех трёх направлениях, очень схожих между собой, подчёркивается роль не только технологий и экономических факторов, но и связей между участниками процесса, социальных взаимодействий и социотехнические барьеры. Переключение между масштабами технологического развития — ландшафты, режимы, ниши — даёт возможность изучать акторов на разных уровнях. В каждом из уровней складываются свои расстановки сил и влияния, и каждый связан с другими и может усиливать барьеры. В отличие, например, от технологических инновационных систем, в этих моделях важны динамика преодоления барьеров и взаимовлияние, ориентация на устойчивые переходы и учёт социальных эффектов на окружающую среду, практики управления, группы пользователей. С этой точки зрения наиболее проработанной представляется концепция социотехнической конфигурации [Rip, Kemp 1998], позволяющая, с одной стороны, ухватить и удержать сложность технологического развития, а с другой, включающая социальные отношения, которые соединяют, используют и придают смысл технологическим артефактам.

Заключение

Пользователи постепенно стали рассматриваться как необходимая часть инновационного процесса с конца 1980-х гг. [Hippel 1988]. Их активная роль состояла не только в том, чтобы поставлять обратную связь и двигать рынок. Они также всё больше рассматривались как инноваторы [Bogers, Afuah, Bastian 2010]. Даже если пользователи не имеют достаточного понимания того, как работают технологии, они могут поднимать проблемы, требующие технологического решения. Этот аспект всё ещё значительно упускается из внимания исследователей инноваций и становится особенно востребованным в связи с повсеместным распространением технологий и разнообразием их пользователей.

Направления в рамках STS стремятся сохранять и большие масштабы технологического развития, и тонкие различия микровзаимодействий. Например, концепция социополитики использования [Vitalis 1994] объединяет идеи социотехнической конфигурации и репрезентации пользователей через понятие «логика», которое устанавливает связь между технологиями и людьми. Идея социотехнической конфигурации включает техническую и социальную логики, а идея репрезентации пользователей объединяет логики производства и использования [Boudourides 2001]. Более подробное изучение микровзаимодействий реализуется благодаря концепции социотехнических фреймов [Flichy 2007], которая фокусируется на том, как производители, пользователи и другие группы выстраивают сети взаимодействий со стабильными паттернами, влияющими на технологическое развитие.

Этот обзор был представлен для того, чтобы оценить сложности концептуализации научно-технического и инновационного развития. Задача состояла в том, чтобы проследить эволюцию исследований инноваций, подходов к изучению распространения технологий и, в частности, того, как исследовательский фокус переключался на пользователей и социотехнические аспекты инноваций. Обзор показывает, что готового инструментария для такого анализа нет, он требует обширной разработки. Для исследователей и практиков это означает необходимость принимать во внимание сложности и особенности предыдущих исследований IS и тех концепций, которые родились в результате междисциплинарного взаимодействия IS и STS.

Литература

- Acs Z. (ed.) 1999. *Regional Innovation, Knowledge and Global Change*. London: Cassell.
- Akrich M. 1992. The De-Description of Technical Objects. In: Bijker W. L. J. (ed.) *Shaping Technology/Building Society: Studies in Sociotechnical Change*. Cambridge, MA: MIT Press; 205–224.
- Archibugi D., Michie J. 1997. Technological Globalisation or National Systems of Innovation? *Futures*. 29 (2): 121–137.
- Baraczyk H., Cooke P., Heidenreich P. (eds) 1996. *Regional Innovation Systems*. London: University of London Press.
- Berry S., Davidson K., Saman W. 2013. The Impact of Niche Green Developments in Transforming the Building Sector: The Case Study of Lochiel Park. *Energy Policy*. 62: 646–655.
- Bijker W. E. 1995. Sociohistorical Technology Studies. In: Jasanoff S. et al. (eds) *Handbook of Science and Technology Studies*. Thousand Oaks, CA; London; New Delhi: Sage; 229–256.
- Bogers M., Afuah A., Bastian B. 2010. Users as Innovators: A Review, Critique, and Future Research Directions. *Journal of Management*. 36 (4): 857–875.
- Boudourides M. A. 2001. The Politics of Technological Innovations: Network Approaches. In: *Conference Proceedings: International Summer Academy on Technology Studies: User Involvement in Technological Innovation*. Deutschlandsberg, Austria; July 8–13; 31–41.
- Breschi S., Malerba F. 1997. Sectoral Innovation Systems. In: Edquist C. (ed.) *Systems of Innovation: Technologies, Organisations and Institutions*. London: Pinter Publishers / Cassell Academic; 130–156.
- Carlsson B. (ed.) 1995. *Technological Systems and Economic Performance: The Case of Factory Automation*. Dordrecht: Kluwer.
- Carlsson B., Stankiewicz R. 1991. On the Nature, Function and Composition of Technological Systems. *Journal of Evolutionary Economics*. 1 (2): 93–118.
- Clarke A., Fujimura J. 1992. *The Right Tools for the Job: At Work in Twentieth-Century Life Sciences*. Princeton: Princeton University Press.
- Cooke P. 1992. Regional Innovation Systems: Competitive Regulation in the New Europe. *Geoforum*. 23 (3): 365–382.
- Dosi G. 1982. Technological Paradigms and Technological Trajectories: A Suggested Interpretation of the Determinants and Directions of Technical Change. *Research Policy*. 11 (3): 147–162.
- Edquist C. (ed.) 1997. *Systems of Innovation: Technologies, Organisations and Institutions*. London: Pinter Publishers / Cassell Academic.
- Flichy P. 2007. *Understanding Technological Innovation. A Socio-Technical Approach*. Northampton: Edward Elgar Publishing.

- Freeman C. 1979. The Determinants of Innovation: Market Demand, Technology, and the Response to Social Problems. *Futures*. 11 (3): 206–215.
- Freeman C. 1987. *Technology Policy and Economic Performance: Lessons from Japan*. London; New York: Frances Pinter Publishers.
- Freeman C. 1996. The Greening of Technology and Models of Innovation. *Technological Forecasting & Social Change*. 53 (1): 27–39.
- Geels F. W. 2002. Technological Transitions as Evolutionary Reconfiguration Processes: A Multi-Level Perspective and a Case-Study. *Research Policy*. 31 (8): 1257–1274.
- Geels F. W. 2004. From Sectoral Systems of Innovation to Socio-Technical Systems: Insights about Dynamics and Change from Sociology and Institutional Theory. *Research Policy*. 33 (6–7): 897–920.
- Geels F. W. 2005. Processes and Patterns in Transitions and System Innovations: Refining the Co-Evolutionary Multi-Level Perspective. *Technological Forecasting and Social Change*. 72 (6): 681–696.
- Geels F. W., Schot J. 2007. Typology of Sociotechnical Transition Pathways. *Research Policy*. 36 (3): 399–417.
- Geels F. W., Schot J. 2010. The Dynamics of Transitions: A Socio-Technical Perspective. In: J. Grin, J. Rotmans, J. Schot (eds) *Transitions to Sustainable Development: New Directions in the Study of Long Term Transformative Change*. London: Routledge; 11–104.
- Godin B., Lane J. P. 2013. Pushes and Pulls: Hi(S)tory of the Demand Pull Model of Innovation. *Science, Technology & Human Values*. 38 (5): 621–654.
- Grin J., Rotmans J., Schot J. 2010. *Transitions to Sustainable Development: New Directions in the Study of Long Term Transformative Change*. London: Routledge.
- Hacking N. 2013. Models of Innovation, Their Policy Implications and Hydrogen and Fuel Cells (HFCs) Literature: A Review. *EPSRC Supergen XIV: WP 4.2. Delivery of Sustainable Hydrogen. Working Paper 1*. Swindon, UK: Engineering and Physical Sciences Research Council (EPSRC).
- Hekkert M. P. et al. 2007. Functions of Innovation Systems: A New Approach for Analysing Technological Change. *Technological Forecasting and Social Change*. 74 (4): 413–432.
- Hellström T. 2003 Systemic Innovation and Risk: Technology Assessment and the Challenge of Responsible Innovation. *Technology in Society*. 25 (3): 369–384.
- Hippel E. von. 1988. *The Sources of Innovation*. New York: Oxford University Press.
- Hoogma R., Kemp R., Schot J., Truffer B. 2002. *Experimenting for Sustainable Transport: The Approach of Strategic Niche Management*. Abingdon: Taylor & Francis.
- Jacobsson S., Johnson A. 2000. The Diffusion of Renewable Energy Technology: An Analytical Framework and Key Issues for Research. *Energy Policy*. 28 (9): 625–640.

- Kamien M. I., Schwartz N. L. 1975. Market Structure and Innovation: A Survey. *Journal of Economic Literature*. 13 (1): 1–37.
- Kemp R. 1994. Technology and the Transition to Environmental Sustainability: The Problem of Technological Regime Shifts. *Futures*. 26 (10): 1023–1046.
- Kemp R., Schot J., Hoogma R. 1998. Regime Shifts to Sustainability Through Processes of Niche Formation: The Approach of Strategic Niche Management. *Technology Analysis & Strategic Management*. 10 (2): 175–198.
- Kemp R., Rip A., Schot J. 2001. Constructing Transition Paths Through the Management of Niches. In: Garud R., Karnoe P. (eds.) *Path Dependence and Creation*. Mahwah, NJ: Lawrence Erlbaum; 269–299.
- Kemp R., Schot J., Hoogma R. 1998. Regime Shifts to Sustainability Through Processes of Niche Formation: The Approach of Strategic Niche Management. *Technology Analysis & Strategic Management*. 10 (2): 175–198.
- Kemp R., Soete L. 1992. The Greening of Technological Progress: An Evolutionary Perspective. *Long Range Planning*. 24 (5): 437–457.
- Kern F. 2012. Using the Multi-Level Perspective on Socio-Technical Transitions to Assess Innovation Policy. *Technological Forecasting and Social Change*. 79 (2): 298–310.
- Loorbach D. 2010. Transition Management for Sustainable Development: A Prescriptive, Complexity-Based Governance Framework. *Governance*. 23 (1): 161–183.
- Lundvall B.-A. (ed.) 1992. *National Systems of Innovation. Towards a Theory of Innovation and Interactive Learning*. London: Pinter Publishers.
- Martin B. R. 2013. *Twenty Challenges For Innovation Studies*. Working Paper No. 443. Centre for Business Research, University of Cambridge. URL: https://www.cbr.cam.ac.uk/fileadmin/user_upload/centre-for-business-research/downloads/working-papers/wp443.pdf
- Nelson R. 1993. *National Innovation Systems: A Comparative Analysis*. New York: Oxford University Press.
- Nelson R. R., Winter S. G. 1977. In Search of Useful Theory of Innovation. *Research Policy*. 6 (1): 36–76.
- Nicolov M., Badulescu A. D. 2012. Different Types of Innovations Modeling. In: Katalinić B. (ed.) *Annals of DAAAM for 2012 & Proceedings of the 23rd International DAAAM Symposium: Zadar. 2012. October 24–27*. 23 (1). Vienna: DAAAM Internat; 1071–1074.
- Niosi J. et al. 1993. National Systems of Innovation: In Search of a Workable Concept. *Technology in Society*. 15 (2): 207–227.
- Oudshoorn N., Pinch T. 2003. *How Users Matter: The Co-Construction of Users and Technologies*. Cambridge: MIT Press.
- Panetti E. et al. 2018. What Drives Technology Transitions? An Integration of Different Approaches Within Transition Studies. *Technology Analysis & Strategic Management*. 30 (9): 1–22.

- Park S. 2007. *The Shaping of Niche Formation in Different National Innovation Systems: STI Policies for Strategic Niche Management in the Early Stages of the Hydrogen Energy Transition*. DPhil Dissertation. Brighton: SPRU Sussex; University of Sussex.
- Quitau M. B., Hoffmann B., Elle M. 2012. Local Niche Planning and its Strategic Implications for Implementation of Energy-Efficient Technology. *Technological Forecasting and Social Change*. 79 (6): 1049–1058.
- Raven R. 2007. Niche Accumulation and Hybridisation Strategies in Transition Processes Towards a Sustainable Energy System: An Assessment of Differences and Pitfalls. *Energy Policy*. 35 (4): 2390–2400.
- Rip A., Kemp R. 1998. *Technological Change*. Columbus, OH: Battelle Press.
- Rothwell R. 1992. Successful Industrial Innovation: Critical Factors for the 1990s. *R & D Management*. 22 (3): 221–240.
- Schot J., Geels F. 2008. Strategic Niche Management and Sustainable Innovation Journeys: Theory, Findings, Research Agenda, and Policy. *Technology Analysis & Strategic Management*. 20 (5): 537–554.
- Schot J., Hoogma R., Elzen B. 1994. Strategies for Shifting Technological Systems: The Case of the Automobile System. *Futures*. 26 (10): 1060–1076.
- Seyfang G., Haxeltine A. 2012. Growing Grassroots Innovations: Exploring the Role of Community-Based Initiatives in Governing Sustainable Energy Transitions. *Environment and Planning C: Government and Policy*. 30 (3): 381–400.
- Sharif N. 2005. Contributions from the Sociology of Technology to the Study of Innovation Systems. *Knowledge, Technology & Policy*. 17 (3–4): 83–105.
- Slayton R., Spinardi G. 2016. Radical Innovation in Scaling Up: Boeing's Dreamliner and the Challenge of Socio-Technical Transitions. *Technovation*. 47: 47–58.
- Smith A. 2007. Translating Sustainabilities between Green Niches and Socio-Technical Regimes. *Technology Analysis & Strategic Management*. 19 (4): 427–450.
- Smith A., Stirling A., Berkhout F. 2005. The Governance of Sustainable Socio-Technical Transitions. *Research Policy*. 34 (10): 1491–1510.
- Stirling A. 2012. Opening up the Politics of Knowledge and Power in Bioscience. *PLoS Biology*: 10 (1): 1–5.
- Thévenot L. 1993. Essai sur les objets usuels: Propriétés, fonctions, usages. In: Conein B., Dodier N., Thévenot L. (ed.) *Les objets dans l'action*. Paris: Ed. de l'EHESS (Raison pratique 4); 85–111.
- Vitalis A. 1994. *Médias et Nouvelles Technologies: Pour une Socio-Politique des Usages*. Rennes: Éditions Apogée.
- Voß J. P. 2014. Performative Policy Studies: Realizing 'Transition Management Innovation. *The European Journal of Social Science Research*. 27 (4): 317–343.

PROFESSIONAL REVIEWS

Liliia Zemnukhova

Social Studies of Technology: Evolution and Interaction of Approaches

ZEMNUKHOVA, Liliia — PhD in Sociology, Research Fellow, Center for Science and Technology Studies, European University at St. Petersburg; Senior Research Fellow, Sociological Institute of the Russian Academy of Sciences — the branch of the Federal Center of Theoretical and Applied Sociology of the Russian Academy of Sciences. Address: 7-ya Krasnoarmeyskaya Str., 25/14, St. Petersburg, 190005, Russian Federation.

Email: l.zemnukhova@gmail.com

Abstract

Digital technologies are being introduced into the practice of users and are being encountered with multiple barriers on their way. The process of production and diffusion of technology and innovations is the focus of attention in two disciplinary areas—innovation studies (IS) and science and technology studies (STS). The early IS focused on the diffusion of innovation, revising its modeling from a linear to an interactive perspective: they based studies on quantitative data and took into account institutional interactions. STS as an umbrella of social studies of technology and technoscience suggested several diverse approaches for identifying the main strains and obstacles in this process. For example, the area that has become known as social construction of technology (SCOT) focused on the role of users and groups in the production and development of technologies, based on the reciprocity of their interaction (Trevor Pinch; Wiebe Bijker). Representatives of actor-network theory (ANT) developed the concepts

of socio-technical systems and frames to reveal the details of the use and “travel” of technical objects in complex networks of relations (Madeleine Akrich; Patrice Flichy). At the intersections of IS and STS, more complex models and concepts are born, such as socio-technical configurations, where social relations give meaning to technological artifacts (Arie Rip, René Kemp). This review presents both examples of classic works in the mentioned disciplinary areas and specific attempts to conceptualize the socio-technical aspects of the diffusion of innovation.

Keywords: Science and Technology Studies; Innovation Studies; diffusion of innovation; users; socio-technical configurations; technological development.

Acknowledgements

The article is written with support of the Russian Science Foundation grant (RSF No. 17-78-20164) “Socio-technical barriers of the implementation and use of information technologies in Russia: sociological analysis.”

References

- Acs Z. (ed.) (1999) *Regional Innovation, Knowledge and Global Change*, London: Cassell.
- Akrich M. (1992) The De-Description of Technical Objects. *Shaping Technology/Building Society: Studies in Sociotechnical Change* (ed. W. L. Bijker), Cambridge, MA: MIT Press, pp. 205–224.
- Archibugi D., Michie J. (1997) Technological Globalisation or National Systems of Innovation? *Futures*, vol. 29, no 2, pp. 121–137.

- Baraczyk H., Cooke P., Heidenreich P. (eds) (1996) *Regional Innovation Systems*, London: University of London Press.
- Berry S., Davidson K., Saman W. (2013) The Impact of Niche Green Developments in Transforming the Building Sector: The Case Study of Lochiel Park. *Energy Policy*, vol. 62, pp. 646–655.
- Bijker W. E. (1995) Sociohistorical Technology Studies. *Handbook of Science and Technology Studies* (eds. S. Jasanoff, G. E. Markle, J. C. Petersen, T. Pinch), Thousand Oaks, CA; London; New Delhi: Sage, pp. 229–256.
- Bogers M., Afuah A., Bastian B. (2010) Users as Innovators: A Review, Critique, and Future Research Directions. *Journal of Management*, vol. 36, no 4, pp. 857–875.
- Boudourides M. A. (2001) The Politics of Technological Innovations: Network Approaches. *Conference Proceedings: International Summer Academy on Technology Studies: User Involvement in Technological Innovation*. Deutschlandsberg, Austria, July 8–13, pp. 31–41.
- Breschi S., Malerba F. (1997) Sectoral Innovation Systems. *Systems of Innovation* (ed. C. Edquist), London: Pinter Publishers / Cassell Academic, pp. 130–156.
- Carlsson B. (Ed.) (1995) *Technological Systems and Economic Performance: The Case of Factory Automation*, Dordrecht: Kluwer.
- Carlsson B., Stankiewicz R. (1991) On the Nature, Function and Composition of Technological Systems. *Journal of Evolutionary Economics*, vol. 1, no 2, pp. 93–118.
- Clarke A., Fujimura J. (1992) *The Right Tools for the Job: At Work in Twentieth-Century Life Sciences*, Princeton: Princeton University Press.
- Cooke P. (1992) Regional Innovation Systems: Competitive Regulation in the New Europe. *Geoforum*, vol. 23, no 3, pp. 365–382.
- Dosi G. (1982) Technological Paradigms and Technological Trajectories: A Suggested Interpretation of the Determinants and Directions of Technical Change. *Research Policy*, vol. 11, no 3, pp. 147–162.
- Edquist C. (ed.) (1997) *Systems of Innovation: Technologies, Organisations and Institutions*, London: Pinter Publishers / Cassell Academic.
- Flichy P. (2007) *Understanding Technological Innovation. A Socio-Technical Approach*, Northampton: Edward Elgar Publishing.
- Freeman C. (1979) The Determinants of Innovation: Market Demand, Technology, and the Response to Social Problems. *Futures*, vol. 11, no 3, pp. 206–215.
- Freeman C. (1987) *Technology Policy and Economic Performance: Lessons from Japan*, London; New York: Frances Pinter Publishers.
- Freeman C. (1996) The greening of technology and models of innovation. *Technological Forecasting & Social Change*, vol. 53, no 1, pp. 27–39.

- Geels F. W. (2004) From Sectoral Systems of Innovation to Socio-Technical Systems: Insights about Dynamics and Change from Sociology and Institutional Theory. *Research Policy*, vol. 33, no 8, pp. 897–920.
- Geels F. W. (2002) Technological Transitions as Evolutionary Reconfiguration Processes: A Multi-Level Perspective and a Case-Study. *Research Policy*, vol. 31, no 8, pp. 1257–1274.
- Geels F. W. (2005) Processes and Patterns in Transitions and System Innovations: Refining the Co-Evolutionary Multi-Level Perspective. *Technological Forecasting and Social Change*, vol. 72, no 6, pp. 681–696.
- Geels F. W., Schot J. (2007) Typology of Sociotechnical Transition Pathways. *Research Policy*, vol. 36, no 3, pp. 399–417.
- Geels F. W., Schot J. (2010) The Dynamics of Transitions: A Socio-Technical Perspective. *Transitions to Sustainable Development: New Directions in the Study of Long Term Transformative Change* (eds. J. Grin, J. Rotmans, J. Schot), London: Routledge, pp. 11–104.
- Godin B., Lane J. P. (2013) Pushes and Pulls: Hi(S)tory of the Demand Pull Model of Innovation. *Science, Technology & Human Values*, vol. 38, no 5, pp. 621–654.
- Grin J., Rotmans J., Schot J. (2010) *Transitions to Sustainable Development: New Directions in the Study of Long Term Transformative Change*, London: Routledge.
- Hacking N. (2013) *Models of Innovation, Their Policy Implications and Hydrogen and Fuel Cells (HFCs) Literature: A Review. EPSRC Supergen XIV: WP 4.2. Delivery of Sustainable Hydrogen. Working Paper 1*, Swindon, UK: Engineering and Physical Sciences Research Council (EPSRC).
- Hekkert M. P., Suurs R. A., Negro S. O., Kuhlmann S., Smits R. E. (2007) Functions of Innovation Systems: A New Approach for Analysing Technological Change. *Technological Forecasting and Social Change*, vol. 74, no 4, pp. 413–432.
- Hellström T. (2003) Systemic Innovation and Risk: Technology Assessment and the Challenge of Responsible Innovation. *Technology in Society*, vol. 25, no 3, pp. 369–384.
- Hippel E. von (1988) *The Sources of Innovation*, New York: Oxford University Press.
- Hoogma R., Kemp R., Schot J., Truffer B. (2002) *Experimenting for Sustainable Transport: The Approach of Strategic Niche Management*, Abingdon: Taylor & Francis.
- Jacobsson S., Johnson A. (2000) The Diffusion of Renewable Energy Technology: An Analytical Framework and Key Issues for Research. *Energy Policy*, vol. 28, no 9, pp. 625–640.
- Kamien M. I., Schwartz N. L. (1975) Market Structure and Innovation: A Survey. *Journal of Economic Literature*, vol. 13, no 1, pp. 1–37.
- Kemp R. (1994) Technology and the Transition to Environmental Sustainability: the Problem of Technological Regime Shifts. *Futures*, vol. 26, no 10, pp. 1023–1046.
- Kemp R., Schot J., Hoogma R. (1998) Regime Shifts to Sustainability Through Processes of Niche Formation: The Approach of Strategic Niche Management. *Technology Analysis & Strategic Management*, vol. 10, no 2, pp. 175–198.

- Kemp K. P., Rip A., Schot J. (2001) Constructing Transition Paths Through the Management of Niches. *Path Dependence and Creation* (eds. R. Garud, P. Karnoe), Mahwah, NJ: Lawrence Erlbaum, pp. 269–299.
- Kemp R., Soete L. (1992) The Ggreening of Technological Progress: An Evolutionary Perspective. *Long Range Planning*, vol. 24, no 5, pp. 437–457.
- Kern F. (2012) Using the multi-level perspective on socio-technical transitions to assess innovation policy. *Technological Forecasting and Social Change*, vol. 79, no 2, pp. 298–310.
- Loorbach D. (2010) Transition Management for Sustainable Development: A Prescriptive, Complexity-Based Governance Framework. *Governance*, vol. 23, no 1, pp. 161–183.
- Lundvall B.-A. (ed.) (1992) *National Systems of Innovation. Towards a Theory of Innovation and Interactive Learning*, London: Pinter Publishers.
- Martin B. R. (2013) *Twenty Challenges For Innovation Studies*. Working Paper No. 443. Centre for Business Research, University of Cambridge. Available at: https://www.cbr.cam.ac.uk/fileadmin/user_upload/centre-for-business-research/downloads/working-papers/wp443.pdf (accessed 11 November 2018).
- Nelson R. (1993) *National Innovation Systems: A Comparative Analysis*, New York: Oxford University Press.
- Nelson R. R., Winter S. G. (1977) In Search of Useful Theory of Innovation. *Research Policy*, vol. 6, no 1, pp. 36–76.
- Nicolov M., Badulescu A. D. (2012) Different Types of Innovations Modeling. *Annals of DAAAM for 2012 & Proceedings of the 23rd International DAAAM Symposium: Zadar. 2012. October 24–27*, vol. 23, no 1, Vienna: DAAAM Internat, pp. 1071–1074.
- Niosi J., Saviotti P., Bellon B., Crow M. (1993) National Systems of Innovation: In Search of a Workable Concept. *Technology in Society*, vol. 15, no 2, pp. 207–227.
- Oudshoorn N., Pinch T. (2003) *How Users Matter: The Co-Construction of Users and Technologies*, Cambridge: MIT Press.
- Panetti E., Parmentola A., Wallis S., Ferretti M. (2018) What Drives Technology Transitions? An Integration of Different Approaches Within Transition Studies. *Technology Analysis & Strategic Management*, vol. 20, no. 9, pp. 1–22.
- Park S. (2007) *The Shaping of Niche Formation in Different National Innovation Systems: STI Policies for Strategic Niche Management in the Early Stages of the Hydrogen Energy Transition* (DPhil Dissertation), Brighton: SPRU Sussex; University of Sussex.
- Quitau M. B., Hoffmann B., Elle M. (2012) Local Niche Planning and its Strategic Implications for Implementation of Energy-Efficient Technology. *Technological Forecasting and Social Change*, vol. 79, no 6, pp. 1049–1058.
- Raven R. (2007) Niche Accumulation and Hybridisation Strategies in Transition Processes Towards a Sustainable Energy System: An Assessment of Differences and Pitfalls. *Energy Policy*, vol. 35, no 4, pp. 2390–2400.

- Rip A., Kemp R. (1998) *Technological Change*, Columbus, OH: Battelle Press.
- Rothwell R. (1992) Successful Industrial Innovation: Critical Factors for the 1990s. *R & D Management*, vol. 22, no 3, pp. 221–240.
- Schot J., Geels F. (2008) Strategic Niche Management and Sustainable Innovation Journeys: Theory, Findings, Research Agenda, and Policy. *Technology Analysis & Strategic Management*, vol. 20, no 5, pp. 537–554.
- Schot J., Hoogma R., Elzen B. (1994) Strategies for Shifting Technological Systems: The Case of the Automobile System. *Futures*, vol. 26, no 10, pp. 1060–1076.
- Seyfang G., Haxeltine A. (2012) Growing Grassroots Innovations: Exploring the Role of Community-Based Initiatives in Governing Sustainable Energy Transitions. *Environment and Planning C: Government and Policy*, vol. 30, no 3, pp. 381–400.
- Sharif N. (2005) Contributions from the Sociology of Technology to the Study of Innovation Systems. *Knowledge, Technology & Policy*, vol. 17, no 3–4, pp. 83–105.
- Slayton R., Spinardi G. (2016) Radical Innovation in Scaling Up: Boeing's Dreamliner and the Challenge of Socio-Technical Transitions. *Technovation*, vol. 47, pp. 47–58.
- Smith A. (2007) Translating Sustainabilities between Green Niches and Socio-Technical Regimes. *Technology Analysis & Strategic Management*, vol. 19, no 4, pp. 427–450.
- Smith A., Stirling A., Berkhout F. (2005) The Governance of Sustainable Socio-Technical Transitions. *Research Policy*, vol. 34, no 10, pp. 1491–1510.
- Stirling A. (2012) Opening up the Politics of Knowledge and Power in Bioscience. *PLoS Biology*, vol. 10, no 1, pp. 1–5.
- Thévenot L. (1993) Essai sur les objets usuels: Propriétés, fonctions, usages [Essay on Everyday Objects: Properties, Functions, Uses]. *Les objets dans l'action* (eds. B. Conein, N. Dodier, L. Thévenot), Paris: Ed. de l'EHESS (Raison pratique 4), pp. 85–111 (in French).
- Vitalis A. (1994) *Médias et Nouvelles Technologies: Pour une Socio-Politique des Usages* [Media and New Technologies: For a Socio-Policy of Uses], Rennes: Éditions Apogée (in French).
- Voß J. P. (2014) Performative Policy Studies: Realizing Transition Management Innovation. *The European Journal of Social Science Research*, vol. 27, no 4, pp. 317–343.

Received: May 02, 2018

Citation: Zemnukhova L. (2018) Sotsialnye issledovaniya tekhnologiy evolyutsiya i vzaimodeystvie podkhodov [Social Studies of Technology: Evolution and Interaction of Approaches]. *Journal of Economic Sociology = Ekonomicheskaya sotsiologiya*, vol. 19, no 5, pp. 113–129. doi: 10.17323/1726-3247-2018-5-113-129 (in Russian).

НОВЫЕ КНИГИ

Н. В. Конрой

От этнографии организаций к анализу жизненных обстоятельств людей?

Рецензия на книгу: Rakopoulos Th. 2017. *From Clans to Co-Ops: Confiscated Mafia Land in Sicily*. New York; Oxford: Berghahn Books. 229 p.

КОНРОЙ Наталья Викторовна — кандидат исторических наук, научный сотрудник Лаборатории экономико-социологических исследований (ЛЭСИ) Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики». Адрес: 101000, Россия, г. Москва, ул. Мясницкая, д. 20.

Email: nconroy@hse.ru

В книге Сеодороса Ракопулоса используется антропологическое понятие «жизнеобеспечение», чтобы по-новому соединить три большие темы — мафии, антимafiaозного движения и кооперативизма. Несколько десятилетий мафия вызывает живой интерес у широкой публики, журналистов, социальных и гуманитарных исследователей — антропологов, социологов и политологов, историков и культурологов. На появление в 1980–1990-х гг. законодательной базы, регулирующей изъятие государством и дальнейшее использование собственности мафияозных кланов, заметно повлияли активистские движения. Именно поэтому анализ опыта создания на экспроприированных землях аграрных кооперативов сквозь призму низовых инициатив гражданского общества стал доминирующим. Однако Ракопулос, наблюдая в 2007 и 2009 гг. за работой четырёх антимafiaозных кооперативов в Западной Сицилии, пришёл к выводу, что, в отличие от администраторов, рабочих больше интересуют вопросы зарплаты и цены, чем идеологии и гражданского участия. Как те, кто работает на земле и находится ниже «низовых инициатив» в структуре кооператива, обходят идеологию, если она противоречит традиционным «моральным кодам»? Как они примиряют работу в антимafiaозном кооперативе с семьёй и со связями в местном сообществе, где невозможно занять нейтральную или незаинтересованную позицию по отношению к мафии? Как на городских менеджеров, борющихся с «плохим родством» местных рабочих, влияют их собственные семейные и дружеские круги? Последовательно рассматривая различные обстоятельства участников (семью, репутацию, соседство и проч.), воздействующие на их жизнеобеспечивающие практики, исследователь приходит к выводу, что ни среди рабочих, ни среди менеджеров нет тех, кто был бы свободен от локальных морально-этических норм и мог бы смотреть на работу кооператива глазами далекого государства. А значит, и сами политизированные кооперативы, вопреки собственной идеологии, не могут существовать как анклавные хороших хозяйственных практик.

Ключевые слова: антимafiaия; кооперативизм; законность; анклавность; жизнеобеспечение; укоренённость; этнография; Сицилия.

От мафии к антимафиозным кооперативам

Книга Сеодóроса Ракóпулоса, норвежского антрополога греческого происхождения, — это этнография сельскохозяйственных кооперативов. И даже если вы не ждёте ничего захватывающего от крестьянской повседневности, на эту монографию почти наверняка обратите внимание, увидев в названии, что местом полевой работы автора была Сицилия. Он проводил своё исследование в 2007 и 2009 гг.: как раз тогда, когда эксперимент по созданию в западных районах острова антимафиозных кооперативов на конфискуемых государством землях преступных кланов подстегнул и до этого заметный интерес журналистов, активистов гражданского общества, социальных исследователей к кооперативизму, мафии и самому региону.

Социальные кооперативы, относительно новое в Италии явление, стали для сторонников государственной политики законности (*legality*) оружием борьбы с мафией там, где её рутинное и повсеместное присутствие практически исключало возможность незаинтересованности или невовлечённости каждого. С принятием в 1982 г. закона Рогнони — Ла Торре и введением понятия «мафиозная организация», отличного от понятия «организованная преступность», государство получило право арестовывать, конфисковывать и передавать в ведение Министерства внутренних дел имущество, принадлежащее индивидам, состоящим в родственных или иных связях с мафией. Следующий шаг государство сделало в 1996 г., когда под давлением активистов негосударственной организации «Либерта» был принят закон, согласно которому МВД передавало конфискованное имущество муниципалитетам. Земли мафиозных кланов муниципалитеты сдавали в бесплатную долгосрочную аренду антимафиозным сельхозкооперативам, которые, по мнению «Либерты», наиболее полно отвечали требованию «надлежащего» социального использования, поскольку по Конституции кооперативы являлись некоммерческими организациями, поддерживаемыми государством. Активисты видели в аграрных кооперативах репрезентацию местного сообщества, заинтересованного в повышении законности. К 2012 г. на «освобождённых» землях Италии работали восемь таких предприятий; и четыре из них были созданы в западносицилийском районе, знаменитом своей мафиозной репутацией, которому Ракопулос дал вымышленное название «Спикко-Виллата». В 2000 г. для наблюдения и регулирования деятельности антимафиозных кооперативов в Спикко-Виллате был создан Консорциум прогресса и закона. В него входили как постоянные, так и выборные члены (чиновники МВД, юристы из Палермо, главы муниципалитетов и проч.). На откуп негосударственной «Либерте», не имевшей исполнительных функций, были отданы все вопросы продвижения и репрезентации антимафиозных кооперативов как коммунальных горизонтальных организаций труда. И Консорциум, и «Либерта» активно использовали риторику редистрибуции и справедливого государства, которое активно вмешивается в хозяйственную жизнь, чтобы вернуть идеализированному сообществу то, что было у него «украдено», хотя исторически в регионе был известен только один пример короткого коллективного владения землёй, относящийся к 1946 г. В какой мере официальное и активистское видение ситуации отвечало представлениям местных акторов — жителей региона, членов кооперативов, их семей? Как идеология антимафиозных сельхозпредприятий отличалась от практики различных участников? Сеодорос Ракопулос пытается ответить на эти и многие другие вопросы.

В первых главах книги автор знакомит читателя с историей крестьянского, кооперативного, антимафиозного движений и основными этапами послевоенной аграрной реформы. Он убедительно показывает непрерывность мафии как типа организации в регионе, этапы её трансформации и роль политических партий и движений страны (в особенности, компартии) в этом процессе, а также объясняет, когда и почему антимафия из средства превратилась в конечную цель сицилийского кооперативизма. Исследователь проводит тщательную инвентаризацию существующих подходов к изучению мафии и кооперативизма и объясняет читателю специфику антропологического видения этих явлений. При всей важности и необходимости такого экскурса нельзя не отметить, что в силу масштабности явлений и

богатства посвящённой им литературы на вводный обзор пришлось почти половина книги, и читателю, надеявшемуся на быстрое погружение в этнографию, придётся запастись терпением. Ситуацию несколько сглаживают небольшие виньетки и автоэтнографические размышления, которые Ракопулос встраивает в повествование.

Так, например, в главе 2 автор показывает, как превращение мафии в метафору организованной преступности повлияло на её изучение на родине. Он особо отмечает работы итальянских авторов (историков, социологов и др.), в которых прослеживается установка, называемая Ракопулосом «сицило-пессимизм». Приверженцы этой установки утверждают, что мафиозность «защита» в структуру южноитальянской семьи, и переводят обсуждение феномена в плоскость «традиции». Однако неитальянские авторы, в том числе антропологи, видят в мафии активных участников процесса политической, социальной и экономической модернизации. Для них мафия является гибкой и реляционной, сочетает жёсткость структуры и флюидность сети, и Сеодорос Ракопулос подчёркивает, что в его книге мафия — это современный и модернистский феномен, а термин «мафия» описывает и структуру, и сетевой хаб. Он активно пользуется шнайдеровскими понятиями «брокерский капитализм», «трансформирующий опыт», «отрасли защиты» (см.: [Schneider, Schneider 1976; 2008; 2011; Schneider 2002] и др.).

Мне показалось любопытным локальное заключение, к которому приходит автор в ходе более общих рассуждений о жестокости мафии. В Сицилии «ультрасовременная и биополитичная» мафия смешивается с институтами помощи, может подключаться к крестьянской борьбе, быть толерантной к антимафиозной кооперативизации, пребывать в лиминальности между иерархическими практиками и претензиями на равенство. Обращаясь к своим материалам, Ракопулос приводит в пример готовность активистов антимафиозного движения бесконечно обсуждать преступления мафии, чтобы представить её исключительно как форму доминирования и отделить от населения, оборвав все горизонтальные связи местных с мафией (р. 41), однако, как показывает исследователь, этот разрыв возможен только в теории.

По утверждению Ракопулоса, антимафиозное и кооперативное движения в сельской Сицилии прочно переплетены, и, возможно, поэтому идеологи кооперативизма часто совершают здесь ту же ошибку, что и активисты антимафии: они преуменьшают значение горизонтальных связей работников и рассматривают кооперативы исключительно как анклавные хорошие практик ведения хозяйственной деятельности. Учёный считает, что идея неомарксистов и анархастов о том, что в окружении неолиберализма анклавные кооперативы (при условии налаженной коммуникации) способны разрастаться и разъесть неолиберализм изнутри, при всей привлекательности не выдерживает проверки реальностью.

Автор книги уверен, что кооперативизм — это всегда политический проект, а значит, с одной стороны, каждый частный случай необходимо рассматривать в контексте идеологии, на которой он выстраивается. Чтобы показать, что кооператив контекстуален и историчен, Ракопулос подробно описывает региональное разнообразие кооперативизма в послевоенной Италии и то, как по-разному решалось его базовое противоречие, порождаемое одновременностью установок на равенство и прибыльность, протекционизм и рынок. С другой стороны, антрополог настаивает на том, что при анализе дифференциаций, которые возникают в кооперативах, пора перенести фокус с тех, что создаются разделением труда в целом, на более тонкие различия, основанные на труде и обусловленные личным опытом, моральными устоями и позициями отдельных участников.

Автор книги напоминает, что кооперативизм как идеология часто претендует на большее, чем то, что предприятия делают на практике. Однако Ракопулос не ставит перед собой задачу критики кооперативизма: исследователь обещает показать читателю, что реальные кооперативы успешно обходят или переосмысливают идеологию, если она вступает в противоречие с локальными моральными кодами. Обосновывая выбор перспективы, Ракопулос отмечает, что ни локальный контекст, который опреде-

ляет «социальную жизнь» кооперативов, ни трения, которые возникают при столкновении задаваемой идеологией анклавности и фактической укоренённости предприятий, до недавнего времени не становились предметом скрупулёзного анализа.

По мнению исследователя, особенность аграрного кооперативизма в Спикко-Виллате заключается в том, что в условиях неолиберального уменьшения роли государства в хозяйстве и дерегуляции экономики этот кооперативизм фактически создал здесь защищённый и оплачиваемый сельскохозяйственный труд, который до этого никак не регулировался законодательством и находился под патронатом мафии (то есть был неформальным, эксплуатирующим и недооценённым). Государство, собственник и страж (*gatekeeper*) декоммодифицированной земли, передав её через муниципалитеты местным сельхозпредприятиям как неотчуждаемое владение (*inalienable possession* в терминологии Аннет Вейнер), по сути, превратило антимафиозные кооперативы в земле- и трудоохраняющие институты. И, конечно, для социального исследователя было бы упрощением игнорировать как эту связь антимафиозного кооперативизма с государством, так и зависимость кооперативов от рынков, потребность в финансовом капитале и проч.

Как анализировать современное жизнеобеспечение?

В качестве центрального для своей книги Ракопулос выбирает антропологическое понятие «жизнеобеспечение» (*livelihood*) и связывает его с понятием «укоренённость» (*embeddedness*). Главное отличие между ними исследователь видит в том, что укоренённость предполагает вплетённость кооперативов — с их идеологией и материальностью — в локальную социальность, а выбор перспективы жизнеобеспечения означает, что единицами анализа становятся не практики организаций или отдельных домохозяйств, а *обстоятельства*, которые люди привносят в повседневное существование сельхозпредприятий. Сеодорос Ракопулос утверждает, что его работа — это первая этнография антимафиозного движения, сосредоточенная на процессах производства и жизнеобеспечения, а не на мобилизации гражданского общества. Учёный подчёркивает, что жизнеобеспечение неразрывно связано с ценностями, родством, соседством и проч.¹ (забегая вперёд, отмечу, что для лидеров и администраторов антимафиозного кооперативизма, основанного на идее законности, многие из этих связей выглядят подозрительно).

При всех преимуществах широкого понимания жизнеобеспечения, на мой взгляд, оно чрезвычайно осложнило задачу автора, который структурировал этнографическую часть книги в соответствии с основными жизнеобеспечивающими аспектами повседневной деятельности членов кооператива: производство и продовольственная этика, слухи, родство, гендерное разделение сельскохозяйственного труда, соседство, община. Вероятно, каждая из этих тем могла бы реализоваться в самостоятельной книге. Я попытаюсь показать специфику авторского анализа жизнеобеспечения через раскрытие конфликта идеологии с местными моральными кодами на двух примерах — условно говоря, пищи (*food*), которой антропологи единодушно отводят ключевое место в жизнеобеспечении, и более спорного в этом отношении родства (*kinship*).

Сельхозпродукция (в данном случае — выращивание винограда и производство вина) связывала разных участников, среди которых были как полноправные члены кооперативов, так и сезонные работни-

¹ В советской этнологии жизнеобеспечение определялось в марксистском ключе как система, тесно связанная с производством и обеспечивающая материальную основу жизни (со)общества. Главными элементами системы жизнеобеспечения считались поселение, жилище, пища и одежда, а «надстроечные» (нормативные, идеологические, ценностные) аспекты её функционирования рассматривались факультативно. В постсоветский период интерес к теории систем угас; понятие «система жизнеобеспечения» дальнейшего развития не получило. С «западным» пониманием жизнеобеспечения многие отечественные антропологи долгое время были знакомы, пожалуй, в основном благодаря переводу «Нуэров» Э. Э. Эванс-Притчарда, и этнография повседневного неолиберализма, выстроенная вокруг более сложной и современной идеи жизнеобеспечения, могла бы, на мой взгляд, стать чрезвычайно полезным пополнением списка обязательной литературы к учебным курсам экономической антропологии.

ки. Однако, как утверждает исследователь, различия между ними создавались не столько членством в организации, сколько классовой принадлежностью, образом жизни и взглядами на мир.

Постоянные и временные рабочие предприятий были значительно ближе друг к другу, чем к администрациям, состоявшим из приезжих специалистов, которые ежедневно приезжали в Сан-Джованни (в деревню, где работал Ракопулос) из Палермо. По оценкам местных, население деревни насчитывало не более 4,5 тыс. человек (официальная статистика говорила о 8 тыс.). В ближайших окрестностях Сан-Джованни работали два из четырёх предприятий, оказавшихся в фокусе внимания исследователя, но все вместе они обеспечивали средствами существования очень небольшое количество людей (примерно 150 человек), что резко контрастировало и с тем публичным резонансом, который вызывал феномен антимافیозных кооперативов в Италии и за её пределами, и с представлением идеологов и администраторов о масштабе кооперативной деятельности. Эти последние видели и обосновывали свою преемственность с массовыми крестьянскими движениями прошлого. Все они были активными членами «Либерты» и продвигали кооперативную сельхозпродукцию прежде всего как законную, социально честную и экологически чистую.

Напротив, рабочим были чужды дискурсы органического производства и потребления: администраторы часто жаловались, что местным производителям важна только цена. Кооперативная продовольственная этика оказывалась политизированной и классово маркированной. Рядовые рабочие, которые наряду с возделыванием экспроприированной земли выращивали виноград на приусадебных участках, проводили различие между кооперативным и домашним вином по линии «коммерческое, органическое» и «аутентичное, чистое», а единственным преимуществом кооперативного производства считали количество.

Однако куда более сильное напряжение в двойственной структуре кооперативов (рабочие — администрация) создавалось родством. Как было отмечено выше, родство попадало в список идеологически подозрительных связей: по правилам антимافیозных кооперативов, потенциальные члены коллектива не должны были иметь (вплоть до троюродных) родственников среди мафиози, что кажется парадоксальным в деревне типа Сан-Джованни, которую ещё в середине 1990-х гг. пресса называла — по фамилии самого известного мафиозо региона — «деревней восьмиста Барбетто». Более того, идеологи «Либерты» и администраторы кооперативов считали плохим признаком даже просто наличие мафиози в широком социальном кругу соискателя работы. При этом именно семья, а также отношения свойства и крестного родства (компаратико) оказывались конституирующими для практики западносицилийских кооперативов, а опыт участия в кооперативах осмысливался крестьянами в терминах антимافیозных семей.

Рабочие не только примиряли отношения родства и работы в контекстах, наделяемых руководством негативными коннотациями, но и входили в кооперативы через социальные сети родных и друзей по так называемым рекомендациям (*raccomandazioni*), которые в Спикко-Виллате и Италии в целом понимаются как посредничество. Многие авторы связывали рекомендацию с патронатом и коррупцией, хотя остаётся неясным, пересекает ли она классовую иерархию или воспроизводит её. Так, Пол Гинсбург считал этот феномен органической частью кумовского (*crony*) итальянского капитализма [Ginsborg 2003], Джейн и Питер Шнайдеры утверждали, что посредничество воспроизводит атмосферу клиентализма, ассоциирующуюся с мафией [Schneider, Schneider 2003: 105].

Сеодорос Ракопулос относит рекомендации к *гибким семейным практикам* (р. 110) и подробно описывает, как они работали в контексте жизнеобеспечения в двух соседствующих кооперативах — «Фальконе» и «Борзелино», связанных перекрещивающимися отношениями родства и свойства так, что иногда зарплаты из разных кооперативов поступали в одно домохозяйство. Кооператив в таких домо-

хозяйствах ассоциировался с домом и назывался антимафиозной семьей: именно общий родственный пул создавал основу для риторики кооперативной солидарности «Фальконе» и «Борзелино». Родство, свойство и дружба через механизм рекомендации обеспечивали местным рабочим гарантированную занятость. Семейная и кооперативная идентичности соединялись, а связи родства расширялись, чтобы максимизировать возможности получения работы.

Если местные обновляли, оживляли и наполняли новыми смыслами отношения родства как форму кооперативной связанности, то администраторы отдавали предпочтение социальным сетям, в основе которых лежал профессионализм. Занятость в кооперативах была продолжением их более широких идей и представлений, «больше, чем просто работой», «миссией», «политическим проектом» (р. 104).

Ракопулос подчёркивает, что «плохое» родство было для них локально: их собственные родственные и дружеские связи вели в Палермо и определяли классовые позиции; активистская же риторика была направлена против родства людей, которых администраторы не считали себе равными, — рабочих Спикко-Виллаты. В то же время связи «продолжительного партнёрства» и «разделяемых биографий» среди администраторов были чрезвычайно сильны и плотны, а нетворкинг являлся для них идиомой связанности (*relatedness*). Легитимируя свои практики, они говорили об особом праведном круге (*virtuous circle*) стражей законности, ставящих интересы сети выше интересов домохозяйства и поддерживающих политизированную солидарность. Крестьянская же семья, ассоциируемая с мафией и коррупцией, в глазах администраторов становилась началом конца антимафиозного кооператива, порочным кругом (*vicious circle*), противоположностью круга праведного, то есть профессиональной сети, с которой делятся временем, мыслями и идеями.

Ракопулос утверждает, что как в случае администраторов, так и в случае сельхозрабочих кооперативизм — это история про равенство и горизонтальные отношения. Для одних они основаны на модернистских идеях класса, мобильности, раздельности сферы семьи и работы, для других — на ценностях «анклавной взаимности» [Gudeman 2008] и идее непрерывности между семьёй и работой. В обоих случаях горизонтальные связи создавались среди равных себе, но администраторы это делали при помощи нетворкинга и праведного круга, а рабочие — при помощи родственников и дружеских «рекомендаций».

Заключительные замечания

Как я уже отмечала, рецензируемая книга вмещает намного больше идей, теорий, потенциальных направлений анализа, чем можно было надеяться реализовать на двухстах страницах, и в то же время иногда оставляет в стороне то, что могло бы помочь читателю. Так, например, исследователь неоднократно отмечает, что единицами его анализа были не кооперативы, а отдельные участники этих организаций, действующие «в серой зоне, где конфликтуют и сливаются мафия, антимафия и государство» (р. 12), поэтому мне показалось избыточным обсуждение и введение в оборот в рамках этой книги понятий, предназначенных для изучения «вещей» и институтов («социальная жизнь кооператива», «уко-ренённость»). Вместо этого как читатель я была бы признательна автору за более подробный экскурс в существующую в современной западной антропологии дискуссию о ценностях и морали. Кроме того, при всей условности и сложности такого разделения, исследователю, возможно, всё же стоило развести мафию и антимафию как разные объекты изучения и вынести слишком большую тему мафии за рамки своей книги.

То, что исследователь намечает множество тем и предлагает разную оптику, создаёт ощущение неполноты анализа и оборванных линий рассуждения, иллюзию обманутых ожиданий. Так, например, в начале книги Ракопулос цитирует высказывание известного активиста антимафиозного кооперативизма: «Государство даёт нам право на то, что мафия предлагает как дар» (р. 9). Но в дальнейшем автор

книги лишь слегка затрагивает тему дара в главе о том, как администраторы кооперативов используют в управлении локальный механизм сплетен.

Антрополог показывает читателю разнообразие конфликтов и трений, возникающих в его поле в результате столкновения официальной идеологии антимафиозного движения и крестьянской морали; в процессах взаимодействия западносицилийских кооперативов и их партнёров из других регионов Италии и Европы; в отношениях администрации и рабочих, постоянно и временно занятых, мужчин и женщин, членов антимафиозных семей и общины, исторически и в текущем моменте связанной с теми, кого идеологи антимафиозного движения причисляют к мафии, и проч. Пытаясь доказать, что жизнь богаче идеологии, автор в некотором смысле жертвует этнографией: книге, на мой вкус, очень не хватает тех самых голосов участников, рассказывающих о своих «обстоятельствах». Возможно, это связано с трудностями перевода сицилийского диалекта итальянского языка на английский, но всё же иногда возникает впечатление, что автору пришлось отказаться от цитат и пересказать истории своих собеседников, чтобы вместить все сюжеты, выбранные им для иллюстрации сложности местной жизни и социальных связей.

Кроме того, не нуждающаяся — *уже* — в доказательстве идея связанности всего со всем может отвлечь внимание читателя от действительно важной полемики автора с Джеймсом Скоттом, в которой Ракопулос на примере своего поля убедительно демонстрирует отсутствие акторов, способных смотреть на антимафиозные кооперативы «глазами государства»: все они — и представляющие государство приезжие администраторы, и местные сельхозработники — интерпретируют различные ситуации и действуют с учётом своего локального знания и сетевых связей. И именно эта полемика, на мой взгляд, делает книгу Сеодороса Ракопулоса обязательной к прочтению, превращает её в яркое антропологическое событие.

Литература

- Эванс-Причард Э. Э. 1985. *Нуэры. Описание способов жизнеобеспечения и политических институтов одного из нилотских народов*. М.: Наука.
- Ginsborg P. 2003. *Italy and Its Discontents: Family, Civil Society, State, 1980–2001*. London: Penguin.
- Gudeman S. 2008. *Economy's Tension: The Dialectics of Community and Market*. Oxford: Berghahn Books.
- Schneider J., Schneider P. 1976. *Culture and Political Economy in Western Sicily*. New York: Academic Press.
- Schneider J., Schneider P. 2003. *Reversible Destiny: Mafia, Antimafia, and the Struggle for Palermo*. Berkeley: University of California Press.
- Schneider J., Schneider P. 2008. The Anthropology of Crime and Criminalization. *Annual Review of Anthropology*. 37 (1): 351–373.
- Schneider J., Schneider P. 2011. The Mafia and Capitalism: An Emerging Paradigm. *Sociologica. Italian Journal of Sociology on Line*. 2: 1–22. URL: <https://www.rivisteweb.it/doi/10.2383/35873>
- Schneider P. 2002. On Mafiology. *Journal of Modern Italian Studies*. 7 (1): 145–149.
- Weiner A. B. 1992. *Inalienable Possessions: The Paradox of Keeping-While Giving*. Berkeley; Los Angeles; Oxford: University of California Press.

NEW BOOKS

Natalia Conroy

From Ethnography of Organizations to Analysis of the Real Life Circumstances of People?

Book Review: Rakopoulos T. (2017) *From Clans to Co-ops: Confiscated Mafia Land in Sicily*, New York; Oxford: Berghahn Books. 229 p.

CONROY, Natalia — Candidate of Sciences in History, researcher, Laboratory for Studies in Economic sociology (LSES), National Research University Higher School of Economics. Address: 20 Myasnitskaya str., Moscow, 101000, Russian Federation.

Email: nconroy@hse.ru

Abstract

In his new book, Theodoros Rakopoulos uses the anthropological concept of “livelihood” as a new way to connect some big topics—the mafia, the anti-mafia movement, and cooperativism. For several decades, the mafia has aroused great interest among the general public, journalists, and various scholars: anthropologists, sociologists, and historians. In the 1980s and 1990s, the emergence of legislative framework governing confiscation by the state and the further use of the property of mafia clans were significantly influenced by the activist movements. That is why the analysis of the experience of creating agrarian cooperatives on expropriated lands through the prism of grass-roots initiatives of civil society has be-

come dominant. However, Rakopoulos, who was observing the work of four anti-mafia cooperatives in Western Sicily in 2007 and 2009, came to the conclusion that, unlike administrators, workers are more interested in issues of wages and prices than ideology and civic participation. How do those who work on the land and are not a part of the grass-roots initiatives in the cooperative structure bypass ideology when it contradicts traditional moral codes? How do they reconcile working in an anti-mafia co-op with family and connections in the local community, where it is impossible to take a neutral or disinterested position towards the mafia? How are urban managers struggling with the “bad kinship” of local workers influenced by their own families and friends? Successively, considering the various circumstances of participants (family, reputation, neighborhood, and so on) that affect their livelihood, the researcher concludes that among both workers and managers, there is nobody who would be free from local moral and ethical norms and could look at the work of anti-mafia cooperatives through the eyes of a distant state. Therefore, the politicized cooperatives themselves, contrary to their own ideology, cannot exist as enclaves of good practice.

Keywords: anti-mafia; cooperativism; legality; enclave; livelihood; embeddedness; ethnography; Sicily.

References

Evans-Pritchard E. E. (1985) *Nuery. Opisaniye sposobov zhizneobespecheniya i politicheskikh institutov odnogo iz nilotskikh narodov* [The Nuer: A Description of the Modes of Livelihood and Political Institutions of a Nilotic People], Moscow: Nauka (in Russian).

Ginsborg P. (2003) *Italy and Its Discontents: Family, Civil Society, State, 1980–2001*, London: Penguin.

Gudeman S. (2008) *Economy's Tension: The Dialectics of Community and Market*, Oxford: Berghahn Books.

Schneider J., Schneider P. (1976) *Culture and Political Economy in Western Sicily*, New York: Academic Press.

Schneider J., Schneider P. (2003) *Reversible Destiny: Mafia, Antimafia, and the Struggle for Palermo*, Berkeley: University of California Press.

Schneider J., Schneider P. (2008) The Anthropology of Crime and Criminalization. *Annual Review of Anthropology*, vol. 37 no 1, pp. 351–373.

Schneider J., Schneider P. (2011) The Mafia and Capitalism: An Emerging Paradigm. *Sociologica. Italian Journal of Sociology on Line*, vol. 2, pp. 1–22. Available at: <https://www.rivisteweb.it/doi/10.2383/35873> (accessed 25 October 2018).

Schneider P. (2002) On Mafiology. *Journal of Modern Italian Studies*, vol. 7, no 1, pp. 145–149.

Weiner A. B. (1992) *Inalienable Possessions: The Paradox of Keeping-While Giving*, Berkeley; Los Angeles; Oxford: University of California Press.

Received: November 18, 2018

Citation: Conroy N. (2018) Ot etnografii organizatsiy k analizu zhiznennykh obstoyatel'stv lyudey? [From Ethnography of Organizations to Analysis of the Real Life Circumstances of People? Book Review: Rakopoulos T. (2017) *From Clans to Co-ops: Confiscated Mafia Land in Sicily*, New York; Oxford: Berghahn Books. 229 p.], *Journal of Economic Sociology = Ekonomicheskaya sostitologiya*, vol. 19, no 5, pp. 130–138. doi 10.17323/1726-3247-2018-5-130-138 (in Russian).

КОНФЕРЕНЦИИ

Е. А. Назарбаева

Базовый доход: пролог к социальной политике XXI века

Международная научно-практическая конференция

НИУ ВШЭ, 14 ноября 2018 г., Москва

НАЗАРБАЕВА Елена Алексеевна — аналитик Центра анализа доходов и уровня жизни Института социальной политики НИУ ВШЭ, эксперт Лаборатории экономико-социологических исследований НИУ ВШЭ. Адрес: Россия, 101000, Москва, ул. Мясницкая, д. 20

Email: enazarbaeva@hse.ru

В НИУ ВШЭ была проведена конференция «Базовый доход: пролог к социальной политике XXI века», посвящённая как вопросам теории, так и практической реализации базового дохода. Её организаторами выступили Институт социальной политики НИУ ВШЭ, Экспертная группа «Европейский диалог» и Немецкий фонд им. Фридриха Эберта в РФ. По мнению профессора НИУ ВШЭ Евгения Гонтмахера, до настоящего времени в России ещё не было столь масштабного обсуждения данной темы. В числе участников конференции были представители академической и государственной сферы, а также представители общественности.

Базовый доход видится не просто как очередная мера поддержки населения, но как элемент новой социальной политики, формирующейся на фоне расслоения населения; автоматизации труда, меняющей условия и структуру занятости; старения населения. В ходе дискуссий обсуждались вопросы взаимосвязи базового дохода с неравенством и корректировкой пенсионных систем, а также попытки и примеры его внедрения за рубежом — в Швейцарии и Финляндии.

Выступления участников позволили развеять существующие мифы о базовом доходе, оценить возможные эффекты его внедрения, посмотреть на него как на инструмент для решения различных социальных проблем, выделить ключевые вопросы, на которые нужно дать ответ, конструируя подобную систему социальной поддержки.

Обсуждался и потенциал базового дохода как системы социальной поддержки для населения России. Большинство участников конференции сошлись на том, что в ближайшем будущем его реализация маловероятна, а множество связанных с этим вопросов требуют глубокого анализа.

Ключевые слова: базовый доход; минимальный гарантированный доход; социальная поддержка; бедность; неравенство; пенсионная система.

В Высшей школе экономики 14 ноября 2018 г. состоялась международная научно-практическая конференция «Базовый доход: пролог к социальной политике XXI века». Базовый доход — это регулярные денежные платежи, предоставляемые всем на индивидуальной основе без проверки нуж-

даемости и требований к занятости (определение BIEN¹). Несмотря на то что идея подобных выплат набирает популярность, на сегодняшний день для их обозначения не существует единого термина. Синонимы базового дохода — «территориальный дивиденд» (*territorial dividend*), «государственный бонус» (*state bonus*), «демогрант» (*demogrant*), «гражданский доход» (*citizen's wage*) и «универсальная выплата» (*universal benefit*) [Van Parjs 2004]. Сторонники базового дохода не только работают над теоретическим осмыслением этой концепции, но и неоднократно проводили эксперименты, чтобы оценить результаты её внедрения. Одним из наиболее известных является эксперимент, стартовавший в 2017 г. в Финляндии². Также предпринимались попытки по внедрению базового дохода в качестве государственной программы. На сегодняшний день подобная система реализована на Аляске, например, где на ежегодной основе каждый житель может получить процент прибыли от работы фонда, занятого инвестициями средств, полученных от добычи нефти и газа³. Столь актуальная тема не могла остаться вне поля зрения отечественных исследователей и представителей общественности.

Открывая конференцию, директор Института социальной политики НИУ ВШЭ Лилия Овчарова указала на то, что идея всеобщих выплат приобрела популярность на фоне развития важных процессов: значительного усложнения существующих систем социальной поддержки и развития технологий, ведущих к высвобождению рабочей силы. Базовый доход представляется одним из инструментов для преодоления сложностей, связанных с ними. Каковы в действительности его возможности? На этот вопрос искали ответ во время дискуссий, развернувшихся на конференции.

В рамках однодневного мероприятия были организованы пленарная сессия, где были представлены ключевые идеи, позволившие лучше понять саму суть базового дохода, и три панельные сессии, каждая из которых была посвящена обсуждению различных аспектов его внедрения. На сессиях последовательно обсуждались следующие темы: опыт практического внедрения базового дохода; базовый доход и проблема неравенства; базовый доход и развитие пенсионных систем. Пленарное заседание открывали программные доклады, за ними следовали выступления дискуссантов, вопросы и комментарии. На каждой панельной сессии обсуждение также предваряли один или несколько импульс-докладов и реплики дискуссантов. Конференция объединила широкий круг слушателей — студентов, преподавателей, исследователей.

Пленарное заседание открыл доклад члена координационного совета экспертной группы «Европейский диалог», профессора НИУ ВШЭ Евгения Гонтмахера, посвященный политэкономическим аспектам внедрения базового дохода. В презентации были затронуты риски внедрения подобной системы и связанные с ней мифы. Так, критики концепции обвиняют её сторонников в продвижении социалистических идей и чрезмерном популизме, а также опасаются нехватки денег на её реализацию и исчезновения стимулов к саморазвитию. Докладчик последовательно развенчал эти мифы, сославшись на то, что идея базового дохода может считаться не только социалистической, но и либертарианской, так как в ней можно увидеть уход от активного участия государства в жизни общества через отказ от целевых выплат и установление всеобщих. Обвинения в популизме Е. Гонтмахер опроверг, указав, что любую идею можно представить как популистскую. Также он обратил внимание на то, что вопрос достаточности ресурсов можно решить грамотным планированием. А гипотезу об отказе от саморазвития уже удалось опровергнуть ряду исследований⁴.

¹ Basic Income Earth Network (BIEN) — одна из старейших организаций, объединяющая исследователей и практиков в сфере базового дохода. См. подробнее: <https://basicincome.org/about-bien/>

² О подготовке и дизайне эксперимента см. подробнее: <https://www.kela.fi/web/en/basic-income-experiment-2017-2018>

³ Об истории создания фонда и развитии системы выплат см. подробнее: <https://pfd.alaska.gov/Division-Info/Historical-Timeline>

⁴ Например, эксперимент по внедрению базового дохода в Намибии спровоцировал рост занятости и самозанятости, а его участники стали более внимательными к своему здоровью. В Индии установление универсальных выплат в двух

Риски внедрения базового дохода докладчик связывает с установлением чрезмерного размера выплат, с чересчур поспешным переходом к их всеобщности, с сохранением слишком большого числа действующих мер социальной поддержки и с игнорированием территориальных различий внутри страны. Завершал доклад перечень предварительных условий, необходимых для внедрения базового дохода. Для успешного функционирования подобной системы необходимы существование высокой степени общественного согласия относительно неё, последовательная работа по внедрению базового дохода сначала для отдельных групп населения, а только затем для всех остальных, а также система общественного контроля и корректировки.

Вторым на пленарном заседании был представлен доклад ведущего экономиста и руководителя группы Глобальной практики по социальной защите и рынкам труда Всемирного банка Руслана Емцова, посвящённый исследованию, реализуемому на данный момент. Отличительной его особенностью является акцент на изучении базового дохода в странах с низким и средним уровнями развития. Р. Емцов представил имеющиеся результаты, основанные на анализе реализованных ранее проектов. Он обратил внимание на то, что базовый доход не может быть универсальным инструментом для преодоления бедности, как нельзя однозначно ожидать от него упрощения систем социальной поддержки и изменения общественного договора. Следовательно, нет и единых рекомендаций для успешного внедрения всеобщих выплат.

Всемирный банк в рамках своего исследования ставит задачу оценки эффектов от запуска системы базового дохода. Для этого были отобраны 12 стран, для каждой из которых на данных опросов были смоделированы несколько сценариев установления всеобщих выплат для населения в возрасте старше 18 лет. Первые результаты позволяют говорить об очень большом разбросе нагрузки на бюджет в зависимости от выбранной схемы платежей, а также о том, что есть риски ухудшения положения части бедных в связи с реализацией подобной системы.

В заключение докладчик остановился на вопросе о возможностях внедрения системы базового дохода в России. Предпосылками для этого являются фрагментарная система мер социальной поддержки, неполный охват ими малоимущих, предшествующие не очень успешные попытки перенаправить систему. Основные контраргументы связаны с возможностью ухудшения положения бедных и невысокой заинтересованностью населения в установлении всеобщего равенства. Внедрение гарантированных выплат могло бы стать перспективным инструментом для решения проблем, однако автор ещё раз подчеркнул важность для принятия подобных решений глубокого предварительного анализа.

Одним из дискуссантов выступил Григорий Юдин, старший научный сотрудник Лаборатории экономико-социологических исследований НИУ ВШЭ. Он обратил внимание слушателей на то, что проблема неравенства не сводится к проблеме распределения денег, она коренится в существовании неравенства политического, а политические принципы внедрения базового дохода остаются непрояснёнными. Следовательно, работая с системой базового дохода, необходимо формировать её концепцию так, чтобы она способствовала политической интеграции.

Второй дискуссант — Александр Сафонов, проректор Академии труда и социальных отношений, сфокусировал внимание на связи базового дохода с меняющимися условиями занятости. Важность этой темы признают не только государственные деятели и учёные, но и представители крупных корпораций. Знания и навыки устаревают всё быстрее, а работники сталкиваются с рисками остаться без дела и утратить смысл жизни. Базовый доход в этом случае является важным этапом в развитии социальной политики, который сможет защитить работников.

деревнях привело к тому, что их получатели чаще открывали своё дело, покупали скот для создания ферм и обеспечения собственных потребностей [Lieberkind 2016].

На сессии, посвящённой опыту внедрения базового дохода, с докладом выступил Миска Симанайнен, научный сотрудник Национального института социального страхования (Финляндия). Он рассказал о подготовке и ходе реализации проводимого в Финляндии эксперимента, цель которого — выявление взаимосвязи занятости и базового дохода. Именно поэтому участниками эксперимента стали случайно отобранные жители страны, состоящие на учёте в службе занятости. Те, кто не попал в выборку, вошли в состав контрольной группы. Результаты эксперимента будут опубликованы весной 2019 г.

Второй доклад этой сессии был представлен Джулиано Боноли, профессором Лозаннского университета. Презентация была посвящена уникальному опыту Швейцарии по проведению референдума о внедрении базового дохода. Референдум состоялся в июне 2016 г. и в случае успеха должен был привести к внесению статьи о базовом доходе в Конституцию. Однако 76,9% всех граждан отвергли предложенную идею. Автор рассказал о реакции политиков на предложение (все, кроме партии «зелёных», давали рекомендации не поддерживать данную меру), а также о результатах опросов, проводимых после голосования.

В роли дискуссанта выступил Владимир Трубин, советник руководителя Аналитического центра при Правительстве России. Он обратил внимание слушателей на тот факт, что ни в одной стране не удалось успешно внедрить базовый доход на национальном уровне. Аргументы в пользу запуска подобной системы базируются на результатах экспериментов, а они, в свою очередь, имеют ограничения. В. Трубин в выступлении также вернулся к теме идеологии базового дохода и перечислил ряд возможных его трактовок: базовый доход как способ предоставить всем равный доступ к социальной защите, обеспечить свободу выбора, улучшить общее благосостояние или адаптироваться к меняющимся условиям труда.

В рамках второй сессии, посвящённой вопросам неравенства, доклад был представлен Юрием Кузнецовым, заместителем главного редактора журнала «Экономическая политика». Докладчик стремился вписать вопросы базового дохода в более общий процесс реформирования систем социальной помощи. С его точки зрения, базовый доход — инструмент для преодоления информационной асимметрии. Он позволяет решить такие проблемы, как высокая сложность систем социальной поддержки и неполучение помощи теми, кто имеет право претендовать на неё, а также расширить свободу выбора получателей пособий. При этом важно понимать, что все перечисленные цели могут быть достигнуты и с помощью других инструментов (один из примеров — отрицательный подоходный налог).

Дискуссантом на этой сессии выступила Светлана Мареева, заведующая Центром стратификационных исследований Института социальной политики НИУ ВШЭ. Она указала на то, что с 2008 г. проблема неравенства снова вышла на первый план: появляются новые виды неравенства, создающие вызовы для социальной политики. С. Мареева обратилась в выступлении к двум видам неравенства — неравенству в массовых слоях населения и разрыву между бедными и самыми богатыми. С её точки зрения, базовый доход может служить инструментом решения возникающих проблем только в первом случае. Помимо этого, она обратила внимание на то, что в России существуют виды неравенства, воспринимаемые населением как легитимные (например, навыки, образование), поэтому не менее важно ответить на вопрос, готово ли население к системе помощи, не основанной на личных заслугах.

На третьей сессии, работа которой предполагала обсуждение пенсионных систем, с докладами выступили Евгений Якушев, исполнительный директор негосударственного пенсионного фонда (НПФ) «САФМАР», и Антон Табах, главный экономист рейтингового агентства «Эксперт РА». Евгений Якушев обратил внимание участников конференции на процессы старения населения и необходимость корректировки пенсионных систем в соответствии с этим. Антон Табах, в свою очередь, предложил перечень вопросов, на которые важно ответить, чтобы создать устойчивую систему базового дохода.

Необходимо понять, будет ли размер такого дохода фиксированным или вариативным, будут ли выплаты установлены для нуждающихся или для всех, как будет устроено финансирование системы (региональное или федеральное), каковы последствия для налоговой системы и др.

После докладов слово было передано дискуссанту Юрию Воронину, заведующему Центром правового обеспечения социально-экономических реформ Института законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве РФ. Он подчеркнул, что нельзя сводить базовый доход к адресным мерам социальной помощи, и указал, что установление универсальных выплат является первой попыткой предоставления обеспечения без привязки к трудоспособности. Однако, с его точки зрения, для России базовый доход — не вопрос ближайших лет.

В ходе дискуссий обсуждались различные вопросы. Неоднократно участники конференции обращались к определению базового дохода, подчёркивая важность его универсальности, обсуждали его взаимосвязь с другими формами поддержки и существующими в России проблемами, а также говорили о возможном размере выплат. Не вызывает сомнений, что тема базового дохода заслуживает пристального внимания со стороны академического и политического сообщества, однако возможности её внедрения в России на данный момент весьма ограничены и требуют глубокого изучения.

Итоги конференции подвели Оксана Синявская, заместитель директора Института социальной политики НИУ ВШЭ, и Евгений Гонтмахер, подчеркнув важность и актуальность вопросов, касающихся базового дохода, в контексте изменений социальной политики и рынков труда.

Литература

- Lieberkind K. 2016. *Pilots and Policies: A Global Look at Basic Income Pilots and Policies*. Nordic Conference on Basic Income Pilots, September 22–23, 2016. URL: <http://ubi-nordic2016.basisindkomst.dk/about-pilots/>
- Van Parijs Ph. 2004. Basic Income: A Simple and Powerful Idea for the Twenty-First Century. *Politics & Society*. 32 (1): 7–39.
- Standing G. 2013. *Unconditional Basic Income: Two pilots in Madhya Pradesh*. A Background Note prepared for the Delhi Conference, May 30–31, 2013. URL: <https://docplayer.net/17103372-Unconditional-basic-income-two-pilots-in-madhya-pradesh.html>
- Widerquist K. 2013 (September 26). The Basic Income Grant as Social Safety Net for Namibia: Experience and Lessons from Around the World. In: *Social Safety Nets in Namibia: Assessing Current Programs and Future Options*. Windhoek, Namibia: Bank of Namibia; 43–67. URL: <https://www.bon.com.na/CMSTemplates/Bon/Files/bon.com.na/56/56018376-a730-4fc6-920d-0d3c3116cceb6.pdf>

CONFERENCES

Elena Nazarbaeva

Basic Income as a Prologue to Social Policy of the 21st Century

International Scientific Conference

NRU HSE, November 14th, 2018, Moscow

NAZARBAEVA, Elena —
Analyst of Centre for Studies of
Income and Living Standards,
Institute for Social Policy NRU
HSE, expert of Laboratory
for Studies in Economic
Sociology NRU HSE. Address:
20 Myasnitskaya str., Moscow,
101000, Russian Federation

Email: enazarbaeva@hse.ru

Abstract

The conference “Basic Income as a Prologue to Social Policy of the 21st Century” took place in the Higher School of Economics. It was devoted to both the theoretical and practical aspects of basic income implementation. The conference was organized by the Institute for Social Policy NRU HSE, the European Dialogue Expert Group, and the German Friedrich Ebert Foundation in Russia. According to the opinion of Evgeny S. Gontmakher, professor of NRU HSE, until now, there were no such large-scale discussions on this topic. The conference was attended by a wide range of participants from the academic and political sphere as well as by public representatives.

Basic income is treated not only as a new measure of social support but as a part of new social policy emerging in the context of income disparities; job automation that changes the conditions and the structure of employment; and population aging. Interconnections of basic income with inequality and pension-system adaptation were discussed as well attempts and examples of foreign projects in the field in Switzerland and Finland.

The presentations provided the ability to dispel the myths about basic income, evaluate the effects of its implementation, look at it as a tool for solving different social problems, and formulate the questions that should be asked while constructing such measures of social support.

The potential of basic income as a system for the Russian population was also discussed. Most conference participants agreed that it is not an issue for the near future, and a lot of questions need to be analyzed first.

Keywords: basic income; guaranteed income; social support; poverty; inequality; pension system.

References

- Lieberkind K. (2016) *Pilots and Policies: A Global Look at Basic Income Pilots and Policies*. Available at: <http://ubi-nordic2016.basisindkomst.dk/about-pilots/> (accessed 15 November 2018).
- Van Parijs Ph. (2004) Basic Income: A Simple and Powerful Idea for the Twenty-First Century. *Politics & Society*, vol. 32, no 1, pp. 7–39.

Widerquist K. (2013. September 26) The Basic Income Grant as Social Safety Net for Namibia: Experience and Lessons from Around the World. *Social Safety Nets in Namibia: Assessing Current Programs and Future Options*, Windhoek, Namibia: Bank of Namibia, pp. 43–67. Available at: <https://www.bon.com.na/CMSTemplates/Bon/Files/bon.com.na/56/56018376-a730-4fc6-920d-0d3c3116cce6.pdf> (accessed 15 November 2018).

Received: November 16, 2018

Citation: Nazarbaeva E. (2018) Bazovyy dokhod: prolog k sotsial'noy politike XXI veka. Mezhdunarodnaya nauchno-prakticheskaya konferentsiya, NIU VSHE, 14 noyabrya 2018 g., Moskva [Basic Income as a Prologue to Social Policy of the 21st Century. International Scientific Conference, NRU HSE, November 14th, 2018, Moscow], *Journal of Economic Sociology = Ekonomicheskaya sotsiologiya*, vol. 19, no 5, pp. 139–145. doi: 10.17323/1726-3247-2018-5-139-145 (in Russian).

ДИСКУССИИ

Д. В. Катаев

Веберинский и антивеберинский дискурс: к вопросу о гипнотической силе классики на примере «Протестантской этики»

КАТАЕВ Дмитрий Валентинович — доктор социологических наук, ФГБОУ ВО Липецкий государственный педагогический университет имени П. П. Семенова-Тян-Шанского, профессор кафедры философии, социологии и теологии. Адрес: Россия, г. Липецк, ул. Ленина, д. 42, корп. 2.

Email: dmitrikataev@rambler.ru

Статья является откликом на текст Р. И. Капелюшников «Гипноз Вебера. Заметки о “Протестантской этике и духе капитализма”»¹. Рассмотрены причины и основные направления критики и антикритики веберовского тезиса о зарождении капитализма благодаря протестантской этике. В свете критических замечаний известного отечественного экономиста проанализирован веберинский и антивеберинский диспут вокруг одного из самых цитируемых классиков, что свидетельствует об эвристической ценности научного наследия Макса Вебера, которое сохраняет свою актуальность по сей день. Следует отметить, что 100-летний нарратив (первые критики тезиса протестантизма появляются сразу после публикации «Протестантской этики...») требует более детальной исследовательской проработки. Интерпретация творчества Макса Вебера возможна лишь в контексте полного собрания сочинений (Max Weber-Gesamtausgabe (1984–2017)), включающего систематику социологии религии (куда вошла и «Протестантская этика»), позднее семитомное издание труда «Хозяйство и общество», а также работы по хозяйственной этике мировых религий. Неискажённая и аутентичная рефлексия наследия классика целесообразна лишь в ракурсе целостного прочтения классика, то есть с учётом историко-биографических и контекстуальных (в случае с Вебером — это теоретические дискуссии в рамках методологического спора и полемика с материалистическим пониманием истории), категориально-понятийных и методологических аспектов, рецепционных и актуализирующих компонент. В качестве опровержения критики известного экономиста также приведены аргументы в пользу «веберовской исследовательской программы» В. Шлюхтера и реконструированной парадигмы Т. Швинна и Г. Альберта. В качестве заключения выделены основные линии актуализации наследия классика в социологии веберинства, связанные с идеями «Протестантской этики...».

Ключевые слова: методология социальных наук; Макс Вебер; протестантская этика; веберинство; экономическая социология; капитализм; идеальный тип.

¹ См.: Экономическая социология. 2018. 19 (3): 25–49 (URL: https://ecsoc.hse.ru/data/2018/05/31/1149315514/ecsoc_t19_n3.pdf#page=25); 2018. 19 (4): 12–42 (URL: https://ecsoc.hse.ru/data/2018/09/30/1156659572/ecsoc_t19_n4.pdf#page=12).

Введение

Бывает нечто, о чём говорят: «смотри, вот это новое»; но это было уже в веках, бывших прежде нас [Еккл. 1: 10].

В статье «Гипноз Вебера. Заметки о “Протестантской этике и духе капитализма”» [Капелюшников 2018] автор предпринимает попытку доказать ошибочность тезисов Вебера с точки зрения экзегезы, верификации, валидности, периодизации, соглашаясь с многочисленными критиками (и прежде всего с Р. Маккинном) противоречивости и неясности анализа Вебера с точки зрения теологии, экономической теории и истории. Собственно, дискуссию с автором можно было бы прекратить в связи с основным тезисом статьи, что якобы центральная идея, или гипотеза, веберовского анализа — протестантизм как стартовая площадка для развития капитализма [Капелюшников 2018: 26]. Согласно самому Веберу, исследования протестантизма, поздняя статья о протестантских сектах и сравнительные исследования мировых религий имеют в высшей степени «спиритуалистические» и антиматериалистические черты. Иными словами, Вебер стремится показать *границы* «материалистического понимания истории» при анализе исторического развития, выступая одновременно против одностороннего — как материалистического, так и спиритуалистического — толкования: «Это, конечно, отнюдь не означает, мы намерены заменить одностороннюю “материалистическую” интерпретацию каузальных связей в области культуры и истории столь же односторонней спиритуалистической каузальной интерпретацией. Та и другая допустимы в равной степени, но обе они одинаково мало помогают установлению исторической истины, если они служат не предварительным, а заключительным этапом исследования» [Вебер 1990: 208]. Речь, таким образом, идёт о методологии социальных наук и об эвристической ценности, что доказывают ранние и более поздние работы классика, будь то полемика с В. Рошером и К. Книсом, критика марксизма, статьи об «Объективности...» и «Категориях...» или незавершённый проект «Хозяйство и общество». В связи с этим несколько странным выглядит ссылка Р. И. Капелюшникова на Г. Лемана при утверждении, что «сам Вебер считал тезис, представленный в “Протестантской этике”, непреложной истиной, твёрдо установленным научным фактом и не допускал никаких сомнений в его достоверности» [Капелюшников 2018: 27].

Критика «Протестантской этики»

Ранние исторические и эмпирические работы Вебера подвергались наименьшим нападкам, на что есть весомые основания: это лестные оценки современников, например, экономиста Г. Кнаппа, утверждавшего, что Вебер открыл принципиально новый подход в национал-экономии [Knapp 1893: 7], и желание известного историка Т. Моммзена передать «копье» «глубокоуважаемому Макс Веберу» [Kaesler 2003: 18]. Следует также отметить, что ранние работы не были особенно связаны с разработкой какой-либо теории либо концепции.

В большей мере антивеберовское направление развивалось в русле марксизма. Во многом этому способствовал сам Вебер, подвергая критике социализм, социалистов и само марксово учение [Шпакова 2004]; более того, в «Протестантской этике» заявляется и цель исследования: показать *границы* «материалистического понимания истории» при анализе исторического развития, выступая против одностороннего как материалистического, так и спиритуалистического толкования [Вебер 1990: 208]. Неслучайно в «Докладе о революции 1905 года» Ленин с резкой критикой приводит выдержки из работы Вебера как наглядный пример «профессорской мудрости трусливой буржуазии» [Ленин 1973: 325].

Перечислять все критики марксистского толка не представляется возможным. Их обобщение представлено в работе Дж. Льюиса «Марксистская критика социологических концепций Макса Вебера» [Льюис 1981]. Из последних работ отметим работу Яна Ремана, который, опираясь на теорию гегемонии

А. Грамши, рассматривает Вебера как «органического интеллектуала класса буржуазии, стремящегося к гегемонии новой формы капитализма, позже обозначенной как фордизм» [Rehmann 2013: 56].

Очень интересной в связи с рассматриваемой статьей Р. И. Капелюшникова представляется структура критики веберовских тезисов протестантизма Я. Реманом [Rehmann 1998: 212–299]: (1) политико-этический подход «чисто исторического» изложения; (2) основная операция: изоляция «внутренней особенности» (критика тезиса Оффенбахера); (3) от немецкой «протестантской культуры» к англо-американской «гражданской религии» (*civil religion*); (4) Вебер и Зиммель: психологическое углубление марксистского анализа форм стоимости; (5) преодоление Вернером Зомбартом марксизма (историческая школа, две компоненты капиталистического духа и т. д.); (6) категориально-понятийная тавтология «духа капитализма» и капитализма, а также критика попыток М. Вебера разграничить «дух» от экономической формы, как и от форм капиталистического господства; (7) капиталистический дух как популярное массовое движение. Большинство из этих положений (по крайней мере в препринте статьи) мы обнаруживаем также в статье Р. И. Капелюшникова.

Всё это неоднократно обсуждалось и продолжает обсуждаться в рамках социологического дискурса. Несмотря на то, что автор предлагает экономический ракурс («Автор настоящих заметок не социолог, не историк, не теолог, а экономист» [Капелюшников 2018: 27]) и ограничивается «обсуждением особенностей (можно даже сказать сильнее — странностей) самой веберовской аргументации» [Капелюшников 2018: 27], всё же представляется необходимым обращение к «особенностям» (странностям) веберовской аргументации в социологическом дискурсе вне «околонаучного политиканства», по выражению одного из родоначальников отечественного вебероведения, блестящего учёного Юрия Николаевича Давыдова (1929–2007) [Давыдов 1998: 504].

Самая сильная и научно обоснованная часть работы Р. И. Капелюшникова опирается на исследование социолога Л. Кэлбера. Реконструированные Кэлбером формы экономической организации в трактовке автора не вызывают особых сомнений, кроме утверждения, что государственно-социалистическую систему хозяйства Вебер находил, например, в Древнем Египте [Капелюшников 2018: 27] (хотя в данном случае речь идёт не о «чистом» идеальном типе, а, скорее, о смешанном, генетическом)². Во многом классификация совпадает с концепцией Р. Сведберга в его работе «Макс Вебер и идея экономической социологии» [Swedberg 1998], которая стала одним из импульсов развития «новой экономической социологии» [Swedberg 2008]. Следует также отметить влияние тезисов протестантизма на концепцию «укоренённости» экономического действия в социокультурной структуре М. Грановеттера [Грановеттер 2002; 2004; Granovetter 2011] (см. также: [Praetorius 2006: 151]). Автор гипотетической статьи, являясь авторитетным экономистом, почему-то умалчивает о данном направлении, свидетельствующем об эвристической ценности веберовских тезисов протестантизма и сохраняющем свою актуальность и на сегодняшний день.

Как уже отмечалось выше, полемика вокруг «Протестантской этики» не нова. Ещё в 1968 г. выходит сборник статей под редакцией Йоханнеса Винкельманна «Протестантская этика. Критики и антикритики» [Winckelmann 1968]. Спустя полвека выходит аналогичная книга Кристиана Флека «Тезис про-

² В классификационной структуре идеального типа следует различать генерализирующий (общий) и индивидуализирующий типы; этот последний состоит, в свою очередь, из двух подкатегорий: конкретной исторической реальности и относительной исторической концепции (тип). Такая точка зрения подтверждается работами целого ряда авторов, исследующих взаимоотношение социологии и исторической науки в общественно-исторической перспективе. В произведениях Вебера обнаруживаются различные аналитические уровни исследования, детерминированные степенью конкретности и видом абстракции от эмпирических феноменов. Так, Т. Моммзен выделяет уровни «структуры» и «развития» и соответствующие им «общие» и «индивидуальные» типы; С. Кальберг говорит о «динамических», «контекстуальных», «логических» и «эволюционных» моделях; Г. Рот исследует аналитические уровни конфигурации, эволюции и ситуативного анализа; отечественные социологи также выделяют генетические и абстрактно-логические типы.

тестантизма Макса Вебера. Критика и антикритика» [Fleck 2012], посвящённая анализу монографии Х. Штайнерта «Неопровержимые, ошибочные конструкции Макса Вебера. Протестантская этика и дух капитализма» [Steinert 2010].

Однако вернёмся к существу рассматриваемой критики. Ещё в 1934 г. Генрик Гроссман обрушивается с критикой «Протестантской этики» с позиций марксизма, как отмечает исследователь и издатель его работ Р. Кун [Kuhn 2006]. Основные положения работ Г. Гроссмана так или иначе продолжают воспроизводиться экономистами, историками, теологами и социологами. Резюмируя этот практически столетний дискурс, выделим следующие критические позиции относительно «Протестантской этики и духа капитализма»:

- критика, связанная с периодизацией. Одним из первых на это обратил внимание Й. Шумпетер, отметив, что капиталистические формы хозяйства возникли ещё в XIV–XV веках в Венеции и Флоренции, а не в XVI веке во время Реформации, как это представлено в «Протестантской этике»;
- рациональность и стремление к наживе присущи католицизму, и протестантизм, по сути, заимствует эти максимы у католицизма; в то же время протестантизм сам подвергся влиянию капитализма;
- этика протестантизма в изложении Лютера и Кальвина не предполагает жажды наживы, которая, напротив, осуждается;
- критика по методике и технике проведения исследования, согласно которым католиков-предпринимателей не меньше, чем протестантов (Вебер опирался на работу своего ученика Мартина Оффенбахера о конфессиональном профессиональном расслоении в регионе Баден, здесь уже сама репрезентативность под вопросом).

Если подробно рассматривать критическую статью Р. И. Капелюшникова, то она во многом перекликается с вышеупомянутой нашумевшей и достаточно известной монографией Штайнерта, посвящённой так называемым тезисам Вебера—Трёлча о возникновении западноевропейского капитализма. Обобщая критические замечания австрийского социолога в области криминальной социологии, социологии индустриальной культуры и теологии относительно каузальной взаимосвязи протестантской этики и развития капитализма, С. Сегре [Segre 2012: 23] выделил следующее:

- неясная и непоследовательная формулировка этих тезисов делает их непроверяемыми. К этому недостатку ясности и последовательности следует добавить нечёткую и размытую концепцию идеального типа с «избирательным сродством». Вебер полагался на эти соображения, чтобы сохранить существование причинно-следственной связи между протестантской этикой и духом капитализма;
- тезисы также вызывают возражения с точки зрения методологических основ;
- утверждение о том, что капиталистический дух когда-либо существовал, может быть оспорено с точки зрения филологических и сущностных оснований. Более того, выбор Вебером Франклина как близкого к идеальному типу индивидуума, пронизанного таким духом, неприемлем;

- аскетические тенденции могут быть обнаружены за пределами пуританского протестантизма, также в католицизме. Во всяком случае, дисциплинированное поведение в жизни, которое, по мнению Вебера, является характеристикой современного капитализма, содержит более убедительные объяснения, которые не основаны на религии. Сам Вебер указал в других текстах на нерелигиозные факторы, свидетельствующие о росте капитализма;
- обширная рецепция тезисов Вебера—Трёлча либо их категорически опровергала, либо подтверждала их неадекватной аргументацией;
- влияние классовой принадлежности и аристократической интеллектуальной среды Вены на воззрения М. Вебера, сознательного буржуа.

В статье отечественного экономиста мы находим критику непоследовательности и противоречивости формулировок [Капелюшников 2018: 41]; идеального типа с «избирательным сродством», сомнения относительно объективности методологических оснований [Капелюшников 2018: 25, 44]; фигуры Франклина как идеального типа индивидуума, носителя «духа» [Капелюшников 2018: 25, 44]; аскетизма, который присущ только протестантизму, с отсылкой к католицизму и более ранним формам капиталистической формы хозяйства [Капелюшников 2018: 25, 44]; противоречивости рецепции [Капелюшников 2018: 25]; критику классовой принадлежности Вебера, которая якобы отразилась в «Протестантской этике».

В связи с этим возникает необходимость рассмотреть кратко критику протестантизма Р. И. Капелюшникова. Начнём с якобы неопровержимого характера тезисов Вебера—Трёлча (далее — тезис Вебера).

Опровержение критики

Неясные, непоследовательные и противоречивые формулировки тезиса Вебера

Множество интерпретаций и рецепций тезисов «Протестантской этики», как они сформулированы в первом издании, с начала прошлого века могут указывать, полагают М. Маккинон и Х. Леман, на отсутствие ясности этого тезиса [MacKinnon 1995; Lehman 2005], на них ссылается также автор статьи-инвективы [Капелюшников 2018: 27–29; 41–43]. В свою очередь, необозримое количество ссылок на веберовскую работу может также подтверждать, что протестантская этика сохраняет свою эвристическую ценность и актуальность и на настоящий момент. Согласно же упомянутым авторам, тезис Вебера не может быть сформулирован с полной ясностью, но поколения учёных поддерживают диспут на эту тему уже более 100 лет. Разногласия и оценки предполагают, что тезис не может быть опровергнут или подтверждён; соответственно, он не является опровержимым.

Макс Вебер неоднократно пытался ответить на критику оппонентов, таких как К. Фишер и Ф. Рахфаль, и пояснить свою позицию [Weber 1907; 1908; 1910]. Его усилия были, по-видимому, не совсем успешными, как было сказано ранее. Тем не менее его фундаментальные тезисы представляются достаточно ясными и непротиворечивыми: во-первых, новый внутримирской аскетизм, имеющий религиозные корни в протестантизме, стал составной частью культуры, современной трудовой этики, образа и стиля жизни; во-вторых, новая профессиональная этика и стиль жизни соответствовали запросам раннего капитализма; в-третьих, Вебер стремился показать значение «идей» в понимании истории, как и границы материалистического и спиритуалистического понимания истории [Schluchter 1979: 204–210]; в-четвёртых, сам Вебер даёт однозначный ответ своим первым критикам: «1. Аскетический протестантизм оказывал влияние повсюду в общем направлении преобразования восприятия профессии в смыс-

ле рациональной, экономической жизненной методики, независимо от политических, экономических, географических и этнических условий, как и от степени развития капитализма как экономической системы. 2. На территориях, где в наибольшей степени было развито капиталистическое хозяйство до Реформации: в Италии (как и во Фландрии) отсутствовал методически-рациональный образ жизни в экономическом действии, отсутствовал «капиталистический дух», как и рациональный «закал» стремления наживы и потребления» [Winckelmann 1968: 47].

Критика методологических основ

Автор гипнотической статьи, являясь не социологом или теологом, а экономистом, посвящает практически треть своей работы теологическим аспектам труда Вебера [Капелюшников 2018: 35–44], реферативно излагая взгляды Маккинона. При этом методология идеальных типов, понимание интересубъективного смысла, сравнительно-историческая методология остаются как бы за скобками. На данный момент очевиден тот факт, что любой классик, в том числе и Вебер, может быть адекватно прочтён под углом зрения трёх важнейших рецепционных компонент, а именно:

- историко-биографических и контекстуальных (в случае с Вебером теоретические дискуссии в рамках методологического спора и полемика с марксовым материалистическим пониманием истории);
- категориально-понятийных и методологических аспектов;
- рецепционных и актуализирующих.

Практически ни одной из данных компонент мы в тексте Р. И. Капелюшникова не находим. Подчеркнём, что если рассматривать работы классиков социологии исключительно под углом зрения их содержания, то, например, работа Э. Дюркгейма «Самоубийство» может быть подвергнута ещё большей критике со стороны психологов и даже социологов, однако этот социологический этюд и на данный момент заслуживает высокие оценки благодаря методологии «социальных фактов».

В части статьи под названием «Общая схема» Р. И. Капелюшников предпринимает попытку реконструкции веберовских взглядов на эволюцию современного капитализма и систематизацию типов капитализма с опорой на Кэлбера [Kaelber 2005], самого Вебера и, как ни странно, веберианца С. Колберга, автора работы «Введение в сравнительно-историческую социологию Макса Вебера» [Kalberg 2001]. В статье российского экономиста упомянуто лишь введение к переводу на английский язык С. Колбергом «Протестантской этики» — изолированно от его высоких оценок как самого произведения, так и в целом сравнительно исторической методологии. Здесь возникает ряд вопросов к автору: во-первых, в чём заключается новизна реконструкции веберовских взглядов в сравнении, например, с работой 20-летней давности блестящего представителя экономической социологии Р. Сведберга [Swedberg 1998]? Не потому ли, что Сведберг-веберианец приводит весомые доказательства в пользу актуализирующего потенциала веберовской понимающей экономической социологии, в том числе и «Протестантской этики»? Во-вторых, так и непонятна авторская интерпретация соотношения веберовской методологии и «Протестантской этики». Следует ли рассматривать «Протестантскую этику» как историко-теологический трактат или же как социологическую работу, сохраняющую свою эвристическую ценность?

Более того, понятие «избирательное сродство», или «внутреннее сродство» (*Wahlverwandtschaften*), является метафорой, использованной Вебером для иллюстрации отношения, которое он установил между протестантской этикой и духом капитализма, как правильно указал и Р. И. Капелюшников [Капелюшников 2018: 31]. Однако узкая интерпретация этого метафорического термина спорна. Автор

статьи интерпретирует данное понятие как некую должную схему, модель по аналогии с естественно-научными законами. Сам же Вебер категорически выступал против применения каких-либо законов, а писал лишь о закономерностях и «шансе». Так, например, Вебер недвусмысленно даёт понять, что не ожидает от психологического направления, основанного на естественнонаучных законах, особенного вклада в социологию. Под естественнонаучной психологией подразумевается наука, которая не учитывает субъективный смысл и ищет общие законы, определяющие человеческое поведение, например — направления, занятые поиском неврологических и прочих психологических законов. Такая психология, как пишет неоднократно Вебер, для социологии неинтересна, так как не объясняет субъективный смысл, который определяет действие [Weber 1988a: 168]. Конstellляция intersубъективных смыслов акторов через координацию действия образует определённый социальный порядок, но это лишь одна из возможностей: в веберовской терминологии «шанс» детерминирован множеством исторических фактов. В случае кальвинистского протестантизма избирательное средство основано, как отмечает Р. Х. Хоу, на общем языке между этикой Реформации и её верой [Howe 1978: 382].

Более того, тезис Вебера также считался неоднозначным из-за идеи «психологической премии», которую приверженцам аскетического протестантизма должен был, согласно Веберу, обеспечивать успех в мирских делах, поскольку он воспринимался ими как свидетельство их избранности, освобождая от мук, связанных с непостижимостью Божьего замысла. Именно этим Вебер объяснял, каким образом протестантизм смог стать «мотором» современного капитализма» [Капелюшников 2018: 25]. Иначе говоря, возникает вопрос: являются ли причинные факторы социально-психологическими условиями протестантской веры или, скорее, социальной организацией протестантов? Однако следует отметить, что фундаментальный тезис Вебера, представленный в сжатой форме, каузально связывает два идеальных типа — протестантскую этику, воплощённую в последовательных жизненных практиках, образе и стиле жизни, и дух капитализма, а не их концептуальные компоненты, рассматриваемые отдельно. Здесь оппонент Вебера явно не видит специфику идеального типа.

Что касается идеального типа капиталистического духа, то комментарии Дирка Кэслера (на которого ссылается автор статьи несколько в другом контексте) хорошо подходят и к утверждению Р. И. Капелюшникова о том, что этот дух нигде не может быть найден как источник мотивации капиталистического развития. Такая критика только показывает, по мнению Кэслера, отсутствие у критиков знания и понимания идеального типа Вебера [Kaesler 2003: 124]. «О методологическом (Выделено Кэслером. — Д. К.) значении исследований протестантизма написано столь же много и так же противоречиво, как и об их социологической релевантности. Фактом остаётся, что Вебер в этих работах опирался на сравнительный подход методологии идеальных типов» [Kaesler 2003: 124]. В связи с этим следует отметить, что, во-первых, идеальный тип это не «средний» или «эмпирический тип» (*Durchschnittstypus*), а логическая конструкция; во-вторых, они соотносятся с «идеями», то есть являются «мыслительными конструкциями», которые создаются с помощью «нашей фантазии» [Weber 1988: 192–195]. В то же время Макс Вебер предупреждает об опасности использования идеальных типов в качестве «гипотез реальных сил истории»; в-третьих, следует выделять в структуре идеального типа динамические, контекстуальные, логические модели и модели развития [Kalberg 2001: 117–124]. В ранних произведениях Макса Вебера обнаруживаются ссылки на необходимость конкретно-исторического анализа при образовании понятий и категорий. Так, например, в исследовании «Аграрные отношения Средневековья» он писал: «<...> Прогресс познания историков <...> достигается тем, что они начинают, как мулы, пахать многообразие исторических фактов, чем отличаются от презираемых ими экономических теоретиков, и так приходят к ясным понятиям» [Weber 1988b: 113].

Таким образом, критика «Протестантской этики» в её первом издании с позиций теологических, содержательных аспектов, рассмотрение работы как исторического этюда и веберовской методологии как должной схемы выглядит несостоятельной, так как в произведении речь идёт прежде всего о

реконструкции смысловой взаимосвязи идей и материальной действительности, о дискуссии вокруг одностороннего подхода «базиса и надстройки», о преодолении, но не синтезе в рамках «методологического спора» между историческим и теоретическим направлениями в национал-экономии. В «Протестантской этике» мы видим основы «понимающей» социологии: субъективно подразумеваемый смысл единичных акторов через агрегацию и координацию в социальных группах является важнейшей частью социально-экономической действительности, поэтому и необходимо «понимание».

Вильгельм Хеннис в связи с этим выразил интересную мысль: «От обозначения Вебера “классиком социологии” следует отказаться в интересах непредвзятого понимания великого учёного» [Hennis 1994: 106]. С ним соглашается отечественный исследователь А. Ф. Филиппов: «Вебер намеренно ограничил область своих поздних исследований экономической социологией, потому что в это время его занимал совершенно конкретный исторический вопрос: как возник современный западный рациональный, ориентированный на рентабельность капитализм, а не общие вопросы экономической или социологической теории» [Филиппов 2017: 21]. С выходом последнего тома полного собрания сочинений Макса Вебера (см.: [Weber 2017]) наблюдается поворот даже в стане ортодоксального веберизма в гейдельбергской школе. Яркий представитель этой школы В. Шлюхтер в работе «Поздняя социология Макса Вебера» [Schluchter 2016] смещает проблемное поле от «социологической структурной феноменологии универсальной истории» [Schluchter 1979: 6] к «возникновению и своеобразию западного рационализма и (или) капитализма» [Schluchter 2016: 36, 122, 309].

С этих позиций может быть опровергнута критика выбора Б. Франклина в качестве идеального типа «носителя духа», выявление рациональных черт в католицизме и периодизации. Интересным в данном случае выглядит позиция Г.-П. Мюллера: «Он (Вебер. — Д. К.) разработал подход, в рамках которого, во-первых, отождествил религиозную этику и формулируемые в ней последние мотивы истолкования ценностей; во-вторых, выявил институциональную конфигурацию, определяющую различные порядки и силы, а также доминантные группы носителей, что позволило более детально описать практически релевантный этос соответствующих групп и типичный для них тип “личности”. С учётом строгой систематики веберовского подхода его сравнительно-культурная социология религии, посвящённая ценностно-ориентированным способам ведения жизни, является настоящей находкой для современных исследований стилей жизни» [Мюллер 2017: 118].

Следует подчеркнуть, что М. Вебер гораздо раньше 1919 г. обратился к понимающей социологии. Весомым доказательством этому служит исследование аскетического протестантизма в первой публикации «Протестантской этики», где обосновывается идея не об экономической обусловленности религиозных явлений, а, напротив, о религиозной детерминации экономических явлений, о культурных процессах и феноменах, которые не могут быть исследованы только лишь под экономическим углом зрения. Если следовать данной интерпретации, то «социальная экономия» — не более чем удобное и распространённое понятие начала XX века, а не теоретико-методологическая концепция. Как убедительно доказывает исследование протестантизма, для М. Вебера, помимо экономически обусловленных социальных явлений, значительную роль играют и внеэкономические культурные факторы. То, какой подход будет выбран исследователем для анализа социальной действительности, зависит от постановки проблемы. Однако теоретико-методологический аппарат остаётся аппаратом понимающей социологии. Понимающая экономическая социология является при этом отраслевой, конкретизирующей социологией по отношению к общей социологии Макса Вебера.

Вместо заключения: пути актуализации веберовского наследия

Многие из замечаний Р. И. Капелюшникова, Х. Штайнерта, Я. Ремана и др. имеют под собой вполне обоснованные научные выводы, если рассматривать «Протестантскую этику» как некую естествен-

нонаучную модель, изолированно от сравнительно-исторических исследований хозяйственной этики мировых религий и «Собрания сочинений по социологии религии» в составе полного собрания сочинений, специфики методологии идеальных типов как эвристического средства и «понимающей социологии», вне контекста веберовских дискуссий в рамках «методологического спора» и полемики с марксизмом. Но если отбросить все эти аспекты, то в данном случае вряд ли Вебер стал бы, по образному выражению Л. Г. Ионина, «чемпионом социологии», как это сформулировано во вступительной статье редактора русского издания «Хозяйство и общество» [Ионин 2016: 10].

Имея в виду целостное прочтение Вебера, отметим следующее: во-первых, исследование протестантизма рассматривается нами (собственно, как и большинством веберовцев) не как завершённая теоретическая схема, а как методологическая работа, экспланандум многоуровневого синтеза макро-микро-макроперехода, который показывает возможности преодоления одностороннего материалистического либо спиритуалистического подхода. Такой подход включает следующее:

- применение концепта историко-сравнительного и идеально-типического метода;
- попытку комплексной смысловой реконструкции идей и материальной действительности и в то же время выражение своей точки зрения по поводу дебатов о марксистской схеме «базиса и надстройки»;
- три парадигмально взаимосвязанных аспекта веберовской социологии, подробно разработанных представителями гейдельбергской школы веберовства: ход действий (типология действия), структурные образования (ценностные сферы) и проекция смысла (понимание и толкование). Критика же каузальной взаимосвязи протестантской этики и духа капитализма опровергается самими замечаниями Вебера о невозможности применения «законов» в социальных науках; речь идёт лишь о «возможности» (шансе), то есть о смысловой взаимосвязи (адекватности).

Таким образом, «Протестантскую этику» следует, скорее, рассматривать как работу, сохраняющую эвристическую ценность, и отправной пункт для дискуссий и исследований.

Что касается продуктивного применения работ классика, выделим линии актуализации:

- в системно-теоретической перспективе, как и для модели социологического объяснения и понимания, работа «Протестантская этика» стала экспланандумом и синтеза действия и структуры, и модели объясняющего понимания макро-микро-макроперехода (Ритцер, Коулмен, Шлюхтер, Альберт, Швинн, Кэслер). Так, ещё в конце прошлого века Р. Сведберг, М. Грановеттер, Р. Коллинз, Дж. Коулмен, Х. Эссер и др. подчёркивали важность экспланандума протестантской этики для «новейшей экономической социологии», концепций «ценностной рациональности», «укоренённости» экономического действия, «теорий рационального выбора», теорий синтеза микро-макро- и макро-микроуровней социологического анализа и др.;
- решение проблемы взаимосвязи социологической теории с экономической социологией в работах классика, рассмотренное в работах Р. Сведберга [Swedberg 1998], А. Маурер [Maurer 2008], М. Грановеттера [Грановеттер 2004]. Благодаря классика раскрываются «укоренённость» экономического действия в социокультурной структуре, применение не только объяснения, но понимания при анализе экономических феноменов в «новейшей экономической социологии». Обращение к экономическим работам Макса Вебера, к эволюции его экономических воззрений обусловлено как возобновившейся теоретико-методологической дискуссией вокруг интереса к

веберовским экономическим трудам (Ричард Сведберг и Марк Грановеттер), так и полемикой в лоне нео- и поствеберизма о причислении немецкого учёного к классикам. Р. Сведберг пишет: «Несмотря на позитивные аспекты этих подходов, среди представителей экономической социологии широко распространено чувство, что они недостаточно сильны, чтобы нести груз полностью разработанной экономической социологии — это то место, где Вебер вступает в игру» [Swedberg 2006: 292]. В научной литературе по новой экономической социологии всё больше ссылаются на значение веберовских трудов для данной дисциплины. Действительно, М. Вебер рассматривает множество аспектов и проблем, которые являются актуальными для современной теоретической дискуссии в экономической социологии: (1) исследование экономической сферы с точки зрения теории действия; (2) взаимосвязь между экономической сферой и социокультурными детерминантами; (3) междисциплинарное соотношение между социологией, экономической социологией и экономической наукой. Решение данных проблемных аспектов в экономической социологии в веберовской перспективе возможно, как отмечает Т. Швинн, только в рамках основной социологической проблематики теории действия и системной теории, то есть в рамках проблемы микро-макроразвязки, впервые представленной в «Протестантской этике» [Schwinn 2013: 91];

— к актуальному статусу веберовской социологии: в 2016 г. вышла коллективная монография «Старые понятия — новые проблемы. Социология Макса Вебера в свете актуальной постановки проблем» [Schwinn, Albert 2016], посвящённая 150-летию со дня рождения классика. В первой части авторы прослеживают изменения в веберовской исследовательской традиции, произошедшие за 50 лет после резонансного конгресса 1964 г. Веберовская интеллектуальная традиция на современном этапе сталкивается с иными вызовами, главным из которых является ответ на вопрос, имеет ли социология Макса Вебера достаточный потенциал, чтобы, помимо осмысления возникновения и становления современности, быть актуальной теорией для диагностики и прогнозирования нынешних проблем глобализации и модернизации. Во второй части представлены критические аннотации докладов и публикаций, в которых с помощью веберовских категорий анализируются актуальные проблемы и феномены в таких тематических разделах, как «Биография и отражение великих культурных проблем», «Религиозный фундаментализм и секуляризация», «Новые формы национального и транснационального господства», «Актуальный капитализм финансовых рынков», «К актуальности социологии культуры», «Современные варианты харизмы», «Потребление и социальное неравенство», «Исторический генезис и распространение современности». Далее эксплицируется тезис об эвристическом потенциале трёхсоставной веберовской парадигмы (теория, методология и исторический анализ) как для исследования трансформационных процессов настоящего, так и для прогнозирования развития современности в будущем, охватывая широкий спектр актуализированной веберовской социологии [Швинн, Альберт 2017].

Эвристическая ценность социологической классики заключается не в содержательных моментах, которые якобы должны быть релевантными, а в способе постановки проблем; решения же могут быть иными. Тот факт, что веберовская методология и категориальный аппарат, заложенный Максом Вебером в «Протестантской этике», и на сегодняшний день применяется социологами, философами, экономистами, теологами, политологами (не говоря уже о парадигмах социального знания), свидетельствует, скорее, не о гипнозе, а об актуальности наследия классика.

Литература

Вебер М. 1990. *Избранные произведения*. Пер. с нем. Сост., общ. ред. и послесл. Ю. Н. Давыдова; предисл. П. П. Гайденко. М.: Прогресс.

- Грановеттер М. 2002. Экономическое действие и социальная структура: проблема укоренённости. Пер. М. С. Добряковой; науч. ред. В. В. Радаев. *Экономическая социология*. 3 (3): 44–58. URL: https://ecsoc.hse.ru/data/2011/12/08/1208205035/ecsoc_t3_n3.pdf#page=44
- Грановеттер М. 2004. Экономические институты как социальные конструкты: рамки анализа. *Журнал социологии и социальной антропологии*. 7 (1): 76–89.
- Давыдов Ю. Н. 1998. *Макс Вебер и современная теоретическая социология. Актуальные проблемы веберовского социологического учения*. М.: Мартис.
- Ионин Л. Г. 2016. Вступительная статья редактора русского издания. В кн. Вебер М. Хозяйство и общество. Очерки понимающей социологии: В 4 т. Т. I. *Социология*. М.: Изд. дом ВШЭ; 10–34.
- Капелюшников Р. И. 2018. Гипноз Вебера. Заметки о «Протестантской этике и духе капитализма». Часть I. *Экономическая социология*. 19 (3): 25–46. URL: https://ecsoc.hse.ru/data/2018/05/31/1149315514/ecsoc_t19_n3.pdf#page=25
- Ленин В. И. 1973. Доклад о революции 1905 года. В изд. Ленин В. И. *Полное собрание сочинений*: В 55 т.п. Изд 5-е. Т. 30. М.: Издательство политической литературы; 306–328.
- Льюис Дж. 1981. *Марксистская критика социологических концепций Макса Вебера*. М.: Прогресс.
- Мюллер Г.-П. 2017. Ведение жизни: систематический очерк в контексте исследовательской программы Макса Вебера. *Социологическое обозрение*. 16 (3): 111–135.
- Филиппов А. Ф. 2017. Социология и проклятье политического. В кн.: Вебер М. *Власть и политика*. М.: РИПОЛ классик; 5–58.
- Швинн Т., Альберт Г. 2017. Старые понятия — новые проблемы: социология Макса Вебера в свете актуальных вызовов. Пер. Д. В. Катаева; науч. ред. О. В. Кильдюшов. *Социологическое обозрение*. 16 (2): 198–217.
- Шпакова Р. П. 2004. Макс Вебер о социализме и социалистах. *Вестник Санкт-Петербургского университета*. Серия 6. 3: 91–97.
- Fleck Ch. (Hrsg). 2012. *Max Webers Protestantismus-These Kritik und Antikritik*. Innsbruck; Wien; Bozen: Studien Verlag Ges.m.b.H.
- Granovetter M. 2011. Economic Action and Social Structure: The Problem of Embeddedness. In: Granovetter M., Swedberg R. (eds) *The Sociology of Economic Life*. Boulder, CO: Westview Press; 481–510.
- Steinert H. 2010. *Max Webers unwiderlegbare Fehlkonstruktionen. Die protestantische Ethik und der Geist des Kapitalismus*. Frankfurt am Main: Campus.
- Hennis W. 1994. «Die volle Nüchtheit des Urteils». Max Weber zwischen Carl Menger und Gustav Schmoller. Zum hochschulpolitischen Hintergrund des Werturteilpostulats. In: Wagner G., Zipprian H. (Hrsg.) *Max Webers Wissenschaftslehre. Interpretation und Kritik*. Frankfurt am Main: Suhrkamp; 105–145.
- Howe R. H. 1978. Max Weber's Elective Affinities: Sociology within the Bounds of Pure Reason. *American Journal of Sociology*. 84 (2): 366–385.

- Kaelber L. 2005. Rational Capitalism, Traditionalism, and Adventure Capitalism: New Research on the Weber Thesis. In: Swatos W. H., Jr., Kaelber L. (eds) *The Protestant Ethic Turns 100: Essays on the Centenary of the Weber Thesis*, London: Taylor and Francis; 139–263.
- Kaesler D. 2003. *Max Weber: Eine Einführung in Leben, Werk und Wirkung*. Frankfurt/M.; New York: Campus Verlag.
- Kalberg S. 2001. *Einführung in die historisch-vergleichende Soziologie M. Webers*. Wiesbaden: Westdeutscher Verlag GmbH.
- Kalberg S. 2002. Introduction to “The Protestant Ethic”. In: Weber M. *The Protestant Ethic and the Spirit of Capitalism*. Los Angeles: Roxbury Publishing Company; xi–lxxvi.
- Knapp G. F. 1893. Verhandlungen der am 20. und 21. März 1893 in Berlin abgehaltenen Generalversammlung des Vereins für Sozialpolitik. “Referat” in *Verein für Sozialpolitik*. Leipzig: Duncker und Humbold.
- Kuhn R. 2006. Introduction to Henryk Grossman’s Critique of Franz Borkenau and Max Weber. *Journal of Classical Sociology*. 6 (2). July: 57–100.
- Lehmann H. 2005. Friends and Foes: The Formation and Consolidation of the “Protestant Ethic” Thesis. In: Swatos W. H., Jr., Kaelber L. (eds) *The Protestant Ethic Turns 100: Essays on the Centenary of the Weber Thesis*. London: Taylor and Francis: 1–22.
- MacKinnon M. H. 1995. The Longevity of the Thesis: A Critique of the Critics. In: Lehmann H., Roth G. (eds) *Weber’s «Protestant Ethic»: Origins, Evidence, Contexts*. Publications of the German Historical Institute. Revised Edition. Washington, DC: Cambridge University Press; 211–243.
- Maurer A. 2008. (Hrsg.) *Handbuch der Wirtschaftssoziologie*. Wiesbaden: Springer VS.
- Praetorius I. 2006. Wirtschaftssoziologie als verstehende Soziologie? In: Albert G. (Hrsg.) *Aspekte des Weber-Paradigmas*. Wiesbaden: Springer VS; 144–169.
- Rehman J. 2013. *Max Weber: Modernisierung als passive Revolution. Kontextstudien zu Politik, Philosophie und Religion im Übergang zum Fordismus*. Hamburg: Argument Verlag.
- Schluchter W. 1979. *Die Entwicklung des okzidentalen Rationalismus: Eine Analyse von M. Webers Gesellschaftsgeschichte*. Tübingen: Mohr.
- Schluchter W. 2016. *Max Webers späte Soziologie*. Tübingen: Mohr Siebeck.
- Schwinn T. 2013. *Max Weber und die Systemtheorie. Studien zu einer handlungstheoretischen Makrosoziologie*. Tübingen: Mohr.
- Schwinn T., Albert G. 2016. Alte Begriffe — Neue Probleme. Max Webers Soziologie im Lichte aktueller Herausforderungen. In: Schwinn T. Albert G. (Hrsg.) *Alte Begriffe — Neue Probleme. Max Webers Soziologie im Lichte aktueller Problemstellungen*. Tübingen: Mohr Siebeck; 1–19.
- Segre S. 2012. A Comment on a Recent Work by Heinz Steinert on Max Weber. In: Fleck Ch. (Hrsg.) *Max Webers Protestantismus-These: Kritik und Antikritik. Österreichische Zeitschrift für Geschichtswissenschaften*. Jg. 23. Bd. 3. Innsbruck; Wien; Bozen: Studien Verl; 16–32.

- Swedberg R. 1998. *Max Weber and the Idea of Economic Sociology*. New York: Princeton University Press.
- Swedberg R. 2006. Verstehende Wirtschaftssoziologie. Über die Beziehung zwischen Max Webers "Soziologischen Grundbegriffen" und seiner Wirtschaftssoziologie. In: Lichtbau K. (Hrsg.) *Max Webers "Grundbegriffe" Kategorien der kultur- und sozialwissenschaftlichen Forschung*. Wiesbaden: VS Verlag; 292–315.
- Swedberg R. 2008. Die Neue Wirtschaftssoziologie und das Erbe Max Webers. In: Maurer A. (Hrsg.) *Handbuch der Wirtschaftssoziologie*. Wiesbaden: Springer VS; 45–61.
- Weber M. 1907. Kritische Bemerkungen zu den vorstehenden 'Kritischen Beiträgen'. In: *Archiv für Sozialwissenschaft und Sozialpolitik*. 24: 243–249.
- Weber M. 1908. Bemerkungen zu der vorstehenden "Replik". In: *Archiv für Sozialwissenschaft und Sozialpolitik*. 26: 275–283.
- Weber M. 1910. Antikritisches zum "Geist des Kapitalismus". In: *Archiv für Sozialwissenschaft und Sozialpolitik*. 30: 176–202.
- Weber M. 1980. *Wirtschaft und Gesellschaft: Grundriß der verstehenden Soziologie*. Tübingen: Mohr.
- Weber M. 1988a. *Gesammelte Aufsätze zur Wissenschaftslehre*. Tübingen: Mohr.
- Weber M. 1988b. *Gesammelte Aufsätze zur Sozial- und Wirtschaftsgeschichte*. Leinen: Kröner Verlag.
- Weber M. 2017. *Max Weber-Gesamtausgabe Band II/1: Briefe 1875–1886*. G. Hübinger (Hrsg.). Tübingen, Mohr.
- Winckelmann J. (Hrsg.) 1968. *Max Weber. Die protestantische Ethik II. Kritiken und Antikritiken*. Hamburg: Siebenstern Taschenbuch-Vlg.

DEBATES

Dmitry Kataev

Weberian and Anti-Weberian Discourse: To the Question of the Hypnotic Power of Classics on the Example of “Protestant Ethics”

KATAEV, Dmitry — Doctor of Sociological Sciences, Professor, Department of Philosophy, Sociology and Theology, Lipetsk State Pedagogical Semenov-Tyan-Shansky University, Address: Lenin str., 42/2, Lipetsk, 398020, Russian Federation.

Email: dmitrikataev@rambler.ru

Abstract

The article is a response to the text by R. I. Kapelyushnikov, “Weber’s Hypnosis: Notes on ‘Protestant Ethics and the Spirit of Capitalism.’” The reasons and main directions of criticism and anti-criticism of the “Weber thesis,” about the emergence of capitalism due to Protestant ethics, are considered. In light of the criticisms of a well-known domestic economist, the Weberian and anti-Weberian dispute has been analyzed around one of the most cited classics, which testifies to the heuristic value of Max Weber’s scientific heritage, which remains relevant today. It should be noted that the 100-year narrative (the first critics of the Protestant thesis

appear immediately after the publication of the Protestant ethic) requires more detailed research. Interpretation of Max Weber’s creativity is possible only in the context of the complete collection of works (Max Weber-Gesamtausgabe [1984–2017]), including the systematics of the sociology of religion (which included “Protestant Ethics”) and, later, the 7-volume edition of “Economics and Society” on the economic ethics of world religions. The uncharted and authentic reflection of the legacy of the classic is possible only in view of a holistic reading of the classic, taking into account the historical, biographical, contextual (in the case of Weber’s theoretical discussions in the methodological dispute and controversy with the materialist understanding of history), categorical-conceptual, and methodological aspects, as well as the receptive and actualizing components. As a refutation of the criticism of the well-known economist, arguments are also presented in favor of W. Schluchter’s “Weberian research program” and the reconstructed paradigm of T. Schwinn and G. Albert. As a conclusion, the main lines of actualizing the legacy of the classic, which originates in the “Protestant Ethics,” are highlighted.

Keywords: methodology of social sciences; Max Weber; Protestant ethics; Weberianism; economic sociology; capitalism; ideal type.

References

- Davydov Yu. N. (1998) *Max Weber i sovremennaya teoreticheskaya sotsiologiya aktualnye problemy weberovskogo sotsiologicheskogo ucheniya* [Max Weber and Modern Theoretical Sociology: Actual Problems of the Weberian Sociological Studies], Moscow: Martis (in Russian).
- Filippov A. (2017) *Sotsiologiya i proklyate politicheskogo* [Sociology and the Curse of the Political]. *Vlast i politika* [Power and Politics] (M. Weber), Moscow: RIPOL Classic Publishing House, pp. 5–58 (in Russian).
- Fleck Ch. (Hrsg.) (2012) *Max Webers Protestantismus-These Kritik und Antikritik* [Max Weber’s Protestant-Thesis Criticism and Anti-Criticism], Innsbruck; Wien; Bozen: Studien Verlag Ges.m.b.H (in German).

- Granovetter M. (2002) Ekonomicheskoye i sotsial'naya struktura: problema ukorenennosti. [Economic Action and Social Structure: The Problem of Embeddedness] (Rus. transl. by M. S. Dobryakova; ed. V. V. Radaev). *Journal of Economic Sociology = Ekonomicheskaya sotsiologiya*, vol. 3, no 3, pp. 44–58. Available at: https://ecsoc.hse.ru/data/2011/12/08/1208205035/ecsoc_t3_n3.pdf#page=44 (accessed 14 September 2018) (in Russian).
- Granovetter M. (2004) Ekonomicheskie instituty kak sotsialnye konstrukty: ramki analiza [Economic Institutions as Social Constructions: A Framework for Analysis]. *Journal of Sociology and Social Anthropology*, vol. 7, no 1, pp. 76–89 (in Russian).
- Granovetter M. (2011) Economic Action and Social Structure: The Problem of Embeddedness. *The Sociology of Economic Life* (eds. M. Granovetter, R. Swedberg), Boulder, CO: Westview Press, pp. 81–510.
- Hennis W. (1994) “Die volle Nüchternheit des Urteils“. Max Weber zwischen Carl Menger und Gustav Schmoller. Zum hochschulpolitischen Hintergrund des Werturteilpostulats [“The Full Humbleness of the Judgment“. Max Weber between Carl Menger and Gustav Schmoller. On the University Policy Background of the Value Adjustment Postulate] (ed. G. Wagner, H. Zipprian) *Max Webers Wissenschaftslehre. Interpretation und Kritik* [Max Weber's Science. Interpretation and Criticism], Frankfurt/M: Suhrkamp, pp. 105–145 (in German).
- Howe R. H. (1978) Max Weber's Elective Affinities: Sociology within the Bounds of Pure Reason. *American Journal of Sociology*, vol. 84, no 2, pp. 366–385.
- Ionin L. G. (2016) Vstupitel'naya statya redaktora russkogo izdaniya [Introductory Article by the Editor of the Russian Edition]. *Khozyastvo i obshchestvo. Ocherki ponimayushchey sotsiologii* [Economics and Society: Essays on Understanding Sociology], vol. I, Sociology (M. Weber)], Moscow: HSE Publishing House, pp. 10–34 (in Russian).
- Kaelber L. (2005) Rational Capitalism, Traditionalism, and Adventure Capitalism: New Research on the Weber Thesis. *The Protestant Ethic Turns 100: Essays on the Centenary of the Weber Thesis* (eds. W. H. Swatos, Jr, L. Kaelber), London: Taylor and Francis, pp. 139–263.
- Kaesler D. (2003) *Max Weber. Eine Einführung in Leben, Werk und Wirkung* [Max Weber. An Introduction to Life, Work and Influence], Frankfurt/M.; New York: Campus Verlag (in German).
- Kalberg S. (2001) *Einführung in die historisch-vergleichende Soziologie M. Webers* [Introduction to Historical-Comparative Sociology M. Webers], Wiesbaden: Westdeutscher Verlag GmbH (in German).
- Kalberg S. (2002) Introduction to “The Protestant Ethic“. *The Protestant Ethic and the Spirit of Capitalism* (M. Weber), Los Angeles: Roxbury Publishing Company, pp. xi–lxxvi.
- Kapeliushnikov R. I. (2018) Gipnoz Webera. Zametki o “Protestantskoj ehtike i duhe kapitalizma“. Chast' I [Weber's Hypnosis. Notes on “The Protestant Ethics and the Spirit of Capitalism“. Part I]. *Journal of Economic Sociology*, vol. 19, no 3, pp. 25–46 (in Russian).
- Knapp G. F. (1893) Verhandlungen der am 20. und 21. März 1893 in Berlin abgehaltenen Generalversammlung des Vereins für Sozialpolitik [Negotiations of the General Assembly of the Verein für Sozialpolitik Held on March 20 and 21, 1893 in Berlin]. “Referat“ in *Verein für Sozialpolitik* [“Referat“ in the Verein für Sozialpolitik], Leipzig: Duncker und Humbold (in German).

- Kuhn R. (2006) Introduction to Henryk Grossman's Critique of Franz Borkenau and Max Weber. *Journal of Classical Sociology*, vol. 6, no 2, pp. 57–100.
- Lehmann H. (2005) Friends and Foes: The Formation and Consolidation of the "Protestant Ethic" Thesis. *The Protestant Ethic Turns 100: Essays on the Centenary of the Weber Thesis* (eds. W. H. Swatos, Jr, L. Kaelber), London: Taylor and Francis, pp. 1–22.
- Lenin V. I. (1973) Doklad o revolyutsii 1905 goda [1905 Revolution Report]. *Polnoye sobraniye sochineniy* [Complete Edition], 5th ed., 55 vol., vol. 30, Moscow: Publishing House of Political Literature, pp. 306–328 (in Russian).
- Lewis J. (1981) *Marksistskaya kritika sotsiologicheskikh kontseptsiy Maxa Webera* [Marxist Criticism of Max Weber's Sociological Concepts], Moscow: Progress (in Russian).
- MacKinnon M. H. (1995) The Longevity of the Thesis: A Critique of the Critics. *Weber's "Protestant Ethic": Origins, Evidence, Contexts* (eds. H. Lehmann, G. Roth). Publications of the German Historical Institute. Revised Edition, Washington, DC: Cambridge University Press, pp. 211–243.
- Maurer A. (2008) (ed.) *Handbuch der Wirtschaftssoziologie* [Handbook of Economic Sociology], Wiesbaden: Springer VS (in German).
- Mueller H. P. (2017) Vedenie zhizni: sistematicheskii ocherk v kontekste issledovatelskoy programmy Maxa Webera [Life Conduct: A Systematic Sketch in the Context of Max Weber's Research Program] (rus. transl. O. Kil'dyushov). *Russian Sociological Review*, vol. 16, no 3, pp. 111–135 (in Russian).
- Praetorius I. (2006) Wirtschaftssoziologie als verstehende Soziologie? [Economic Sociology as an Interpretative Sociology?] *Aspekte des Weber-Paradigmas* [Aspects of the Weber Paradigm] (ed. G. Albert), Wiesbaden: Springer VS, pp. 144–169 (in German).
- Rehman J. (2013) *Max Weber: Modernisierung als passive Revolution. Kontextstudien zu Politik, Philosophie und Religion im Übergang zum Fordismus* [Max Weber: Modernization as a Passive Revolution. Context Studies on Politics, Philosophy and Religion in Transition to Fordism], Hamburg: Argument Verlag (in German).
- Schluchter W. (1979) *Die Entwicklung des okzidentalen Rationalismus: Eine Analyse von M. Webers Gesellschaftsgeschichte* [The Development of Occidental Rationalism: An Analysis of M. Weber's History of Society], Tübingen: Mohr (in German).
- Schluchter W. (2016) *Max Webers späte Soziologie* [Max Weber's Late Sociology], Tübingen: Mohr Siebeck (in German).
- Schwinn T. (2013) *Max Weber und die Systemtheorie. Studien zu einer handlungstheoretischen Makrosoziologie* [Max Weber and the System Theory. Studies on an Action-Theoretical Macro-Sociology], Tübingen: Mohr (in German).
- Schwinn T., Albert G. (2016) Alte Begriffe — Neue Probleme. Max Webers Soziologie im Lichte aktueller Herausforderungen [Old Concepts — New Problems: Max Weber's Sociology in the Light of Current Challenges]. *Alte Begriffe — Neue Probleme. Max Webers Soziologie im Lichte aktueller Problemstel-*

lungen [Old Concepts — New Problems: Max Weber's Sociology in the Light of Current Problems] (eds. T. Schwinn, G. Albert), Tübingen: Mohr Siebeck, pp. 1–19 (in German).

Schwinn T., Albert G. (2017) Starye ponyatiya — novye problemy. Sotsiologiya Maxa Webera v svete aktualnykh vyzovov [Old Concepts — New Problems: Max Weber's Sociology in the Light of Current Challenges] (Rus. transl. by D. Kataev; ed. O. Kil'dyushov). *Russian Sociological Review*, vol. 16, no 2, pp. 198–217 (in Russian).

Segre S. (2012) A Comment on a Recent Work by Heinz Steinert on Max Weber. Max Webers Protestantismus-These: Kritik und Antikritik [Max Weber's Protestant Thesis: Criticism and Anti-Criticism] (ed. Ch. Fleck). *Österreichische Zeitschrift für Geschichtswissenschaften = Austrian Journal of Social Science*, vol. 23, no 3, Innsbruck; Wien; Bozen: Studien Verl, pp. 16–32 (in German).

Shpakova R. P. (2004) Max Weber o sotsializme i sotsialistakh [Max Weber about Socialism and Socialists]. *Vestnik SPbSU*, series 6, no 3, pp. 91–97 (in Russian).

Steinert H. (2010) *Max Webers unwiderlegbare Fehlkonstruktionen. Die protestantische Ethik und der Geist des Kapitalismus* [Max Weber's Irrefutable False Constructions. The Protestant Ethic and the Spirit of Capitalism], Frankfurt am Main: Campus (in German).

Swedberg R. (1998) *Max Weber and the Idea of Economic Sociology*, New York: Princeton University Press.

Swedberg R. (2006) Verstehende Wirtschaftssoziologie. Über die Beziehung zwischen Max Webers "Soziologischen Grundbegriffen" und seiner Wirtschaftssoziologie [Interpretative Economic Sociology. About the Relationship between Max Weber's "Sociological Basic Concepts" and his Economic Sociology]. *Max Webers Grundbegriffe 'Kategorien der kultur- und sozialwissenschaftlichen Forschung* [Max Webers, Basic Terms'. Categories of Cultural and Social-science Research] (ed. K. Lichtbau), Wiesbaden: VS Verlag, pp. 292–315 (in German).

Swedberg R. (2008) Die Neue Wirtschaftssoziologie und das Erbe Max Webers [The New Economic Sociology and the Legacy of Max Weber]. *Handbuch der Wirtschaftssoziologie* [Handbook of Economic Sociology] (ed. A. Maurer), Wiesbaden: Springer VS, pp. 45–61 (in German).

Weber M. (1907) Kritische Bemerkungen zu den vorstehenden "Kritischen Beiträgen" [Critical Remarks on the above "Critical Contributions"]. *Archiv für Sozialwissenschaft und Sozialpolitik* [Archive for Social Science and Social Policy], no 24, pp. 243–249 (in German).

Weber M. (1908) Bemerkungen zu der vorstehenden "Replik" [Comments on the Above Replica]. *Archiv für Sozialwissenschaft und Sozialpolitik* [Archive for Social Science and Social Policy], no 26, pp. 275–283 (in German).

Weber M. (1910) Antikritisches zum "Geist des Kapitalismus" [Anti-Critical to the "Spirit of Capitalism"]. *Archiv für Sozialwissenschaft und Sozialpolitik* [Archive for Social Science and Social Policy], no 30, pp. 176–202 (in German).

Weber M. (1980) *Wirtschaft und Gesellschaft: Grundriß der verstehenden Soziologie* [Economy and Society: Foundations of Interpretative Sociology], Tübingen: Mohr (in German).

Weber M. (1988a) *Gesammelte Aufsätze zur Wissenschaftslehre* [Collected Essays on the Scientific Theory], Tübingen: Mohr (in German).

Weber M. (1988b) *Gesammelte Aufsätze zur Sozial- und Wirtschaftsgeschichte* [Collected Essays on Social and Economic History], Leinen: Kröner Verlag (in German).

Weber M. (1990) *Izbrannyye proizvedeniya* [Selected Works] (trans. and ed. Yu. N. Davydov; introduction by P. P. Gaidenko), Moscow: Progress (in Russian).

Weber M. (2017) *Max Weber-Gesamtausgabe Band II/1: Briefe 1875–1886* [Max Weber Complete Edition Volume II/1: Letters 1875–1886] (ed. G. Hübinger), Tübingen, Mohr (in German).

Winckelmann J. (1968) *Max Weber. Die protestantische Ethik II. Kritiken und Antikritiken* [Max Weber. The Protestant Ethics II. Critiques and Anti-Critiques], Hamburg: Siebenstern Taschenbuch-Vlg. (in German).

Received: August 22, 2018

Citation: Kataev D. (2018) Veberianskiy i antiveberianskiy diskurs k voprosu o gipnoticheskoy sile klassiki na primere Protestantskoy etiki [Weberian and Anti-Weberian Discourse: To the Question of the Hypnotic Power of Classics on the Example of “Protestant Ethics”]. *Journal of Economic Sociology = Ekonomicheskaya sotsiologiya*, vol. 19, no 5, pp. 146–163. doi: 10.17323/1726-3247-2018-5-146-163 (in Russian).

**Экономическая
социология**
Т. 19. № 5.
Ноябрь 2018

Электронный журнал
www.ecsoc.msses.ru
www.ecsoc.hse.ru

ISSN 1726-3247

Адрес редакции

101000, Россия,
г. Москва,
ул. Мясницкая,
д. 20, комн. 406
тел.: (495) 628-48-86
email: ecsoc@hse.ru

**Journal of
Economic Sociology**
Vol. 19. No 5.
November 2018

Electronic journal
www.ecsoc.msses.ru
www.ecsoc.hse.ru

ISSN 1726-3247

Contacts

20 Myasnitskaya street,
room 406
101000 Moscow,
Russian Federation
phone: +7 (495) 628-48-86
email: ecsoc@hse.ru

Доступ к журналу

- Доступ ко всем номерам журнала — постоянный, свободный и бесплатный.
- Каждый номер содержится в едином файле (10–12 п. л. в PDF).
- Если хотите, чтобы Вас оповещали о выходе очередного номера, пожалуйста, заполните форму подписки: <https://www.hse.ru/expresspolls/poll/23725626.html>

Open Access Policy

- All issues of the Journal of Economic Sociology are always open and free access.
- Each entire issue is downloadable as a single PDF file.
- If you wish to receive notification when new issues are published, please fill out the following form: <https://www.hse.ru/expresspolls/poll/23725626.html>